

ГРАФЪ КИСЕТУ (QUI SAIT TOUT).

НИ ТО, НИ СЁ.

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И СЦЕНЫ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Цѣна 1 р.

МОСКВА.
Я. Ѳ. Богдановъ, Книгопродавецъ-Издатель.
1870.

У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ Я. Ѳ. БОГДАНОВА

В Ъ М О С К В Ѣ

продаются слѣдующія книги:

БАРОНЪ I ГАЛКИНЪ. (СЪ ПОЗВОЛЕНІЯ СКАЗАТЬ) разсказы. Содержаніе. I Падшая (признанія камеліи). II Неземныя созданія (очеркъ). III Послѣднее прости (разсказъ на бивуакѣ. Изъ послѣдняго польскаго возстанія). IV Призраки. Москва. Цѣна 1 р.

ГАРТВИГЪ. Море и его жизнь. М. Ц. 3 р.

ГЕГЕЛЬ. Курсъ эстетики. 3 т. М. Ц. 6 р.

ТЁПФЕРЪ. Женскіе разсказы. 2 т. М. Ц. 75 к.

ДЮМА. Природа и люди Сѣверной Африки. 6 т. М. Ц 2 р.

ЕГО ЖЕ Графъ Монте-Кристо. 2 т. 2 р. 50 к.

Записки горничной съ портретомъ. Спб. 1 р.

Нѣтъ-ли мѣстечка для маіора? (разсказъ). М. 20 к.

ПОЛЬДЕКОКЪ. Баньщики. Романъ 3 т. М. 2 р.

— Подгородныя красавицы. 3 т. М. 1 р. 50 к.

— Вездѣ онъ. 2 т. М. 1 р.

— Братъ Яковъ. Съ картин. 4 т. М. 2 р.

— Похожденія г-жи де-Монфланкенъ. 4 т. М. 1 р. 25 к.

ВЛАДЫКИНЪ. Драматическіе очерки. М. 2 р.

АРИСТОВЪ. Московская заря (для молодыхъ людей). М. 1 р.

ЗАРЯ сборникъ для легкаго чтенія. Казань. 75 к.

ДРОЗЪ. Чортъ знаетъ что за дуэль! (разсказъ). М. 25 к.

ГРАФЪ КИСЕТУ (QUI SAIT TOUT).

НИ ТО, НИ СЁ

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И СЦЕНЫ.

МОСКВА.
Типографія В. Готье, на Кузнец. мосту, д. Торлецкаго.
1870.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КАМЕЛІИ ВЫСОКАГО И НИЗКАГО ПОЛЕТА.

ГЛАВА I.

На Кузнецкомъ и въ Эрмитажѣ.

На дворѣ стоялъ теплый весенній день. Снѣгъ уже давно сошелъ съ главныхъ улицъ Москвы, хотя въ переулкахъ его оставалось еще порядочно: и тамъ и сямъ еще виднѣлись большія несвезенныя глыбы наколотаго льда. Въ воздухѣ вѣяло свѣжестью и теплотою. Лучи солнца, еще не жгучіе и палящіе, какъ во время лѣта, только слегка согрѣвали. По улицамъ бѣжали ручьи, стекая всѣ въ громадный резервуаръ, Москву-рѣку, которая посинѣла и надулась, но ледъ еще стоялъ и не ломался.

Новомодная коляска, запряженная парою отличныхъ вороныхъ лошадей въ шикарной сбруѣ, быстро мчалась въ гору по Кузнецкому мосту.

Въ коляскѣ сидѣли двѣ женщины. Одна изъ нихъ была блондинка съ тонкими и изящными чертами лица. Насмѣшливая улыбка играла на ея тонкихъ губахъ. Она была

безспорно очень хороша собою, но въ чертахъ ея уже проглядывало утомленіе, пресыщеніе, а можетъ быть и скука.

Подруга ея представляла собою типъ совершенно противоположный: это была маленькая, сухощавая брюнетка съ острымъ носикомъ, большими чорными, веселыми глазами и пикантной улыбкой. Вся фигурка ея живая и маленькая, производила славное, веселое впечатлѣніе: чувствовалась, что это не статуя, а женщина, что она молода, полна силы и огня, что она еще хочетъ жить, жить и жить.

Вы спросите меня, быть можетъ, читатель, какъ одѣты были обѣ женщины?

О, одѣты они были безукоризненно; элегантно сидѣли на нихъ бѣлыя воздушныя шляпочки, съ бѣлыми лентами и чорныя бархатныя кофточки. Шикарный тигроваго цвѣта пледъ покрывалъ ихъ ноги, а потому и мѣшалъ разсмотрѣть цвѣтъ платья.

Коляска на самой крутизнѣ горы поѣхала нѣсколько потише; въ это самое мгновеніе щегольская эгоистка, съ толстымъ бородатымъ кучеромъ и подбоченившимся франтомъ, въ сѣромъ пальто и черной шляпѣ, какъ молнія пронеслась мимо.

— Это онъ, это Мащокинъ, крикнула бѣлокурая.

— Да, да, это онъ, разсѣянно отвѣчала ея подруга.

Эгоистка, промчавшись шаговъ сорокъ, круто повернула назадъ, и скоро поравнялась съ коляскою. Наружность господина, сидѣвшаго въ ней, была довольно замѣчательна. Это былъ здоровенный, тучный блондинъ, съ крупными,

топорными чертами лица. На этомъ лицѣ, открытомъ и честномъ, такъ и виднѣлись доброта и простосердечіе, хотя длинные усы и придавали ему нѣсколько суровый видъ; это былъ вполнѣ тотъ оригинальный, въ настоящее время почти вымершій, типъ старинныхъ дворянъ—помѣщиковъ, засидѣвшихся въ деревнѣ, гдѣ они проводили время на славу, а затѣмъ пріѣзжавшихъ въ Москву хорошенько повеселиться и, что называется, пустить въ глаза пыль.

Господинъ, поровнявшись съ коляской, чуть чуть дотронулся пальцами до шляпы „—Адель, Сончка,“ прошепталъ онъ. Сидѣвшія въ коляскѣ улыбнулись. Коляска, взъѣхавъ на гору, опять повернула внизъ и съ громомъ и трескомъ подкатила къ магазину Фульда.

— Дайте мнѣ браслетъ, только поновѣе, обратилась бѣлокурая къ приказчику.

— Tout de suite, madame, произнесъ тотъ съ достоинствомъ.

Браслеты были принесены. Бѣлокурая начала ихъ разсматривать одинъ за другимъ.

— Нѣтъ у васъ лучше? обратилась снова къ приказчику бѣлокурая.

Приказчикъ опять отправился за браслетами.

Въ это время къ магазину подлетѣла знакомая уже намъ эгоистка, съ сидѣвшимъ на ней тучнымъ блондиномъ. Черезъ минуту онъ, пыхтя и отдуваясь, уже входилъ въ магазинъ.

— Que faites vous ici, mesdames? произнесъ онъ хриплымъ голосомъ, пожимая руки дамамъ.

*

— Вы видите—покупаемъ браслеты, довольно сухо отвѣчала ему черноволосая.

Блондинъ на минуту замолчалъ.

Въ это время воротился приказчикъ, держа въ рукахъ нѣсколько коробочекъ съ браслетами.

— Ахъ, какъ хорошъ! вскрикнула бѣлокурая, выбравъ великолѣпный литой браслетъ съ небольшими изумрудами. Что стоитъ?

— Триста рублей.

— Вотъ деньги, — и Адель небрежно бросила на прилавокъ три смятыя сторублевыя.

— Что же вы себѣ ничего не купите, m-elle Sophie? снова вмѣшался блондинъ, обращаясь къ черноволосой.

Та пожала плечами.

— У ней чахотка, захохотала бѣлокурая.

— А у меня есть противъ нея вѣрное лекарство, засмѣялся блондинъ. Что стоитъ? обратился онъ къ приказчику, показывая на великолѣпный фермуаръ, лежавшій за стекломъ въ ящикѣ.

— Восемьсотъ рублей.

— Хорошо.

Блондинъ вытащилъ изъ боковаго кармана сюртука полновѣсный бумажникъ и отсчиталъ требуемыя деньги.

— Надѣюсь, болѣзнь ваша прошла? сказалъ онъ любезно черноволосой, передавая ей фермуаръ.

— Merci, улыбнулась Sophie, принимая подарокъ и пожимая руку блондину.

Адель съ завистью посмотрѣла на подарокъ.

— А такъ какъ ваша болѣзнь, милая Соничка, прошла, и вы находитесь въ вождѣленномъ здравіи, то я прошу сегодня васъ, а также и m-elle Адель позавтракать вмѣстѣ со мной въ Эрмитажѣ. Тамъ сегодня получены самыя свѣжія фленсбургскія устрицы. Блондинъ раскланялся съ дамами и, также пыхтя и отдуваясь, вышелъ изъ магазина.

Обѣ дамы слѣдовали за нимъ.

Ровно въ 2 часа къ подъѣзду Эрмитажа подъѣхалъ знакомый уже читателю блондинъ. Вмѣстѣ съ нимъ, немного погодя, пріѣхалъ и другой господинъ. Это былъ также блондинъ довольно высокаго роста, одѣтый очень щеголевато. Лицо новоприбывшаго, смолоду вѣроятно очень красивое, теперь производило не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Это была сильно потертая и истасканная физіономія, на которой легко можно было видѣть слѣды веселой жизни и разгульныхъ, безсонныхъ ночей. Небольшіе бѣлокурые усы, его были слегка закручены, большіе, сѣрые на выкатѣ глаза смотрѣли лѣниво и немного самодовольно.

— Отдѣльную комнату, получше, скомандовалъ тучный блондинъ кланявшимся офиціантамъ.

— Пожалуйте-съ, на право-съ.

Оба новоприбывшіе взошли въ небольшую комнату, посрединѣ которой стоялъ накрытый снѣжной бѣлизны скатертью столъ, съ нѣсколькими приборами.

— Подай карточку, да когда пріѣдутъ сюда двѣ дамы и будутъ насъ спрашивать, то проводи ихъ прямо сюда.

Затѣмъ дай водки и принеси закусить икры, балыка и тамъ чего нибудь получше.

— Слушаю-съ. Официантъ исчезъ.

Оба блондина прошлись по рюмочкѣ, затѣмъ тучный блондинъ сталъ обдумывать завтракъ. Въ это время появились Адель и Соня.

— Позвольте представить вамъ, M-elle Адель, одного изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, Николая Семеновича Орсохова, смѣясь рекомендовалъ тучный блондинъ своего знакомаго.

— А! мы уже знакомы, улыбнулась Адель.

— Быть можетъ не довольно близко? настаивалъ тучный блондинъ.

— Мы не могли счесть отдѣлявшаго насъ разстоянія, отвѣтилъ Орсоховъ, пожимая руку Адель и Сонѣ.

Адель засмѣялась. Соня вспыхнула.

— Вы очень мило острите, M-r Орсоховъ, замѣтила она.

— Очень радъ, если вы это находите.

Разговоръ завязался живой и бойкій.

— Ну ужъ ножикъ, говорила Адель, разрѣзывая дымящійся розбифъ, приготовленный а l'anglais.

— А что?

— На немъ можно доѣхать верхомъ до Петербурга и не обрѣзаться.

— Значитъ онъ все таки острѣе языка M-r Орсохова, вставила Соня.

— Во всякомъ случаѣ имъ удобнѣе зарѣзаться, чѣмъ вашими остротами, быстро отвѣтилъ Орсоховъ.

Всѣ засмѣялись.

Пѣнистый портеръ полился въ стаканы. Затѣмъ послѣдовали устрицы съ рейнвейномъ. Добрались и до шампанскаго.

— Господа, провозгласилъ Орсоховъ, тостъ за здоровье всѣхъ цвѣтовъ.

— И камелій въ особенности, добавилъ другой блондинъ.

— За поощрителей садоводства, отвѣтила Соня.

— За здоровье ихъ кармановъ, добавила Адель.

Всѣ выпили.

Исчезло еще двѣ бутылки. Разговоръ становился живѣе и откровеннѣе. Парочки размѣстились: Адель объ чемъ-то шопотомъ разговаривала съ Орсоховымъ, толстый блондинъ сидѣлъ рядомъ съ Соней, обнявъ ее за талію.

— Господа, поѣдемте въ паркъ, предложила Адель.

— Что же мы тамъ будемъ дѣлать, рискнулъ замѣтить Орсоховъ.

— Поѣдемте, поѣдемте крикнула Соня.

Четверо собесѣдниковъ поднялись съ мѣстъ и, расплатившись, направились къ выходу.

Въ то время, когда Соня, которая шла послѣднею, выходила изъ дверей гостинницы, по тротуару проходилъ очень молодой человѣкъ, такъ лѣтъ двадцати съ чѣмъ нибудь, съ очень живой и выразительной физіономіей; увидя Соню, онъ остолбенѣлъ и остановился на мѣстѣ.

«—Неужели это вы?» тихо спросилъ онъ.

Соня подняла глаза и яркая краска залила все лицо ея. На минуту она было остановилась, видно было, что въ ней происходила нѣкоторая борьба, но въ это время тучный блондинъ обернулся, раздался голосъ Адели; Соня потупила глаза и не поднимая ихъ рѣшительнымъ шагомъ пошла къ коляскѣ, мимо молодаго человѣка.

Кучеръ ударилъ по лошадямъ, коляска полетѣла, только одинъ молодой человѣкъ долго еще стоялъ на одномъ мѣстѣ и смотрѣлъ вслѣдъ экипажамъ, хотя они давно уже скрылись изъ вида.

ГЛАВА II.

Камелія и любовь.

Фамилія молодаго человѣка была Посвистовъ. Званіе — студентъ. Съ перваго взгляда физіономія Посвистова не представляла ничего особеннаго. Это былъ молодой человѣкъ немного повыше средняго роста, темноволосый и черноглазый. Черты лица его были неправильны: немного вздернутый носъ и нѣсколько толстый подбородокъ, покрытый юношескимъ пушкомъ, вовсе не представляли собой особеннаго изящества, только вглядѣвшись по пристальнѣе, вы могли бы замѣтить и умъ, сверкавшій въ его черныхъ глазахъ и эту добрую, необыкновенно симпатичную улыбку. Словомъ въ Посвистовѣ не было ничего осо-

беннаго: въ герои французскаго романа онъ бы не годился. — Что же за человѣкъ былъ Посвистовъ? А человѣкъ онъ былъ такъ себѣ, пожалуй и недурной. Былъ сынъ довольно зажиточныхъ родителей, въ мѣсяцъ получалъ когда рублей пятьдесятъ, когда и больше, а потому и могъ жить, сравнительно съ другими студентами, довольно безбѣдно; впрочемъ, такъ какъ онъ еще въ гимназіи считался душою своего кружка, то и теперь небольшой тѣсный кругъ гимназическихъ товарищей постоянно былъ сплоченъ около Посвистова. На квартирѣ его постоянно пребывало двое-трое товарищей по бѣднѣе. Съ ними слушались и проходились лекціи, съ ними же происходили и кутежи, которые такъ часты у студентовъ перваго курса. Шальной и беззоботный малый былъ Посвистовъ. Не зналъ онъ цѣны ни деньгамъ, ни здоровью. Сегодня, напримѣръ, кутежъ и ужинъ въ лучшемъ трактирѣ, на завтра неслось въ закладъ все скудное имущество студента и вся компанія гуртомъ отправлялась обѣдать въ какую нибудь греческую кухмистерскую, гдѣ за двадцать копѣекъ получали удовлетвореніе своему неприхотливому аппетиту.

Познакомился Посвистовъ съ Соней довольно оригинальнымъ образомъ. Іюнь былъ на исходѣ и погода стояла удушливо-жаркая. Посвистовъ, въ этотъ день только получившій отъ родныхъ деньги, и выкупивъ заложенное платье и часы, отъ скуки рѣшился отправиться въ Петровскій паркъ.

Это было время процвѣтанія домино-лото. Посвистовъ, забравшись въ Нѣмецкій клубъ, засѣлъ играть въ лото.

Сначала дѣло шло такъ себѣ: онъ игралъ больше въ ничью. Затѣмъ небольшаго роста, хорошенькая брюнетка, сидѣвшая какъ разъ напротивъ Посвистова, начала выигрывать самымъ ужасающимъ образомъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Посвистовъ проигралъ рѣшительно всѣ свои деньги, что-то рублей около сорока и остался только съ однимъ рублемъ. Онъ всталъ изъ за стола.

— Что же вы не продолжаете, замѣтила Посвистову брюнетка, которая во время игры нѣсколько разъ на него поглядывала. Отъиграйтесь.

— Къ несчастію, смѣясь отвѣтилъ ей Посвистовъ, у меня въ карманѣ только одинъ рубль.

— Э, полноте, не хотите-ли? и брюнетка протянула Посвистову, изящный портъ-моне, биткомъ набитый ассигнаціями.

— Благодарю васъ, я никогда не беру денегъ отъ женщины, вспыхнувъ отвѣчалъ Посвистовъ.

Брюнетка въ свою очередь закусила губы.

Поужинавъ и выпивъ бутылку пива, Посвистовъ съ философическимъ спокойствіемъ отправился пѣхтуромъ во свояси.

Былъ часъ второй ночи. Чуть чуть начинало свѣтать. Посвистовъ по холодку шелъ быстро. Разстояніе непримѣтно сокращалось. Ему ужасно захотѣлось курить.

— Папиросы, кажись есть, проговорилъ вслухъ Посвистовъ, шаря въ карманахъ.

Папиросы точно оказались, но спичекъ не было.

Въ это время, Посвистова быстро обогнала коляска, запряженная парою въ дышло. Въ колясокѣ сидѣла женщина; она курила папиросу.

— Остановитесь на минутку, громко крикнулъ Посвистовъ.

Сидѣвшая въ коляскѣ женщина съ удивленіемъ обернулась, затѣмъ она что-то тихо сказала кучеру. Коляска остановилась.

Посвистовъ подошелъ.

— Что вамъ угодно? вѣжливо спросила сидѣвшая въ коляскѣ женщина.

— У меня нѣтъ спички. Позвольте закурить у васъ папиросу, отвѣчалъ приподнявъ шляпу Посвистовъ.

Дама засмѣялась и протянула Посвистову папиросу.

Посвистовъ сталъ закуривать. При свѣтѣ раскуриваемой папиросы Посвистовъ узналъ въ сидѣвшей въ коляскѣ ту самую брюнетку, которая предлагала ему денегъ въ Нѣмецкомъ клубѣ. Съ своей стороны брюнетка также узнала Посвистова.

— Что это вамъ вздумалось въ Москву пѣшкомъ идти, смѣясь спросила брюнетка Посвистова. Тотъ комически махнулъ рукой.

— Проигрались? допрашивала брюнетка.

— До копѣйки.

— Ну такъ садитесь, я васъ подвезу

— Благодарю васъ.

Посвистовъ полѣзъ было на козлы къ кучеру.

— Куда вы? крикнула брюнетка, садитесь сюда, рядомъ со мной.

Посвистовъ сѣлъ и они покатили.

Брюнетка довезла Посвистова до самой квартиры.

— Прощайте, говорила она Посвистову, крѣпко пожимая ему руку, заходите ко мнѣ. Я живу тамъ-то.

— Непремѣнно.

Оригинально начатое знакомство продолжалось, Посвистовъ на другой день отправился къ Софьѣ Семеновнѣ, (такъ звали брюнетку) затѣмъ онъ продолжалъ туда ходить чуть не каждый день.

Молодые люди сошлись. Въ любви ихъ было много молодаго, теплаго, горячаго чувства (впрочемъ и сами-то они были почти что дѣти: Посвистову было двадцать а Сонѣ семнадцать лѣтъ), особенно Соня страстно привязалась къ Посвистову.

Посвистову не нравилось въ Сонѣ одно: онъ зналъ жизнь ея. Много труда и много словъ употреблялъ онъ, чтобы отвлечь ее отъ этой жизни.

— Милый ты мой, говорила ему Соня, неужели ты думаешь, что эта жизнь мнѣ по вкусу? Неужели ты думаешь, что мнѣ не лучше, не веселѣе любить одного тебя?

— Ну такъ что-же, зачѣмъ же дѣло? спрашивалъ Посвистовъ.

— А чемъ же я жить-то буду?

— Живи со мной, у насъ на двоихъ хватитъ, говорилъ обыкновенно Посвистовъ.

— Не могу я жить такъ, пригожій мой, говорила Соня, разбирая рукою его густые, темнорусые волосы и ласкаясь къ Посвистову; не привыкла я такъ жить.

Между ними поднимались безконечные споры. Посвистовъ подъ конецъ уступалъ.

Изъ за чего же поссорилась Соня съ Посвистовымъ?

Виновницей этому была Адель.

Это была удивительно странная женщина: капризная до невозможности, иногда злая до жестокости, въ другой разъ добрая до глупости, она не разъ смѣялась Сонѣ надъ страстью питаемою послѣднею къ «прогорѣлому студентишкѣ» и не разъ убѣждала Соню бросить Посвистова. Долгое время это ей не удавалось. Наконецъ она какъ-то увезла Соню къ себѣ, гдѣ и продержала ее цѣлую недѣлю; прислугѣ Сони, по распоряженію Адель, не велѣно было говорить, куда уѣхала барышня. Такимъ-то образомъ Посвистовъ, не видавшій Соню цѣлую недѣлю, такъ неожиданно для себя и для нея, встрѣтилъ ее у подъѣзда Эрмитажа.

ГЛАВА III.

На чужбинѣ отцвѣтающая камелія.

Грустный и задумчивый, послѣ свиданья съ Сонею, шелъ къ себѣ домой Посвистовъ. Ударъ по плечу вывелъ его изъ оцѣпененія. Передъ Посвистовымъ стоялъ молодой человѣкъ, въ золотыхъ очкахъ, въ черномъ пальто, съ

опухшею отъ пьянства физіономіей. На ногахъ онъ стоялъ не совсѣмъ твердо.

— Голубчикъ Посвистовъ, здравствуй, крикнулъ опухшій господинъ и бросился обнимать Посвистова.

Вглядѣвшись пристальнѣе въ незнакомца, Посвистовъ узналъ въ немъ своего стараго гимназическаго товарища — ужаснаго враля, кутилу, но за всѣмъ этимъ очень добраго малаго.

— Здравствуй, Чортани, отвѣтилъ Посвистовъ, нѣсколько уклоняясь отъ его объятій.

— Здравствуй, здравствуй голубчикъ, продолжалъ Чортани, ужъ какъ я радъ, что тебя встрѣтилъ. Скука такая — страсть.

— Ну, кажется, тебѣ не очень скучно, замѣтилъ Посвистовъ.

— А что? Выпилъ-то-я? Это, братъ, ничего, это для препровожденія времени.

— Ну ну, ладно. Прощай.

— Прощай, крикнулъ Чортани, какже, такъ ты отъ меня и отдѣлался. Слушай, голубчикъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Посвистову, я стою у Дюссо, поѣдемъ туда пожалуйста.

— Ну вотъ, зачѣмъ я еще туда поѣду?

— Зачѣмъ, ахъ ты вандалъ, поѣдемъ — я тебя угощу обѣдомъ.

Посвистовъ засмѣялся.

— Что ты разбогатѣлъ что-ли?

Чортани свиснулъ.

— Еще бы! ну поѣдемъ.

Поѣхали. Чортани фертомъ взошелъ въ ресторанъ.

— Пюре изъ шампиніоновъ, лангетъ де бёфъ соусъ пикантъ, жаркое—цыплята и мороженаго, заказывалъ Чортани офиціанту, согрѣть бутылку лафиту, подать водки и заморозить шампанскаго.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ офиціантъ.

— Дюссо дома?

— Никакъ нѣтъ.

— Позвать какъ пріѣдетъ.

Обѣдъ былъ принесенъ. Чортани ѣлъ необыкновенно медленно. Онъ все посматривалъ по сторонамъ, какъ будто ища кого нибудь.

— Что у тебя есть съ собой деньги? неожиданно огрѣлъ онъ Посвистова.

Посвистовъ оторопѣлъ,

— Рублей пять есть, отвѣчалъ онъ.

— А, ну хорошо. Ты надѣюсь не думаешь, что я попрошу тебя заплатить здѣсь? и Чортани насильственно засмѣялся.

— Нѣтъ, не думаю

— Ну то-то.

Безпокойство Чортани начало усиливаться. Подъ разными предлогами, онъ вставалъ нѣсколько разъ съ мѣста и все кого-то высматривалъ.

Взошелъ Дюссо. Чортани просіялъ

— Bonjour, m-r Dusseaux, подлетѣлъ онъ къ ресто-

ратору, и взявъ его подъ руку, повелъ въ сосѣднюю залу.

Посвистову послышался нѣсколько крупный разговоръ, выразительный шопотъ Чортани и сердитый, громкій голосъ ресторатора. Затѣмъ все смолкло. Чортани вышелъ изъ залы, обтирая платкомъ съ лица потъ, но веселый и торжествующій.

— Деньги за мной, крикнулъ онъ официанту.

— Посвистовъ, зайдемъ на минутку ко мнѣ.

— Спасибо, мнѣ нѣкогда.

— Куда еще тебѣ?

— Нужно домой.

— Домой, вотъ вздоръ, я самъ тоже не пойду домой, поѣдемъ лучше, я тебя представлю одной барынѣ.

Какъ ни упирался Посвистовъ, Чортани настоялъ на своемъ. Извозчикъ повезъ ихъ на Трубу въ домъ Ломакина.

— Дома барыня? спросилъ Чортани у довольно грязноодѣтой дѣвки, попавшейся имъ въ одномъ изъ длиннѣйшихъ корридоровъ Ломакинскаго дома.

— Дома, пожалуйте.

Посвистовъ и Чортани взошли сперва въ темную и не совсѣмъ чистую переднюю, затѣмъ взошли въ небольшую комнату, съ извѣстною обстановкою всѣхъ chambres garnies, т. е. клеенчатымъ диваномъ у стѣны, двумя столами и нѣсколькими стульями, въ одномъ углу стояло старинной работы фортепіано.

На встрѣчу имъ поднялась высокаго роста женщина, одѣтая очень просто, въ холстинковое платье, но съ большимъ вкусомъ. Лицо этой женщины, обрамленное каштановыми, немного растрепанными волосами, нельзя было назвать особенно красивымъ: это было лицо, носившее на себѣ слѣды заботъ и волненій, сильно пожившее и усталое. Оно могло показаться болѣзненнымъ отъ его необыкновенной блѣдности, губы были также блѣдны; одни только глаза, большіе и выпуклые, какого-то страннаго, сѣраго, почти желѣзнаго цвѣта, опушенные большими чорными рѣсницами, были великолѣпно хороши. Они смотрѣли какимъ-то болѣзненнымъ, не то грустнымъ, умоляющимъ взглядомъ. При первомъ взглядѣ на эту женщину, всякій невольно бы подумалъ, что мѣсто ея не здѣсь, въ этой грязной комнатѣ и назначеніе ея не то, чтобы удовлетворять страстямъ грубымъ, дикимъ и невѣжественнымъ.

— M-lle Hortense — мой пріятель Посвистовъ! познакомилъ Чортани. Впрочемъ, предупреждаю васъ Hortense, что онъ по французски не говоритъ.

— Очень рада, сказала Hortense, съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ. Угодно вамъ чаю господа?

— Позвольте. Да кстати, будьте такъ добры, распорядитесь и на счетъ рому и тамъ еще чего нибудь. Чортани вынулъ изъ кармана десятирублевую ассигнацію и передалъ Hortense.

Та вышла.

Что за женщина, братъ, обратился Чортани къ Посвистову, прелесть, восхищенье. Не правда-ли, а?

— Барыня хорошая, просто отвѣчалъ Посвистовъ.

Въ это время вошла Hortense.

Разговоръ, съ помощію Чортани, довольно порядочно владѣвшаго французскимъ языкомъ, кое-какъ завязался. Hortense отвѣчала бойко и довольно не глупо. По всему было видно, что она на своемъ вѣку таки видала виды.

Принесли самоваръ, бутылку рому и еще кое какія закуски и вино.

Разговоръ пошелъ поживѣе. Hortense раскраснѣлась и начала пѣть какія то французскія пѣсни, весьма пикантнаго содержанія.

Вдругъ дверь съ трескомъ отворилась и въ комнату влетѣла новая собесѣдница.

Это была совсѣмъ молодая дѣвушка, лѣтъ семнадцати— не болѣе. Ея необыкновенно смуглое лицо, съ густыми, чорными курчавыми волосами, небрежно разбросанными по плечамъ, давали ей видъ какой-то негритянки. Очень некрасивое, но выразительное лицо дышало злостью и гнѣвомъ.

Вслѣдъ за нею ворвался господинъ съ усами, одѣтый въ высшей степени неряшливо и пьяный въ дребезги.

— Что онъ со мной дѣлаетъ, Боже мой, обратилась чернолицая дѣвушка къ Hortense.

— Пойдемъ, пойдемъ со мной, кричалъ усатый господинъ, хватая ее за руку.

— Оставьте, оставьте, Боже мой, кричала та. Въ голосѣ ея слышались непритворныя слезы и отчаяніе.

Посвистовъ всталъ.

— Что вамъ угодно отъ нея? обратился онъ въ упоръ усатому господину.

— Оставь его, не трогай, что тебѣ за дѣло? тихо говорилъ на ухо Посвистову Чортани.

— Что вамъ отъ нея надо? повторилъ угрожающимъ тономъ Посвистовъ.

Черноліцая дѣвушка замолкла и съ какимъ-то тупымъ недоумѣніемъ смотрѣла на всю эту сцену.

Усатый господинъ оторопѣлъ.

— Мнѣ надо, чтобы она шла со мной: я заплатилъ ей деньги, спустилъ онъ тономъ пониже.

— Не пойду, отрѣзала чернолицая. Возьмите ваши деньги. Вотъ—и она выкинула на столъ пятирублевую ассигнацію.

Усатый господинъ побагровѣлъ отъ досады.

— Мнѣ не деньги нужно, отрѣзалъ усатый. Иди со мной.

Онъ снова схватилъ ее за руку.

— Оставьте ее, крикнулъ Посвистовъ.

Онъ поблѣднѣлъ какъ смерть, глаза его загорѣлись опаснымъ огнемъ.

Усатый продолжалъ тащить дѣвушку за собою.

Раздался глухой ударъ. Усатый господинъ выпустилъ изъ рукъ дѣвушку и тяжело повалился на полъ. Щека его была разбита въ кровь.

— Выбросьте отсюда эту падаль! крикнулъ Посвистовъ, вошедшему на шумъ номерному.

Номерной поднялъ усача, ошеломленнаго ударомъ и паденіемъ, подалъ ему въ руку шляпу, положилъ въ карманъ

пальто брошенную дѣвушкою пятирублевую и подъ руки вывелъ изъ комнаты.

Чернолицая бросилась благодарить Посвистова.

Вечеръ, прерванный такимъ неожиданнымъ пассажемъ, продолжался. Чортани, похлебывая то того то сего, натянулся преисправно. Онъ совсѣмъ легъ на диванъ, обнялъ Hortense за талію и сталъ ей что-то шептать на ухо, за что получалъ названія: polisson, fripon et coetera, а иногда легкій ударъ по щекѣ или дранье за волосы.

Съ своей стороны чернолицая дѣвушка, которую, какъ оказалось, звали Agathe, также видно не хотѣла оставаться въ долгу передъ Посвистовымъ; она подсѣла къ нему, завела разговоръ о театрахъ, о маскарадѣ, гуляньяхъ т. п., затѣмъ она съѣхала на разговоръ о чувствахъ и заявила, что она вообще любитъ брюнетовъ, а въ особенности смѣлыхъ и сильныхъ мужчинъ.

Подвыпивши, Agathe стала еще безцеремоннѣе: она уже напрямки объявила Посвистову, что онъ ей очень нравится, все порывалась поцѣловать его и звала его посмотрѣть свою комнату.

Посвистова давно начинало коробить. «Рожа этакая, а еще любезничаетъ» думалось ему, и онъ вспомнилъ о хорошенькой, маленькой Сонѣ. Наконецъ онъ не выдержалъ, когда Чортани, ни мало не стѣсняясь, сталъ обнимать Hortense уже черезъ чуръ подозрительно. Онъ плюнулъ, взялъ шляпу и, не смотря на всѣ удерживанья Чортани, Hortense и назойливыя просьбы Agathe, почти выбѣжалъ изъ комнаты.

Свѣжая апрѣльская ночь такъ и обдала его и яркимъ свѣтомъ луны и своею пахучею прохладою. Немного морозило и тонкій ледъ, за ночь покрывшій ручьи и лужи, такъ и хрустѣлъ подъ ногами. Посвистовъ бульварами отправился къ себѣ домой.

На Тверскомъ бульварѣ, не подалеку отъ кофейной, къ нему неожиданно подошла какая то женщина.

При яркомъ свѣтѣ луны, увидалъ Посвистовъ существо въ грязныхъ, отрепаныхъ лохмотьяхъ, съ лицомъ до того искаженнымъ болѣзнями и страданіями, до того увядшимъ и поблекшимъ, что онъ почувствовалъ невольное сострадание.

— Баринъ, не хотите-ли меня съ собой взять? прошептала она голосомъ осиплымъ отъ холода и болѣзней.

Посвистовъ взрогнулъ. Поспѣшно хватился онъ рукою за карманъ, вынулъ рубль и отдалъ его женщинѣ. Затѣмъ еще поспѣшнѣе бросился прочь отъ нея.

— Бѣдныя женщины! Бѣдная Соня! что-то съ нею будетъ? твердилъ онъ всю дорогу.

ГЛАВА IV.

Какъ проводятъ день камеліи.

Адель и Соня вернулись домой очень поздно и обѣ сильно подвыпивши. Раздѣвшись, какъ попало, онѣ, съ помощью горничныхъ, чуть добрались до постели, гдѣ тотчасъ же заснули.

На другой день онѣ проснулись обѣ съ сильною головною болью—этимъ обыкновеннымъ послѣдствіемъ неумѣреннаго кутежа. Не умываясь (большая часть камелій обыкновенно не умываются, чтобы не повредить искуственному румянцу) онѣ сѣли пить кофе, изрѣдка перекидываясь немногими словами.

Время шло убійственно долго. Обѣ зѣвали на перерывъ.

— Отъ Мащокина коляска пріѣхала, доложила горничная.

Начался процессъ одѣванья, бѣленья, подкрашиванья щекъ, черненья рѣсницъ и пр., затѣмъ опять катанье по улицамъ Москвы.

Часовъ около пяти, камеліи вернулись и Сонѣ подали записку.

Записка была отъ Посвистова.

«Голубчикъ мой, Соня! гласила записка, я былъ у тебя «разъ по крайней мѣрѣ десять—и мнѣ всякій разъ говори-«ли, что тебя нѣтъ дома. Что это такое? Нежеланіе при-«нимать меня, или ты въ самомъ дѣлѣ ужъ черезъ чуръ заку-«тилась? Если первое, то въ такомъ случаѣ гораздо про-«ще было сказать мнѣ объ этомъ самому—и я, повѣрь, «исполнилъ бы твое желаніе. Если же это второе, если «ты еще болѣе погрузилась въ тотъ грязный омутъ, изъ «котораго нѣтъ выхода, какъ въ публичный домъ или «богадѣльню, то воротись! Воротиться еще не поздно! «Вспомни, что если ты теперь еще молода и здорова, то

«пройдетъ два, три года—и этаго здоровья не станетъ, «и тогда всѣ грязные сластолюбцы, которые теперь считаютъ за счастье твою улыбку, тѣ самые развратники «взглянутъ на тебя съ улыбкой уничтожающаго презрѣнія, «и первые бросятъ въ тебя камнемъ. А меня въ то время «можетъ быть не будетъ, чтобы пріютить тебя бѣдную, «задавленную людьми, горемъ и нищетою!

«Я пишу къ тебѣ, Соня, потому, что я знаю, что ты «не притворялась, что ты любила меня. Притворяться тебѣ «было не къ чему. Я знаю, что ты и встрѣчала и можетъ «встрѣтишь людей гораздо красивѣе и умнѣе меня, которые «будутъ богаче меня въ сто, въ тысячу разъ, вопросъ «не въ томъ. Но оцѣнитъ ли тебя кто такъ, какъ я, моя «голубушка? Поймутъ ли твое доброе, золотое сердечко? «Поймутъ-ли тебя, съ виду злую и капризную, а въ душѣ добрую и благородную?!

«Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ.

«Послушай, что я тебѣ предлагаю: ты знаешь, я не «богатъ, но отецъ и мать меня любятъ безъ памяти. «Если я женюсь на тебѣ, они посердятся, посердятся, да «и перестанутъ. А что полюбятъ они тебя, такъ я въ «этомъ увѣренъ. Ну, хочешь по рукамъ! M-elle Sophie, «честь имѣю предложить вамъ руку и сердце.

Въ ожиданіи отвѣта, остаюсь влюбленный въ тебя Николай Посвистовъ.

«PS. Ты вѣдь хорошо знаешь, что я не подлецъ и что «слово упрека въ прошломъ никогда не сорвется съ губъ

«моихъ. Я знаю, что не ты виновата въ своемъ прошед-
«шемъ.»

Первымъ движеніемъ Сони, по полученіи письма, было летѣть къ Посвистову. Коляска еще не отъѣзжала отъ крыльца. Соня бросилась въ переднюю и начала уже надѣвать мантилію.

Въ это время изъ другой комнаты показалась Адель.

— Куда-ты? крикнула она Сонѣ.

— Къ Посвистову!

— А, это опять къ студентишкѣ-то этому, захохотала Адель, пора, давно не видались. Соня не отвѣчала: она уже отворяла дверь на улицу.

— Да постой, сумасшедшая, снова крикнула Адель, скажи по крайней мѣрѣ, куда ты ѣдешь.

Соня остановилась. Она вспомнила, что забыла, гдѣ живетъ Посвистовъ. Она хватилась за письмо: адреса въ письмѣ обозначено не было.

— Куда-же я поѣду? вырвалось у нея.

— Разумѣется, куда-же ты поѣдешь, подхватила Адель; Да и чего ты обрадовалась письму-то? хоть-бы подождала, пока другое напишетъ.

— Онъ хочетъ на мнѣ жениться. Онъ меня любитъ.

Адель захохотала.

— Жениться! вотъ что! Браво, Софья Семеновна, вы, вы будете женою несчастнаго прогорѣлаго студента. Честь имѣю поздравить.

Соня вспыхнула.

— Пожалуста, не отзывайся такъ о томъ, кого ты не знаешь, рѣзко крикнула она.

— Какъ не знаю, хохотала Адель, вотъ еще не знать. Да вѣдь ты дура, обратилась она къ Сонѣ, вѣдь онъ тебя обманываетъ, а ты и вѣришь. Знаемъ мы этихъ студентовъ! Мастера они зубы заговаривать. Ему просто досадно, что ты его бросила, вотъ теперь и придумываетъ какъ бы опять....

— Молчи! ты его не знаешь, такъ и молчи, оборвала опять Соня. Я сейчасъ ѣду къ себѣ домой. Онъ сейчасъ придетъ ко мнѣ.

— Да подожди по крайней мѣрѣ, пообѣдай.

— Мнѣ некогда.

— Ну ужъ я тебя такъ не отпущу, воскликнула Адель, и обратившись къ Сонѣ, начала стаскивать съ нея мантилію.

Волею, неволею приходилось остаться.

Соня за обѣдомъ была задумчива и почти ничего не ѣла.

— Выпей что нибудь, приставала Адель.

— Да выпей же, дурочка ты этакая, послѣ похмѣлья хорошо.

Соня уступала и пила.

Обѣдъ еще не кончился, какъ раздался самый убійственный звонокъ.

— Господинъ Мащокинъ съ пріятелями пріѣхалъ, доложила горничная.

— Проси, проси, крикнула Адель,

Въ комнату ввалился нашъ старый знакомый, толстый блондинъ, съ нимъ было еще человѣка три, четыре, состоявшихъ при немъ въ должности прихлебателей, и описывать которыхъ мы разумѣется не будемъ.

— Драгоцѣнная Соничка! ваше здоровье? прохрипѣлъ блондинъ, беря и цѣлуя ея руку.

У Сони вырвалось невольное движеніе отвращенія.

— Какъ хорошо, что вы пріѣхали во время, лебезила Адель передъ Мащокинымъ, знаете ли, вотъ Соня удрать хотѣла.

— Ну да?

— Серьёзно, и знаете къ кому?

Мащокинъ насторожилъ уши.

— Къ кому же?

Умоляющій взглядъ Сони какъ-бы просилъ Адель объ молчаніи.

— Студентикъ здѣсь одинъ есть, продолжала Адель, злобно подсмѣиваясь. Мы изволите-ли видѣть, питаемъ къ нему нѣжную страсть...

— Неужели? прохрипѣлъ Мащокинъ.

— Серьёзно. Да вѣдь какъ влюблена-то въ этаго паршиваго: все объ немъ только и думаетъ, все объ немъ только.....

Адель не докончила.

Вся преобразившись отъ внутренняго волненія, съ пылающими щеками, съ сверкающими, какъ молнія, большими чорными глазами стояла передъ ней Соня, она какъ будто

выросла на цѣлый аршинъ. Презрительнымъ взлядомъ она обожгла и уничтожила Адель.

— Молчи, громко крикнула она, молчи же и не смѣй ни слова говорить о томъ, кто въ тысячу разъ лучше тебя, чище и благороднѣе. Это-ты только видишь въ людяхъ одно тѣло и одинъ карманъ и за то презираема въ душѣ всѣми, даже и тѣми, кто наружно льститъ тебѣ и преклоняется передъ тобою. Онъ не таковъ, какъ ты и всѣ тебя окружающіе: онъ добръ и честенъ, и за это люблю его. Да, люблю и люблю, и ненавижу васъ всѣхъ, потому что вы виновники моей развратной, моей подлой и ненавистной мнѣ жизни. Но довольно, я узнала васъ и нехочу больше имѣтъ съ вами никакого дѣла. Вотъ вашъ подарокъ, обратилась она къ Мащокину, бросая къ ногамъ его, лежавшій тутъ же на столѣ, купленный имъ фермуаръ, подарите его другой, болѣе способной оцѣнить и его и ваше великодушіе. Прощайте!

Всѣ остолбенѣли. Никто не ожидалъ такой неожиданной развязки. Когда они опомнились, Сони уже не было.

ГЛАВА V.

Любовь въ полномъ цвѣтѣ.

Часовъ въ девять вечера, проходя мимо дома, гдѣ жила Соня, Посвистовъ увидалъ въ окнѣ огонь. Онъ постучался и ему отворили.

— Дома барыня? спросилъ онъ у горничной.

— Лежатъ въ постели, нездоровы. Васъ приказали просить.

Посвистовъ вошелъ.

Соня, полураздѣтая, лежала на кровати; отъ давишней вспышки у ней сдѣлалось нервическое раздраженіе и разболѣлась голова. Увидя Посвистова, она бросилась къ нему на шею.

— Коля, голубчикъ мой, милый мой, твердила она: Рѣчь ея прерывалсь нервическимъ рыданіемъ: видно было, что она была сильно потрясена.

— Что съ тобой Соня, голубушка, что съ тобой? заботливо спрашивалъ онъ.

Соня безъ словъ упала ему на руки. Посвистовъ бережно отнесъ ее на диванъ и положилъ на него. Вбѣжала горничная; вмѣстѣ съ Посвистовымъ, они начали приводить ее въ чувство: терли ей виски уксусомъ, давали нюхать спиртъ: Соня очнулась.

Она тихо подняла руки, схватила ими Посвистова за голову и нагнула его къ себѣ. Губы ихъ встрѣтились. Она поцѣловала его долгимъ, страстнымъ поцѣлуемъ, поцѣловала такъ, какъ цѣлуютъ женщины своихъ избранниковъ, когда вмѣстѣ съ поцѣлуемъ они какъ будто хотятъ передать счастливцу и самую душу.

У Посвистова закружилась голова: онъ сталъ на колѣни и страстно прильнулъ къ Сонѣ.

Они остались одни.

Бывалъ ли ты молодъ, читатель? Любилъ ли ты когда нибудь, и если-любилъ, то вспомни всѣ тѣ страданія и муки, которыхъ не промѣняешь потомъ ни на какія радости, тѣ страстные порывы восторга и счастья, которые наполняли твое сердце, послѣ счастливыхъ, ни съ чѣмъ несравниваемыхъ минутъ, которыя ты проводилъ *«съ нею»*. Вспомни тѣ минуты заботы и ревности, такъ легко прогоняемыя одной улыбкою милой; вспомни все это, и неужели ты не сознаешься, что ты жилъ въ эти минуты полною жизнью, пилъ изъ полнаго кубка счастія. Да, эти минуты не забываются. Въ сѣдой и дряхлой старости ты вспомнишь объ нихъ и перенесешься къ нимъ мыслію: и тогда ты можетъ быть богатый и знатный, а прежде нищій, не имѣвшій ни имени, ни званія ты, богачъ, позавидуешь нищему; ты съ радостію побросалъ бы все, отдалъ бы всѣ богатства и почести, чтобы хоть только часъ пробыть на мѣстѣ этаго нищаго, видѣть съ любовью устремленныя на тебя полныя огня и нѣги очи, обнимать стройную гибкую талію, цѣловать розовыя, страстно вздрагивающія уста...

Когда сердце чѣмъ нибудь потрясено и взволновано, когда чувство сильно возбуждено и оскорблено, намъ безконечно дѣлается дорогъ тотъ человѣкъ, который въ эти минуты тоски и тревоги съумѣлъ подойти къ намъ съ словомъ сочувствія и привѣта.

Мы смотримъ на этотъ шагъ какъ на принесенную для насъ жертву и разумѣется стараемся сами отблагодарить его.

Посвистовъ попалъ къ Сонѣ именно въ минуты подобнаго настроенія. Къ тому же онъ нравился ей; она любила его, поэтому, понятно чѣмъ онъ былъ для нея въ это время; она отдалась ему вся и душой и тѣломъ.

На другой день Соня переѣхала къ Посвистову. Зажили они славно. Утромъ Посвистовъ большею частію учился: готовился къ экзамену. Въ два часа онъ возвращался и Соня, поджидавшая его, бросалась къ нему на шею. Вмѣстѣ они обѣдали, пили чай, затѣмъ уѣзжали куда нибудь за городъ, гдѣ взявшись за руки, они гуляли, шалили и бѣгали, какъ гимназисты, отпущенные домой на вакацію. Соня пополнѣла и похорошѣла удивительно, Посвистовъ также сдѣлался похожъ на молодаго супруга, наслаждающагося медовымъ мѣсяцемъ.

Въ одну изъ своихъ загородныхъ прогулокъ они встрѣтили Адель. Адель, по обыкновенію, сопровождала цѣлая компанія. Съ ней шли трое шутниковъ, всѣ они были также знакомы и Сонѣ; это были извѣстный Жоржъ, стяжавшій себѣ безсмертную славу искуствомъ танцовать канканъ; другой, тучный и полный господинъ, былъ Глудовъ, московскій купецъ и коммерсантъ, столь же извѣстный своимъ богатствомъ, какъ и многочисленными скандалами и мордобитіями, которые, благодаря деньгамъ, большею частію оканчивались миромъ, что касается до третьяго,—то это былъ балетный танцовщикъ, изъ второкласныхъ, средняго роста полная личность, съ лихо закрученными рыжеватыми усами, которую всегда можно видѣть на всѣхъ московскихъ бульварахъ, гуляньяхъ, катаньяхъ, въ театральномъ маскарадѣ и

иногда даже на балахъ, личность всегда втирающуюся къ богатымъ и простымъ малымъ, крайне непріятную и подозрительную.

Увидя Соню, Адель бросила руку Глудова и подбѣжала къ ней.

— Ахъ Соня! Какъ давно я тебя не видала, какъ я рада тебя встрѣтить. M-r Посвистовъ. Адель протянула ему руку.

Посвистовъ и Соня поздоровались.

— Ты не повѣришь, какъ я рада тебя видѣть, тараторила звонкимъ голосомъ Адель, скука такая безъ тебя, что ужасъ. А Мащокинъ-то бѣдный, все пристаетъ ко мнѣ, все спрашиваетъ, куда ты дѣвалась.

— Перестань Адель, перебила, покраснѣвъ, Соня, ты вѣдь знаешь, что это меня нисколько не интересуетъ.

Адель засмѣялась.

— Я вѣдь только хотѣла увѣдомить тебя объ участи твоихъ поклонниковъ.

— Я тебѣ повторяю, что это меня нисколько не интересуетъ.

Въ это время подошли кавалеры Адели.

Жоржъ былъ знакомъ съ Посвистовымъ.

— Здравствуй, Посвистовъ, сказалъ онъ протягивая ему руку.

Посвистовъ поздоровался.

— Что тебя нигдѣ не видно, продолжалъ Жоржъ, все небось въ заперти сидитъ. Счастливчикъ! Какъ ваше здо-

ровье, Софья Семеновна, обратился онъ къ Сонѣ, вы хорошѣете съ каждымъ днемъ.

— Развѣ вы меня видите каждый день, что такъ говорите? обрѣзала его Соня. Прощайте, господа, обратилась она къ остальной публикѣ, намъ пора домой.

— Соня, m-r. Посвистовъ, подождите крикнула Адель·

Тѣ остановились.

— Пожалуйста, я васъ приглашаю, (на словѣ *я* Адель сдѣлала удареніе) я васъ прошу, поѣдемте сегодня въ паркъ.

— Вмѣстѣ съ этими господами? спросилъ Посвистовъ.

— Ну да, конечно.

— Нѣтъ, не знаю какъ Соня, я не поѣду.

— Полноте, поѣдемте, они всѣ такіе милые, а Жоржъ вѣдь вамъ знакомый.

— Благодарю васъ, я не могу.

Посвистовъ приподнялъ шляпу и они съ Соней отправились. Долго долеталъ еще до нихъ насмѣшливый пронзительный хохотъ Адели и голоса ея собесѣдниковъ, затѣмъ все замолкло.

Въ другой разъ они встрѣтили Чортани. Чортани былъ какъ и всегда подъ хмѣлькомъ, подъ руку съ нимъ шла Agathe.

Agathe была нѣсколько приличнѣе обыкновеннаго. На ней было надѣто какое-то шелковое платье и хорошенькая шляпочка, черномазое лицо ей какъ будто немного побѣлѣло.

Посвистовъ познакомилъ Чортани и Agathe съ Сонею.

Agathe съ завистію смотрѣла на Соню. Соня была для нея недостижимымъ идеаломъ. Agathê спала и видѣла, чтобы

попасть въ тотъ кругъ знатныхъ и богатыхъ шалопаевъ, въ которомъ прежде вращалась Соня и никогда не думала, чтобы желаніе ея могло осуществиться. Чортани со своей стороны завидовалъ Посвистову. Ему было досадно и обидно, что Посвистовъ, котораго онъ считалъ новичкомъ относительно женщинъ, этотъ самый Посвистовъ находился въ интригѣ съ очень хорошенькой женщиной и вдобавокъ, что было еще важнѣе въ его глазахъ, съ одной изъ извѣстнѣйшихъ московскихъ камелій.

Разговоръ, впрочемъ, кое-какъ поплелся.

Чортани тотчасъ же отправился путешествовать въ область невѣроятнаго.

— Нѣтъ, что въ Москвѣ, ораторствовалъ онъ, въ Москвѣ скучно. Поглядите-ка, какъ у насъ въ Нижнемъ! Вотъ такъ точно, чего хочешь, того просишь. Выдешь на Волгу напримѣръ—что такое? прелесть: барокъ, пароходовъ, видимо не видимо, сядешь этакъ съ хорошенькой барынькой въ лодку да поѣдешь—гуляй не хочу. А то свезешь ее на одинъ изъ своихъ пароходовъ.

— Развѣ у васъ есть пароходы M-r Чортани? перебила Соня.

— Какъ же, очень много, даже нѣсколько пароходовъ, не смущаясь отвѣчалъ Чортани, да я самъ на одномъ изъ нихъ капитаномъ былъ; рейсы дѣлали такіе, просто прелесть; матросы какъ у меня были научены: все знаютъ. Глазомъ мигнешь—сейчасъ пойметъ, бестія. Разъ я пароходъ на мель посадилъ.

— Ты смотри самъ-то на мель не сядь съ своимъ пароходомъ, смѣясь, замѣтилъ ему Посвистовъ.

— Я-то? Я братъ не сяду, а если и сяду, такъ сей часъ встану. Такъ-то у насъ, отвѣчалъ Чортани, при чемъ многозначительно подмигнулъ Сонѣ.

Та не выдержала и захохотала.

— Веселая вы барыня, ей Богу веселая, продолжалъ врать Чортани, вотъ у меня Agathe, такъ та какъ-то все изъ подлобья смотиртъ: какъ будто все укусить собирается.

Agathe разсердилась.

— Что-ты все врешь, Петя, замѣтила она ему, когда я тебя кусала?

— Извѣстно, кусала, и Чортани, взявъ подъ руку Посвистова, сталъ сообщать ему, при какихъ обстоятельствахъ кусала его Agathe. Подробности должно быть были веселаго содержанія, потому что Соня, отъ слова до слова слышавшая черезчуръ громкій говоръ Чортани, подъ послѣдокъ разсказа, расхохоталась неудержимымъ хохотомъ.

Насилу отдѣлались отъ Чортани и уѣхали отъ него только тогда, когда онъ, не выдержавъ искушенія, зашелъ куда то въ буфетъ, въ которомъ и остался, къ великому отчаянію дожидавшейся на улицѣ Agathe.

Однажды Посвистовъ завелъ съ Сонею рѣчь объ свадьбѣ. Соня разсердилась.

— Неужели ты думаешь, накинулась она на Посвистова, что я живу съ тобой, потому что ты обѣщалъ на мнѣ жениться? Неужели ты думаешь, что я только для того переѣхала къ тебѣ? Нѣтъ, ну такъ зачѣмъ же говорить глупости? Къ чему намъ торопиться? Мы молоды, поживемъ такъ, а тамъ, если придетъ охота и женимся.

— Но почему же не теперь, настаивалъ Посвистовъ.

— Почему? переспросила Соня. Да потому, что я не хочу стѣснять тебя, не хочу я заѣдать твою молодость, милый ты мой, не хочу я, чтобы ты, конечно не теперь, а послѣ, когда нибудь послѣ могъ упрекнуть меня въ этомъ.

— Никогда я тебя не упрекну, настаивалъ Посвистовъ.

— Не упрекнешь, я это знаю, да сама то я не хочу этаго. Я сама, слышишь, сама покойна не буду, что я загубила тебя, перешла тебѣ дорогу.

— Чортъ съ ней, съ этой дорогой, перебилъ Посвистовъ.

— Ахъ ты мой пригожій, засмѣялась Соня, она обняла и поцѣловала Посвистова и гладила его по темнокаштановымъ кудрямъ, перестань, замолчи: ты вѣдь знаешь, что чего хочетъ женщина, того и Богъ.

Они цѣловались долгимъ, страстнымъ поцѣлуемъ.

Что оставалось дѣлать Посвистову?

Оставалось уступать.

Такъ прошло два мѣсяца.

ГЛАВА VI.

Кое что изъ прошлаго.

Соня была, что называется, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Мать и отецъ ея умерли, когда она была еще ребенкомъ.. Шестилѣтняя дѣвочка, шустренькая и бойкая, попалась на руки какой-то дальней тетушкѣ, взявшей ее къ себѣ изъ состраданія къ сиротѣ. Тетушка впрочемъ была особа не совсѣмъ изъ сострадательныхъ. Она состарилась въ Москвѣ, держа меблированныя комнаты. Брань съ неплатящими денегъ постояльцами, возня съ прислугой и кухарками, въ конецъ испортили ея и безъ того-то неслишкомъ уживчивый характеръ. Она бранилась и ворчала по цѣлымъ днямъ. Къ этой-то тетушкѣ и попала на житье шестилѣтняя Соня.

Не казиста и не богата радостями была жизнь бѣднаго ребенка. Тетка бранила ее и наказывала за шаловливую рѣзвость, день деньской она сидѣла за книжкой, уча уроки, которые ей не по силамъ задавала ничего не понимающая женщина, или помогала кухаркѣ и горничнымъ. Ни разу не побѣгала и не порѣзвилась она на волѣ, ни разу не поиграла съ сверстницами.

Тѣмъ не менѣе, когда тетка вздумала отдать ее въ какой-то очень плохенькій пансіонъ, Соня неутѣшно и горько плакала: ей жаль было разставаться съ домомъ, къ которому

она привыкла, поживши тамъ четыре года, и съ кухаркой Маланьей, которой она была любимицей, которая всегда имѣла для нея въ запасѣ какой нибудь лакомый кусочекъ, съ большими трудами утащенный изъ подъ неусыпнаго надзора тетки.

Въ пансіонѣ жизнь Сони текла получше. Пансіонъ, какъ мы уже сказали, былъ изъ плохенькихъ, науки въ немъ проходили такъ себѣ: ни шатко, ни валко, воспитанницы знали, что Тамерланъ разбилъ Тохтамыша, что дождь падаетъ изъ облаковъ, но почему разбилъ Тамерланъ, что изъ этого произошло, почему дождь падаетъ изъ облаковъ, откуда берутся облака—надъ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ не трудились ни воспитатели, ни воспитанницы. Послѣднія, вѣроятно, были бы даже очень удивлены, если бы кто нибудь вздумалъ имъ предложить подобный вопросъ.

За то если не подвигалась наука, то обученіе танцамъ и французскому языку шло необыкновенно успѣшно: всѣ воспитанницы очень мило танцовали кадриль, лансье, отличались также и въ легкихъ танцахъ. По французски нѣкоторыя щебетали довольно бойко, хотя и не совсѣмъ правильно, за то ужъ насчетъ правописанія всѣ пасовали и дѣлали самыя ужасающія ошибки.

Рядомъ съ изученіемъ французскаго языка, шло и чтеніе романовъ..

Романы, почти всѣ, читали съ жадностію. Молодыми дѣвочками была прочтена почти вся грошевая и неприличная литература, начиная съ Поль-де-Кока и кончая знаменитыми записками кавалера Фоблаза, похищенными одной пансіонеркой у своей слишкомъ просвѣщенной матери.

Такъ время шло. Сонѣ минуло четырнадцать лѣтъ. Она, что называется, выровнялась. Изъ неуклюжаго толстоватаго ребенка сформировалась хорошенькая стройная дѣвочка съ черными притягивающими глазками, ловкая и стройная. Въ это время съ ней случилось происшествіе, имѣвшее нѣкоторое вліяніе на дальнѣйшую судьбу ея.

Изъ пансіона вышелъ старый учитель русскаго языка, проучившій тамъ чуть ли не двадцать лѣтъ, личность, заставлявшая воспитанницъ учить стихи и толковавшая имъ о красотахъ Марлинскаго и Кукольника. Въ замѣнъ его поступилъ къ нимъ новый учитель.

Это былъ только что окончившій курсъ студентъ, личность свѣтлая и привлекательная, съ любовью къ труду и знаніемъ дѣла и къ несчастію съ чахоткою, въ послѣднемъ градусѣ, въ горлѣ.

Ни Сонѣ, ни подругамъ ея сразу не понравился новый учитель. Они не могли понять его методы: онъ вовсе не занималъ ихъ выучиваньемъ плохихъ стихотвореній и мертвыхъ правилъ никому ненужной и устарѣвшей реторики. Учитель постоянно разсказывалъ имъ что нибудь въ классѣ, разсказывалъ, правда, живо и увлекательно, но за то онъ требовалъ въ классѣ постояннаго вниманія и постоянно просилъ воспитанницъ повторять свои разсказы. Въ его классы, слѣдовательно, нельзя было предаваться чтенію романовъ, которые поглощались съ такимъ удобствомъ во время классовъ прежняго учителя. Новый, такъ назвали воспитанницы учителя, какъ будто имѣлъ глаза повсюду:

онъ тотчасъ же замѣчалъ читавшую, и вѣжливо, но требовательно, просилъ воспитанницу положить книгу въ столъ.

Впрочемъ, мало по малу, Соня стала привыкать къ манерѣ учителя и самъ онъ ей сталъ нравиться. Полюбились ей эти задумчивые добрые сѣрые глаза, этотъ прямой невысокій лобъ и необыкновенно милая привлекательная улыбка. Соню не отталкивали ни впалыя зеленоватыя щеки, ни страшная худоба учителя; однимъ словомъ онъ ей понравился.

Тѣмъ не менѣе Соня разъ дерзнула нарушить привычки учителя. Попались ей разъ отъ какой-то подруги «*Лондонскія Тайны*». Интрига романа завлекла ее. Опустивъ книгу немного подъ столъ, она пожирала страницы и не замѣтила какъ къ ней подошелъ учитель.

— Что вы дѣлаете? обратился онъ къ ней. Соня сконфузилась.

— Я не ожидалъ этого отъ васъ, просто сказалъ учитель, я думалъ, что васъ занимаетъ то, объ чемъ я говорю.

Соня переконфузилась ужасно. Она спрятала поскорѣе несчастную книгу въ столъ и приготовилась слушать урокъ.

Учитель продолжалъ стоять около нея.

— Покажите, если можете, что вы читаете, тихо сказалъ онъ Сонѣ.

Соня подала книгу.

Учитель посмотрѣлъ на нее и бросилъ книгу съ пренебреженіемъ.

— И охота вамъ читать подобную галиматью и набивать пустяками свою голову, сказалъ учитель, и пошелъ къ своему мѣсту,

Соня спрятала книгу и стала слушать учителя.

Учитель въ этотъ разъ говорилъ о Кольцовѣ. Онъ слегка коснулся его жизни, жизни простаго русскаго мужика, разсказалъ его борьбу съ тяжелыми гнетущими обстоятельствами и съ затягивающею пошлою средою, побѣду и смерть этаго самоучки—генія, прочелъ первыя его стихотворенія, въ которыхъ такъ много чувства, огня и силы, прочелъ ихъ съ жаромъ и увлеченіемъ.

Соня засмотрѣлась на учителя.

Онъ весь оживился: яркимъ огнемъ загорѣлись эти опущенные глаза, легкій румянецъ выступилъ на похудѣвшихъ щекахъ; голосъ, слабый и нерѣшительный, сдѣлался могучъ и звонокъ.

— А вѣдь онъ очень хорошъ и какъ славно говоритъ, подумала Соня. Она цѣлый класъ не отрывала глазъ отъ учителя. Къ концу класса, она, сама того не сознавая, влюбилась въ него по уши.

Соня сдѣлалась лучшей и любимой ученицей учителя. Подъ его руководствомъ, она познакомилась съ русской литературой и ея писателями. Учитель скоро самъ сталъ носить ей книги. На школьной скамейкѣ Соня прочла Гоголя, Бѣлинскаго и Некрасова.

Ранней весной учитель умеръ: чахотка его подрѣзала.

Узнавъ о смерти учителя, Соня горько плакала, но

печаль свою она не дѣлила ни съ кѣмъ и горевала въ тихомолку.

Это было первое сознательное горе. Хотя и дѣвочка— Соня, тѣмъ не менѣе, поняла, чего она лишилась. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовалъ и выходъ ея изъ пансіона. Сострадательная тетка опять взяла Соню къ себѣ.

Прежняя жизнь опять началась для Сони. Разница была въ томъ, что теперь эта жизнь, прежде сносная для нея, теперь сдѣлалась окончательно невыносима, послѣ того какъ она побывала въ пансіонѣ.

Воркотня тетки и ухаживанья ея постояльцевъ не давали ей покоя.

Попробовала было Соня опредѣлиться въ гувернантки. На первомъ мѣстѣ она было сошлась и ужилась, но къ несчастію жена приревновала къ ней своего супруга, дѣйствительно, по временамъ, заглядывавшагося на Соню. Послѣдовалъ отказъ и Сонѣ пришлось опять отправляться къ теткѣ.

На другомъ мѣстѣ она прожила только одинъ мѣсяцъ. Капризы многочисленныхъ членовъ семьи просто не давали ей покоя; она предпочла лучше отправиться опять къ теткѣ, чѣмъ жить въ подобной каторгѣ.

Итакъ Соня опять очутилась дома. Въ это время переѣхала къ нимъ въ номера Адель.

Адель была тогда въ полномъ блескѣ роскошной красоты и молодости. Только два года прошло послѣ того, какъ она вышла изъ одного изъ нашихъ лучшихъ жен-

скихъ заведеній и начала свою веселую, полную богатства, роскоши, удовольствія и блестящей пустоты жизнь.

Соня очень понравилась Адель. Съ другой стороны, она съ разу поняла, какую выгоду могла ей доставить хорошенькая Соня, и потому она всячески старалась сойтись съ нею.

Сойтись разумѣется было не трудно. Соня рада была на безлюдьи хоть съ кѣмъ нибудь сказать человѣческое слово; она привязалась къ Адель.

Въ это время къ Адель сталъ ѣздить одинъ богатый московскій негоціантъ Глудовъ. Денегъ онъ просадилъ на нее безчисленное множество (Адель никогда не стѣснялась съ своими поклонниками), онъ же исполнялъ всѣ ея желанія и прихоти. Съ Глудовымъ очень часто пріѣзжалъ къ Адель молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи, онъ былъ купецъ, фамилія его была Иволгинъ. Такъ какъ Соня почти все время проводила у Адель, то ей и приходилось довольно часто встрѣчать его.

Людей подобныхъ Иволгину можно встрѣтить на каждомъ шагу: это былъ богатенькій, избалованный купчикъ, не совсѣмъ умный, хотя также не совсѣмъ и глупый, съ виду тихій и скромный, въ сущности же развращенный до мозга костей, съ очень обыкновенной вывѣсочной, хотя и довольно красивой физіономіей.

Иволгину Соня очень понравилась — и онъ рѣшился овладѣть ею. Онъ повелъ себя относительно ея довольно умно и тонко.

Никогда не позволяя себѣ при ней ни малѣйшей воль-

ности, ведя себя всегда прилично и съ достоинствомъ, онъ довольно рѣзко выдѣлялся изъ пьяной и безобразной компаніи. Онъ иногда привозилъ Сонѣ книгъ, но никогда не предлагалъ ни денегъ, ни подарковъ, понимая, что это могло бы оскорбить достоинство молодой дѣвушки. Однимъ словомъ онъ велъ себя относительно ея довольно умно и тактично.

Нельзя сказать, чтобы Иволгинъ особенно нравился Сонѣ: она считала его только лучше другихъ. Впрочемъ, онъ не былъ ей противенъ и съ нимъ она разговаривала чаще чѣмъ съ другими.

Необходимо еще замѣтить, что Адель не показывалась передъ Соней во всей наготѣ своей порочной жизни и умѣла сдерживать въ присутствіи Сони дикіе порывы своихъ посѣтителей. Правда, происходило многое, отъ чего коробило Соню, что было ей очень не по вкусу, но съ одной стороны, она догадывалась о той жизни, которую вела Адель, хотя и не могла дать себѣ въ ней вѣрнаго отчета, съ другой же присутствіе Адель, всегда веселой и насмѣшливой, къ которой она сильно привязалась, сдѣлалось для нея необходимостью, такъ что не смотря на замѣчанія и воркотню тетки, она почти постоянно пребывала у Адель. Тѣмъ не менѣе совѣты и разговоры Адель сильно повліяли на Соню.

Ей еще не было шестнадцати лѣтъ. Она, слѣдовательно, находилась въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ-ребенокъ, не имѣя еще никакихъ убѣжденій, тѣмъ не менѣе въ высшей степени воспріимчивъ къ принятію какъ добра,

такъ и зла, а послѣдняго даже пожалуй и болѣе. Среда въ которой вращалась Адель и въ которой такъ часто была и Соня, имѣли на послѣднюю страшное, развращающее вліяніе; не развратясь еще тѣломъ, она была глубоко развращена душою.

Часъ паденія былъ недалекъ.

Однажды—это было въ свѣтлую январьскую ночь—часовъ въ 9-ть вечера, къ подъѣзду дома, гдѣ жили Адель и Соня, гремя бубенчиками и бляхами, подкатила лихая тройка.

Соня сидѣла въ это время у Адель, тетки не было дома. У Адель очень болѣла голова и она, граціозно свернувшись, полуодѣтая лежала на козеткѣ. Возлѣ нея сидѣла Соня и читала ей какой-то, только что вышедшій французскій романъ.

Оба господина, раздѣвшись въ передней, которая была не заперта, вошли такъ неожиданно въ комнату, гдѣ находились Адель и Соня, что онѣ обѣ вскрикнули.

Оба господина были замаскированы. Но одномъ былъ великолѣпный костюмъ маркиза—эпохи Людовика XIV: фіолетовый бархатный кафтанъ съ высокимъ жабо, на боку шпага, ноги были затянуты въ узкіе бѣлые панталоны, чорные шолковые чулки и башмаки съ каблуками довершали нарядъ. Другой для контраста былъ одѣтъ трубочистомъ: чорная бархатная куртка съ такими же панталонами въ сапоги, на головѣ кругленькая чорная бархатная

шапочка, на одной сторонѣ груди фонарь на другой веревка и гиря — обыкновенныя принадлежности трубочиста. Лица обоихъ были закрыты чорными шолковыми масками.

Оба пріѣзжіе господина хотѣли было сохранить инкогнито, но это имъ не удалось. Въ одномъ Адель тотчасъ же узнала Иволгина, въ другомъ одного его пріятеля.

Послали за шампанскимъ. Адель и Иволгинъ уговорили Соню выпить два бокала. Въ головѣ у ней зашумѣло, она развеселилась. Иволгинъ оказывалъ ей необыкновенное вниманіе.

Вскорѣ Иволгинъ предложилъ дамамъ прокатиться. Адель согласилась, Соня заупрямилась.

— Теперь поздно, поздно, твердила она.

— Полноте, теперь самое настоящее время, уговаривалъ ее Иволгинъ.

— Разумѣется, подтверждала Адель. Проведи ты хоть одинъ день святокъ какъ слѣдуетъ.

— Но тетушка узнаетъ, попробывала было защищаться Соня.

— Да вѣдь ты знаешь, что ее дома нѣтъ, воскликнула съ торжествомъ Адель.

— А къ тому времени, когда она пріѣдетъ, вы уже будете дома, вкрадчиво прибавилъ Иволгинъ.

Соню уговорили, одѣли ее въ одну изъ шубокъ Адели и поѣхали.

Соня до того времени ни разу не каталась на тройкѣ. У ней замеръ духъ, когда тройка, повинуясь искусной рукѣ ямщика, быстро помчалась по улицамъ Москвы. Въ

нѣсколько минутъ доѣхали они до Тріумфальныхъ воротъ и выбрались на шоссе. Ямщикъ прикрикнулъ и пустилъ лошадей. Пристяжныя пустились вскачъ, взрывая копытами недавно выпавшій снѣгъ; коренная, не срывая, летѣла какъ стрѣла, ямщикъ только поводилъ кнутикомъ, да посвистывалъ.

Хорошо кататься зимой на тройкѣ! На васъ глядитъ ясная холодная ночь, звѣзды такъ и усѣяли небо, довольно сильный морозъ рѣжетъ вамъ щеки и глаза, тройка мчится такъ, что захватываетъ дыханіе. Закутаешься покрѣпче въ тѣсную шубу, да усядешься поплотнѣе, чтобы не вывалиться при неожиданномъ толчкѣ. А тройка все мчится, вамъ слышится бѣшеное и звонкое звяканье бубенчиковъ, мимо васъ быстро мелькаютъ деревья, покрытыя бѣлымъ саваномъ, кусты, полузаметенные непогодою, вотъ показались и опять скрылись огоньки недалекой деревни, а тройка все мчится да мчится, только свиститъ да покрикиваетъ ямщикъ.

Отъ лошадей пошелъ густой паръ, пристяжныя вытянулись въ струну и напрягаютъ послѣднія усилія—и вы у цѣли, вы пріѣхали. Могучею рукою сдерживаетъ ямщикъ разгоряченную тройку.

—Усидѣли баринъ? спрашиваетъ онъ васъ самодовольно.

Доѣхавъ до Стрѣльны, тройка остановилась. Иволгинъ предложилъ своимъ спутникамъ поужинать.

Соня, послѣ нѣкотораго колебанія, согласилась.

Ужинъ былъ великолѣпный, въ отдѣльной комнатѣ, съ цыганами. Сонѣ очень понравилось пѣніе цыганъ: она просила спѣть то ту, то другую пѣсню. Цыгане, щедро надѣляемые Иволгинымъ и его товарищемъ, разумѣется, не заставляли себя упрашивать.

Было часовъ около двухъ, когда кутившая компанія вздумала собираться ѣхать домой. Адель была сильно подвыпивши, точно также, какъ и товарищъ Иволгина. Соня была также навеселѣ и шумно болтала съ Иволгинымъ.

Одѣлись и поѣхали назадъ въ Москву.

— Заѣдемте ко мнѣ, господа, предложилъ Иволгинъ, какое у меня есть венгерское, просто прелесть, самъ изъ заграницы выписалъ.

— Заѣдемте, заѣдемте, крикнула Адель.

— Заѣдемте, согласилась и Соня.

Заѣхали. Квартира у Иволгина была холостая, но очень камфортабельная: повсюду зеркала, бронза, мягкая мебель и роскошные ковры.

Выпили венгерскаго. Соня опьянѣла совершенно: хотя она пила немного, но смѣсь разныхъ винъ бросилась ей въ голову.

Адель съ товарищемъ Иволгина незамѣтно исчезли.

Иволгинъ сѣлъ подлѣ Сони, взялъ ее за руку и началъ ей что-то говорить. Соня смѣялась и не противилась. Онъ взялъ ее за талію и привлекъ къ себѣ. На одну минуту въ Сонѣ блеснуло сознаніе, она хотѣла оттолкнуть его, но

силы ей измѣнили: безъ чувствъ и безъ движенія упала она въ объятія Иволгина.

Что было далѣе—Соня не помнила.

На другой день Соня проснулась въ квартирѣ Иволгина. Она поняла все и заплакала горькими, горючими слезами; отчаяніе ея было безпредѣльно, Иволгинъ сдѣлался ей ненавистенъ.

Но для Сони, въ это время, предстояло разрѣшить очень трудный вопросъ; вопросъ этотъ состоялъ въ томъ; куда ей дѣваться. Къ теткѣ она явиться не могла и не хотѣла, Адель ей сдѣлалась противна своимъ лицемѣріемъ, такъ какъ Соня, не безъ основанія, думала, что Адель играла довольно видную роль въ исторіи ея паденія. Такимъ образомъ Сонѣ, несмотря на все презрѣніе, питаемое ею къ Иволгину, оставалось сдаться на его просьбы и остаться жить у него.

Ссора съ Иволгинымъ впрочемъ продолжалась недолго: хитроватый и вкрадчивый Иволгинъ мало по малу пріобрѣлъ довѣріе Сони. Онъ представилъ ей свой поступокъ какъ вызванный страстною любовью, питаемою къ ней. Хотя сердце подсказывало Сонѣ, что это неправда, что человѣкъ истинно любящій никогда такъ не поступилъ бы, на внѣшность вся была за Иволгина. Онъ ухаживалъ за ней какъ за ребенкомъ, угождалъ ей во всемъ, исполнялъ всѣ ея прихоти и капризы. Соня повѣрила и простила.

Веселая жизнь началась для Сони. Иволгинъ нанялъ для нея

прехорошенькую квартирку, меблировалъ ее самымъ изящнымъ образомъ, къ услугамъ Сони были: горничная, кучеръ и пара великолѣпныхъ вороныхъ коней. Соня являлась на всѣ катанья, гулянья и пр., пользовалась всѣми удовольствіями и не отказывала себѣ ни въ чемъ; она не знала цѣны легко добытымъ деньгамъ—они у ней летѣли какъ щепки.

Такъ прошло семь или восемь мѣсяцевъ.

Родные Иволгина узнали объ его связи и его громадныхъ издержкахъ; было порѣшено женить Иволгина.

Невѣсту скоро нашли. Сверхъ всякаго чаянія, Иволгинъ упирался не долго. Скоро ихъ обручили и назначена была свадьба.

Наканунѣ свадьбы, Иволгинъ рѣшился объявить Сонѣ, которая обо всемъ этомъ ничего не знала.

Иволгинъ ожидалъ трагической сцены, слезъ, ломанья рукъ и пр., у него было даже припасено, на этотъ случай, нѣсколько пошленькихъ утѣшеній: но дѣло обошлось гораздо легче.

Соня въ сущности никогда не любила Иволгина. Презрительное пожанье плечъ было единственнымъ отвѣтомъ на заявленіе Иволгина о его женитьбѣ.

Иволгинъ оторопѣлъ.

— Повѣрь, Соня, еслибы не родные, я самъ никогда бы на это не рѣшился, рискнулъ онъ замѣтить.

Соня подняла на него глаза.

— Къ чему вы мнѣ это говорите? къ чему вы оправдываетесь? медленно спросила она.

Иволгинъ окончательно сконфузился.

— Я никогда васъ не любила и для меня рѣшительно все равно, будете-ли вы со мной жить или нѣтъ, продолжала Соня; я даже очень рада этому случаю и желаю вамъ всякаго счастія.

— Но вѣдь мы такъ долго жили вмѣстѣ, ни къ селу, ни къ городу замѣтилъ Иволгинъ.

А теперь будемъ жить врозь, засмѣялась Соня. Прощайте. Любезно кивнувъ головой оторопѣлому Иволгину, Соня вышла изъ комнаты.

Иволгину оставалось ретироваться.

Жгучія слезы полились изъ глазъ Сони, когда она осталась одна. Въ ней говорила не любовь, а оскорбленное женское самолюбіе и униженная гордость. На другой же день, распродавъ и заложивъ богатые подарки Иволгина, она переѣхала на новую квартиру. Скоро къ ней перебралась и Адель, также въ это время покинутая своимъ возлюбленнымъ. Онѣ зажили вмѣстѣ.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ Адель просвѣтила Соню окончательно: она познакомила ее со сводням, со многими богатыми кутилами. Денегъ у нихъ было много, жили онѣ весело. Въ это то время Соня и познакомилась съ Посвистовымъ.

ГЛАВА VII.

Поворотъ къ прежнему.

Знакомецъ нашъ, Посвистовъ, получилъ изъ дому отъ матери письмо.

«Дорогой мой Коля! писала она, отецъ твой боленъ ужасно. Съ нимъ, уже какъ съ мѣсяцъ, начались припадки прежней его болѣзни; только припадки эти необыкновенно сильны. Онъ говоритъ, что чувствуетъ, что ему недолго осталось жить, и передъ смертью хочетъ видѣть тебя. Пріѣзжай, какъ только получишь это письмо, обрадуй меня и отца. Ты знаешь, какъ онъ тебя любитъ; быть можетъ ему сдѣлается лучше. Жду тебя. Любящая тебя мать П. Посвистова.»

— Что дѣлать? спросилъ Посвистовъ, прочитавши Сонѣ это письмо.

— Разумѣется ѣхать, рѣшила она.

— Да, ѣхать нужно, со вздохомъ сказалъ Посвистовъ. Ему жаль было оставить Москву и разстаться съ Сонею.

Сборы Посвистова были недолги. На другой день, попрощавшись съ Соней, пообѣщавъ пріѣхать какъ можно скорѣе, отправился онъ въ дорогу.

Онъ пріѣхалъ домой на третій день. Дома всѣ обрадовались ему чрезвычайно. Мать просто носила его на рукахъ. Отецъ, дѣйствительно, очень больной, почти не отпускалъ его отъ себя.

*

Старику, съ каждымъ днемъ, становилось все хуже, и онъ не могъ насмотрѣться на единственнаго сына.

Черезъ три недѣли по пріѣздѣ Посвистова, отецъ его умеръ. Сильно огорченный, Посвистовъ долженъ былъ думать о томъ, чѣмъ бы развлечь и утѣшить убитую горемъ старуху мать; на него же падали и распоряженія по хозяйству, такъ какъ мать ничѣмъ не могла распоряжаться и всѣхъ отсылала къ сыну.

Вмѣсто трехъ, четырехъ недѣль, какъ Посвистовъ обѣщалъ Сонѣ, онъ прожилъ дома два слишкомъ мѣсяца.

Наконецъ Посвистовъ собрался.

Наканунѣ отъѣзда, вечеромъ, онъ сидѣлъ съ матерью. Посвистовъ разсказывалъ ей исторію своихъ отношеній къ Сонѣ, описывалъ ея красоту и умъ, говорилъ о ихъ взаимной любви и, въ заключеніе, просилъ мать благословить его на женитьбу на Сонѣ.

Старушка крѣпко обняла сына и заплакала. Слезы выступили на глазахъ и у Посвистова.

— Любишь-ли ты ее на столько? любитъ ли она тебя? тихо спрашивала старушка.

Посвистовъ молчалъ. Онъ только покрывалъ поцѣлуями руки матери.

— Голубчикъ мой, говорила старушка, обнимая Посвистова, неужели ты думаешь, что я буду помѣхой вашему счастью? Женитесь себѣ, да пріѣзжайте скорѣе ко мнѣ, чтобы я могла на васъ полюбоваться. Ну полно, полно, успокоивала она Посвистова, который все цѣловалъ ея

руки. Перестань, успокойся. Пора тебѣ ложиться спать, а то вѣдь завтра тебѣ нужно ѣхать знаешь къ кому?

Старушка плутовски подмигнула Посвистову, и поцѣловавъ, вышла изъ комнаты.

Утромъ рано, простившись съ матерью, Посвистовъ уѣхалъ. Онъ былъ угрюмъ и озабоченъ. Происходило это отъ того, что Соня, въ началѣ его отсутствія, писавшая чуть не каждый день, теперь что-то замолчала. На письма Посвистова, посылаемыя съ деньгами, не было отвѣта уже три недѣли. Какъ не ломалъ себѣ головы Посвистовъ, придумывая оправданія для Сони, молчаніе ея его тяготило и безпокоило. Угрюмый и безпокойный ѣхалъ онъ назадъ въ Москву. У него было предчувствіе чего-то недобраго.

А что же Соня?

Соня очень скучала первое время послѣ отъѣзда Посвистова. Она рѣшительно не знала, что ей дѣлать. Гулять одной было скучно — не гулялось, работать Соня и не любила и не умѣла, хотя ихъ въ пансіонѣ и обучали разнымъ рукодѣльямъ, но Соня не усвоила себѣ ни одного. Читать, но вѣдь день цѣлый читать не будешь, захочешь съ кѣмъ нибудь перемолвить словечко. Одиночество ее пугало и мучило, какъ пугаетъ оно вообще мало развитаго и не занятаго ни какимъ дѣломъ человѣка.

Такъ прошло недѣли двѣ.

Единственною отрадою Сони были письма, получаемыя отъ Посвистова: она ихъ читала и перечитывала. Отвѣты

на нихъ занимали у ней все утро. Но вечеръ! Что дѣлать, какъ провести этотъ долгій, убійственный вечеръ? Соня рѣшительно не знала что дѣлать и скучала ужасно.

Ей вздумалось разъ проѣхаться въ Сокольники. Прогулка развлекла ее: природа, сравнительно чистый воздухъ и зелень подѣйствовали успокоительно на ея раздраженные нервы. Она воротилась домой веселая и спокойная.

Горничная подала ей письмо отъ Посвистова. Соня слишкомъ устала, чтобы тотчасъ же читать его: глаза ея слипались, она чуть не заснула, читая письмо и отложила его, рѣшившись прочесть его завтра.

На другой день, прочитавъ письмо, она только что было собиралась отвѣчать на него, какъ къ ней кто-то постучался.

Соня отперла.

Въ комнату взошла нарядная и разфранченная Адель—и бросилась на шею къ Сонѣ.

По своему, Адель очень любила Соню. Ей было скучно безъ нея, въ отсутствіи ея ей чего то недоставало и она уже давно искала случая увидѣть ее.

— Что это — ты законопатилась, душечка? по своему обыкновенію, звонко начала Адель, нигдѣ тебя не встрѣтишь. Я такъ рада, что твой то уѣхалъ, чтобы хоть разокъ тебя повидать.

— Ты отъ кого-же узнала, что Коля уѣхалъ? спросила Соня.

— Да ко мнѣ товарищъ его одинъ шляется, отвѣчала Адель, ну что, какъ ты поживаешь? допрашивала она.

— Какъ видишь.

Адель оглядѣла комнату. Комната дѣйствительно была не очень презентабельна: съ полинявшими обоями и вытертою мебелью, она глядѣла очень не представительно.

— Такъ вотъ ты какъ живешь, протянула Адель. Ну, я бы ни за какія деньги здѣсь не поселилась.

Соня покраснѣла.

— Всякій живетъ, какъ можетъ, просто замѣтила она.

— Ну да, конечно, насмѣшливо продолжала Адель, я про это и говорю. Я сказала только про себя, что я бы ни за что здѣсь не стала бы жить.

Соня не отвѣчала.

Адель перемѣнила тонъ.

— А я за тобой заѣхала, душечка, начала она. Сегодня мнѣ дуракъ мой прислалъ коляску. Хочешь куда нибудь поѣдемъ за городъ.

— Нѣтъ, merci, не поѣду.

— Поѣдемъ!

— Нѣтъ, не могу.

Адель захохотала.

Не могу! Это ты своего что-ли боишься?

Соня отвернулась и не отвѣчала.

— Ну, не сердись, не сердись душечка, начала ластиться Адель, поѣдемъ, мы превесело проведемъ время.

— Нѣтъ, не поѣду.

Какъ не настаивала Адель, Соня уперлась и не поѣхала, но какъ только коляска Адель, запряженная четверикомъ въ рядъ, гремя позвонками, отъѣхала отъ крыльца, Соня пожалѣла о томъ, что не поѣхала.

Дня два спустя, Соня вздумала отъ скуки поѣхать къ Адель. Та обрадовалась ей чрезвычайно: оставила у себя пить кофе и обѣдать. Вечеромъ къ ней пріѣхали гости. Нѣкоторые изъ нихъ знали Соню прежде, съ новыми Адель ее познакомила. Пошли разные вопросы и сожалѣнія объ участи Сони. Та отвертывалась, какъ умѣла. Тѣмъ не менѣе, вечеръ былъ проведенъ, сравнительно гораздо веселѣе, нежели проводила его одна. Часовъ въ 9-ть вечера Соня, не смотря на всѣ упрашиванья и уговариванья Адель, уѣхала къ себѣ домой.

Скучно и непріятно показалось ей у себя. Непривѣтно глянули на нее стѣны неуютнаго номера. Въ первый разъ пожалѣла Соня о своей прежней хорошенькой и комфортабельной квартиркѣ, изъ которой переѣхала къ Посвистову.

Свиданья пріятельницъ продолжались каждый день. Соня хотя все еще вспоминала Посвистова и скучала по немъ, но въ тоже время все болѣе и болѣе попадала подъ вліяніе Адель.

Прошло еше двѣ недѣли. Однажды Соня, пріѣхавъ къ Адель, застала у ней Мацокина.

Толстый блондинъ такъ искренно обрадовался, увидавъ ее, такъ вѣжливо и мило обошелся съ нею, не вспоминая ни однимъ словомъ объ ея вспышкѣ, что Соня осталась ему черезвычайно благодарна и была съ нимъ весь вечеръ необыкновенно любезна.

Толстый блондинъ былъ въ упоеніи.

Въ числѣ новыхъ посѣтителей Адели, Сонѣ особенно понравился молодой гусарскій корнетъ, недавно пріѣхавшій въ Москву въ отпускъ.

Въ свѣтѣ гусаръ имѣлъ страшный успѣхъ. Московскія дамы были отъ него безъ ума, очень многимъ изъ нихъ хотѣлось завербовать его себѣ въ поклонники, но гусаръ не поддавался.

Онъ былъ со всѣми необыкновенно милъ, вѣжливъ и предупредителенъ, но видимаго предпочтенія онъ не отдавалъ никому, чѣмъ нѣкоторыхъ приводилъ въ серьёзное отчаяніе.

Гусару понравилась маленькая, живая и остроумная Соня.

Нѣсколько дней самаго утонченнаго ухаживанья, потокъ любезностей и остроумія и наконецъ страстное признаніе въ любви, на одномъ изъ загородныхъ гуляній, сдѣлали свое дѣло: Соня сдалась — Посвистовъ былъ позабытъ.

Разбирая серьёзно, любви здѣсь, какъ со стороны Сони, такъ и гусара, разумѣется, не было: со стороны гусара это было просто желаніе обладанія хорошенькой и пикантной женщиной, со стороны же Сони это было просто минутное увлеченіе, жаръ молодой и горячей крови.

Отпускъ гусара кончился—и Соня разсталась съ нимъ почти равнодушно; но возвратъ къ прежнему для нея уже былъ невозможенъ: Соня могла падать и увлекаться, но обманывать она не хотѣла и не могла.

И вотъ опять началась старая исторія, опять начались

безсонныя, бѣшеныя ночи, опять кутежи и вакханаліи: жизнь Сони вошла въ прежнюю колею.

Пріѣхавъ въ Моску, Посвистовъ не засталъ уже у себя Сони—она уже переѣхала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ получилъ отъ коридорнаго пакетъ. Въ пакетѣ лежали всѣ деньги, которыя онъ присылалъ ей изъ деревни, но писемъ его не было, также не было никакого письма отъ Сони.

Впрочемъ къ чему бы служило письмо? Посвистовъ и безъ того все понялъ.

ГЛАВА VIII.

Посвистовъ кутитъ не на шутку.

Съ Посвистовымъ случилось то, что очень часто случается со многими: онъ закутилъ.

Въ послѣднее время, на Посвистова обрушились самые непредвидѣнные удары.

Сначала смерть отца, сильно на него подѣйствовавшая, затѣмъ измѣна Сони, Сони, которую онъ любилъ со всѣмъ жаромъ и увлеченіемъ юношества, со всѣмъ пыломъ и страстью первой любви. Посвистовъ не вынесъ всѣхъ этихъ ударовъ. Съ горя онъ закутилъ.

Въ кутежѣ Посвистова было мало веселія и молодецкой удали — это былъ мрачный кутежъ, кутежъ отчаянія,

если только можно такъ выразиться. Одинъ, или съ кѣмъ нибудь изъ товарищей, онъ напивался мрачно, систематически, при чемъ и вино на него почти не дѣйствовало.

Большая часть собутыльниковъ Посвистова были, что называется, на послѣднемъ взводѣ, а онъ совершенно трезвый сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, неподвижно уставившись на какую нибудь точку.

Чортани почти поселился у Посвистова. Онъ былъ въ восхищеніи: онъ наконецъ нашелъ себѣ товарища, который не только равнялся съ нимъ въ истребленіи горячихъ напитковъ, но даже превосходилъ его,

Посвистовъ, вмѣстѣ съ Чортани и еще однимъ товарищемъ, Шевелкинымъ, напивались ежедневно, начиная съ утра. По вечерамъ, они обыкновенно исчезали изъ дому и возвращались уже на другой день часа въ два или три.

Личность другаго товарища Посвистова, Шевелкина, заслуживаетъ описанія.

Это былъ малый высокаго роста, плотно и коренасто сложенный. Лицо его, изрытое оспой и слегка усѣянное веснушками, было въ высшей степени некрасиво и не выразительно; даже съ виду могло показаться глуповатымъ. Товарищи говорили про него, что у него въ лицѣ отсутствіе всякаго присутствія; остряки говорили наоборотъ, что у него присутствіе всякаго отсутствія. Шевелкинъ, слыша эти остроты, только усмѣхался и большею частію отмалчивался.

Тѣмъ не менѣе Шевелкинъ былъ парень очень не глупый. Человѣкъ добрый и честный и надежный товарищъ.

Физическая сила его была удивительная: онъ сгибалъ и разгибалъ подковы, завязывалъ въ узелъ желѣзныя кочерги, поднималъ за заднія ножки стулъ, вмѣстѣ съ сидящимъ на немъ человѣкомъ и вообще показывалъ такіе фокусы, что уму непостижимо.

Въ скандалахъ Шевелкинъ былъ драгоцѣннымъ товарищемъ. Онъ никогда самъ его не начиналъ, никогда самъ въ него не вмѣшивался и большею частію сидѣлъ въ сторонѣ. Но за то, въ то время, когда товарищей его уничтожали и тѣснили, и противная сторона была уже увѣрена въ побѣдѣ, передъ непріятелями вдругъ появлялся Шевелкинъ.

Въ одно мгновеніе дѣло принимало другой оборотъ: энергическое усиліе, два три могучихъ удара — и враги, посрамленные и разбитые, удалялись съ поля битвы.

Шевелкинъ былъ очень, очень бѣденъ: онъ перебивался кое-какъ уроками, составленіемъ лекцій, перепискою, сотрудничалъ въ какой-то дешовой газеткѣ; тѣмъ не менѣе, ни одинъ нуждающійся товарищъ не уходилъ отъ него безъ ничего, если только онъ обращался къ Шевелкину, съ просьбою ссудить его деньгами: Шевелкинъ лѣзъ въ петлю, а доставалъ денегъ и давалъ нуждающемуся.

— Съ чѣмъ-же ты самъ-то останешься? спрашивали его иногда товарищи, смущенные такою непрактичностію.

— Это, братъ, не твое дѣло, обыкновенно отвѣчалъ Шевелкинъ. Обойдусь какъ нибудь. Какъ-же не помочь, своему брату, студенту?

Честь имени «студентъ» была драгоцѣнна для Шевелкина; чтобы поддержать честь этаго имени, Шевелкинъ готовъ былъ на все.

Разъ съ Шевелкинымъ случилось слѣдующее происшествіе.

Какъ-то зимою, съ однимъ изъ своихъ товарищей, часовъ около 2-хъ вечера, заѣхали они поужинать въ какой-то трактиръ.

Спустя четверть часа, послѣ прихода ихъ, въ залу вошелъ какой-то необыкновенно щеголеватый господинъ, съ длинною, толстою часовою цѣпью и помѣстился не въ далекѣ отъ нихъ, какъ разъ напротивъ какого-то молоденькаго купчика, упивавшагося шампанскимъ.

Заказавъ себѣ хорошій ужинъ, съ бутылкою венгерскаго, франтъ самодовольно развалился на диванѣ, обводя презрительнымъ взглядомъ окружающихъ.

Къ франту подошелъ половой.

— Вашъ извощикъ, сударь, проситъ, чтобы вы его отпустили, произнесъ половой, обращаясь къ франту.

— А я и позабылъ, протянулъ франтъ. Онъ полѣзъ въ боковой карманъ, вынулъ оттуда полновѣсный бумажникъ, досталъ оттуда рублевую бумажку и отдалъ половому.

Тотъ отправился, но черезъ нѣсколько времени опять возвратился.

— Извощикъ говоритъ, сударь, что вы рядились съ нимъ за два рубля. Еще рубль проситъ.

— Рубль? Какой ему рубль? заоралъ франтъ, онъ меня такъ везъ каналья, что больше рубля давать ему не сто-

итъ. На, возьми, сказалъ онъ, обращаясь къ половому и подавая ему двугривенный, отдай этому каналье и скажи, чтобы онъ убирался.

Черезъ минуту половой опять возвратился.

— Извощикъ не ѣдетъ, сударь. Плачетъ у насъ въ передней, говоритъ, что лошадь измучили — цѣлый день ѣздили.

— Убирайся къ чорту, было короткимъ отвѣтомъ франта.

Шевелкинъ все время, съ большимъ вниманіемъ, слѣдившій за этой сценой, вспыхнулъ и подошелъ къ половому.

— На возьми, сказалъ онъ, подавая половому рублевую, отдай извощику. А вамъ это на чай, обратился онъ къ франту.

Тотъ позеленѣлъ отъ злости.

— Какое вы имѣете право оскорблять меня? крикнулъ онъ на Шевелкина.

Шевелкинъ уже совладалъ съ собою.

— Я васъ не оскорбляю, просто сказалъ, а такъ какъ вамъ не угодно было платить денегъ, то я заплатилъ за васъ.

— Но кто далъ вамъ подобное право?

— Это право всякаго честнаго человѣка.

Шевелкинъ пошелъ къ своему мѣсту.

Мягкость Шевелкина показалась трусостью франту.

— Это чортъ знаетъ что, громко кричалъ франтъ, оскорблять ни за что, ни про что совершенно незнакомаго человѣка.

— Однако же, вы сами оскорбляете и не платите денегъ совершенно незнакомому вамъ извощику, замѣтилъ ему съ своего мѣста Шевелкинъ. Франтъ взбѣсился еще болѣе.

— Всякій паршивый студентишка, всякій семинаристъ, туда же лѣзетъ, продолжалъ онъ. Зазнались очень.

Шевелкинъ ни далъ ему докончить: когда перебранивались съ нимъ—онъ терпѣлъ, но теперь затрогивали студентовъ, цѣлую массу людей, близкихъ Шевелкину; этого онъ стерпѣть не могъ.

Шевелкинъ схватилъ свою палку, съ свинцовымъ набалдашникомъ, стоявшую тутъ-же въ углу и подошелъ съ нею къ ругающемуся франту.

— Это тебѣ за студентовъ, стиснувъ зубы, прошепталъ Шевелкинъ.

Палка свиснула въ воздухѣ и опустилась на спину франта. Ударъ, къ счастію, пришелся не набалдашникомъ а серединою; тѣмъ не менѣе сила удара была такова, что франтъ перегнулся на столъ, а свинцовая шишечка набалдашника, отскочивъ отъ палки, попала прямо въ лобъ, сидѣвшему напротивъ купчику, который, какъ пораженный пулею, опрокинулся на спинку кресла. Въ одно мгновеніе у него выросла на лбу громаднѣйшая шишка. Шевелкинъ подстрѣлилъ двухъ птицъ однимъ выстрѣломъ.

Суматоха вышла невообразимая: франтъ стоналъ и ругался, купчикъ плакалъ самыми горькими слезами, объявляя, что ему теперь нельзя показаться передъ тятинькой и маменькой.

Послали за полиціей. Стали составлять актъ. Впрочемъ дѣло, сверхъ ожиданія, уладилось: купчикъ, когда прошелъ первый порывъ горести, объявилъ, что онъ на Шевелкинѣ ничего не ищетъ, потому что знаетъ, что это случилось нечаянно, а что франту это подѣломъ и затѣмъ уѣхалъ. Что же касается до франта, то когда стали разбирать всю исторію, когда позвали извощика, къ счастію еще не уѣхавшаго отъ трактира, половаго, носившаго деньги, исторія вышла такая нехорошая, что квартальный надзиратель, составлявшій актъ, посовѣтовалъ франту помириться съ Шевелкинымъ.

Франтъ, должно быть, и самъ объ этомъ подумывалъ, потому что тотчасъ же подошелъ къ Шевелкину.

— Помиримтесь-ка, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, я противъ васъ ничего не имѣю.

— А я и подавно, отвѣтилъ Шевелкинъ, и, раскланявшись, они разъѣхались. Дѣло было потушено.

Такъ вотъ какой былъ человѣкъ Шевелкинъ.

Мы уже сказали о томъ, какъ кутили Посвистовъ, Шевелкинъ и Чортани, говорили о характерѣ ихъ кутежа. Шевелкинъ нѣсколько разъ останавливалъ Посвистова, упрашивалъ его перестать и заняться дѣломъ. Посвистовъ не слушалъ никакихъ убѣжденій. Получивъ въ это время деньги изъ дома, онъ просаживалъ ихъ съ ожесточеніемъ, и давалъ слово Шевелкину, что не остановится, покуда не просадитъ ихъ, до послѣдней копѣйки.

Было бы слишкомъ навязчиво съ нашей стороны просить читателя слѣдовать за Посвистовымъ во всѣхъ его кутежахъ и безобразіяхъ, тѣмъ болѣе, что все это слишкомъ старая исторія, слишкомъ извѣстная всѣмъ и каждому, такъ какъ всѣ кутежи на одинъ ладъ и единственная разница это въ обстановкѣ, да въ количествѣ и качествѣ выпитаго вина.

ГЛАВА IX.

Лицомъ къ лицу.

Посвистовъ, Шевелкинъ и Чортани рѣшили ѣхать въ Стрѣльну прокатиться.

— Такъ скучно, заѣдемъ за женщинами, говорилъ Чортани.

— На кой ихъ чортъ, объявилъ Шевелкинъ.

— Нѣтъ, нужно взять, съ ними все таки будетъ веселѣе, рѣшилъ Посвистовъ.

— Ну, вы какъ хотите, а я не возьму, объявилъ Шевелкинъ.

— Какъ хочешь.

Послали за коляской. Коляска, запряженная четверикомъ добрыхъ ямщицкихъ лошадей, живо подкатила въ подъѣзду. Они покатили. Быстро взъѣхали они на крутую, чуть не перпендикулярную гору и затѣмъ взошли въ одинъ изъ лучшихъ домовъ терпимости.

Въ залѣ, освѣщенной по серединѣ горящей газовой люстрой, увидали они здѣсь тѣхъ несчастныхъ, еще молодыхъ и красивыхъ созданій, которыхъ привела сюда злая судьба и тяжелыя, гнетущія обстоятельства. Музыканты играли кадриль—и Жоржъ визави. съ вѣчнымъ студентомъ Арнольдомъ, эти двѣ знаменитости этихъ домовъ, отплясывали самый бѣшеный канканъ. Посвистовъ поставилъ бутылку шампанскаго, затѣмъ другую и третью. Пригласили выпить Арнольда и Жоржа. Тѣ выпили. Они никогда не отказывались отъ угощенія.

Часу въ первомъ ночи Посвистовъ и Шевелкинъ рѣшились ѣхать въ Стрѣльню. (Чортани такъ упился, что его отправили домой на извозчикѣ).

— Кого бы мнѣ взять съ собою? спрашивалъ Посвистовъ у Шевелкина.

— Отстань пожалуйста, бери кого хочешь, отвѣчалъ тотъ.

— Возьми Дашу, посовѣтовалъ Арнольдъ.

— Ладно. Даша, одѣвайся, крикнулъ Посвистовъ.

Высокая, довольно полная женщина, съ хорошенькимъ симпатичнымъ личикомъ и сѣрыми глазами, быстро вышла изъ комнаты. Черезъ минуту она воротилась въ шляпкѣ и мантиліи.

— Ѣдемъ!

— Ѣдемъ!

Поѣхали. Ямщикъ, подстрекаемый обѣщаніемъ пяти рублей на водку, летѣлъ, что есть духу. Не подалеку отъ Стрѣльны, они услыхали за собой крикъ «берегись».

Черезъ минуту на полныхъ рысяхъ обогнала ихъ коляска, запряженная тройкою.

Посвистовъ такъ и оторопѣлъ, когда, при яркомъ свѣтѣ луны, увидѣлъ, что тройкою правитъ Соня.

Одѣтая въ мужской русскій костюмъ, въ красной рубахѣ и плисовой поддевкѣ, въ маленькой шапочкѣ съ павлинымъ перомъ, заломленной на бекрень и слегка распущенными длинными волосами, Соня была хороша поразительно. Она лихо, по ямщичьи, держала возжи въ рукахъ и помахивала кнутомъ. Ямщикъ сидѣлъ рядомъ съ нею.

— Берегись, держи правѣй, крикнула Соня, пролетая стрѣлой мимо Посвистова, котораго она при быстрой ѣздѣ и не замѣтила.

— Покормите! крикнула Соня, оборачиваясь на полномъ ходу къ Посвистову и его спутникамъ.

— Ишь ты какъ правитъ, замѣтилъ ямщикъ Посвистова, подгоняя свою четверню.

Вслѣдъ за Сонею, мимо ихъ промчались еще двѣ коляски. Въ нихъ сидѣли мужчины и женщины. Нѣкоторые пѣли пѣсни.

Въ Посвистовѣ загорѣлось неистовое желаніе увидать Соню.

Ему захотѣлось бросить ей въ глаза всѣ пережитыя имъ тревоги и мученія, захотѣлось излить на нее всю желчь своего больнаго и измученнаго сердца, увидать ее въ послѣдній разъ, съ тѣмъ, чтобы уже никогда болѣе не встрѣчаться.

*

— Пошелъ, крикнулъ онъ ямщику. Пошелъ за ними, въ карьеръ.

— Выручай, соколики, грабятъ!

Четверня рванулась. Экипажи почти въ одно время въѣхали въ ворота Стрѣльны.

Посвистовъ какъ будто переродился: глаза его горѣли лихорадочнымъ огнемъ, яркій румянецъ выступилъ на щекахъ; тяжело дыша, съ стиснутыми зубами, онъ былъ хорошъ и страшенъ въ эту минуту.

Шевелкинъ, давно наблюдавшій за нимъ, схватилъ его за руку.

— Что ты? что съ тобой? тревожно спросилъ онъ.

— Пусти. Я хочу увидѣть ее.

Шевелкинъ понялъ и еще крѣпче сжалъ руку Посвистова.

— Перестань! полно, успокоивалъ онъ его.

Посвистовъ все порывался впередъ въ большую залу.

Послѣ долгихъ уговариваній, Шевелкину наконецъ удалось успокоить Посвистова.

Вмѣстѣ съ Дашей, они увели его въ отдѣльную комнату.

Опустивъ голову на руки и закрывши лицо, сидѣлъ Посвистовъ. Изъ большой залы, не смотря на затворенныя двери, явственно доносились до него и стукъ ножей и говоръ собесѣдниковъ, заглушаемые по временамъ громомъ оркестра или пѣніемъ цыганъ.

Шевелкинъ сидѣлъ молча и не пилъ. Онъ все наблюдалъ за Посвистовымъ. Даша съ удивленіемъ посматривала

на своихъ спутниковъ, суровыхъ и угрюмыхъ, почти не отвѣчавшихъ ей на вопросы.

Мертвое молчаніе царствовало въ маленькой комнатѣ.

Посвистову послышался звонкій и веселый голосокъ Сони.

Онъ вскочилъ и бросился къ двери. Шевелкинъ схватилъ его на лету.

— Пусти, крикнулъ Посвистовъ, бѣшено вырываясь отъ Шевелкина.

— Не пущу, отвѣчалъ тотъ, обхватывая его своими желѣзными руками.

Завязалась борьба. Отчаяніе и ненависть придали Посвистову нечеловѣческую силу. Съ минуту Шевелкинъ удерживалъ Посвистова, наконецъ онъ отлетѣлъ въ сторону.

Блѣдный, всклокоченный, съ сверкающими глазами и пѣной на губахъ ворвался Посвистовъ въ залу, гдѣ пировала подгулявшая компанія, онъ направился прямо къ столу.

Цыгане, пѣвшіе въ это время какую-то пѣсню, остановились и смолкли. Всѣ сидѣвшіе передъ столомъ уставились на Посвистова, остановившагося прямо передъ ними, въ напряженномъ ожиданіи.

Прошла секунда томительнаго молчанія.

Посвистовъ подошелъ къ Сонѣ и положилъ ей на плечи обѣ руки.

— Здраствуй Соня, тихо сказалъ онъ.

Соня молчала.

— Зачѣмъ ты меня оставила? Зачѣмъ ты отъ меня ушла? продолжалъ Посвистовъ. Онъ говорилъ почти шо-

потомъ, сквозь стиснутые зубы, но шопотъ его раздавался по всей залѣ, посреди мертваго молчанія окружающихъ.

Соня не отвѣчала.

Блѣдная какъ полотно, съ широко раскрытыми и неподвижно устремленными на Посвистова глазами, она была болѣе похожа на статую чѣмъ на живаго человѣка.

— Вѣть я любилъ тебя, Соня, произнесъ снова Посвистовъ.

Онъ говорилъ по прежнему тихо, не глядя ни на кого и никто изъ присутствующихъ не смѣлъ остановить его.

Безъ кровинки въ лицѣ, вся дрожа, какъ осиновый листъ, продолжала смотрѣть на него Соня.

Раздался болѣзненный, раздирающій душу крикъ.

Соня пошатнулась и тяжело грянулась на полъ.

Она была безъ чувствъ.

Присутствующіе вышли изъ оцѣпененія.

— Съ ней дурно, взвизгнула Адель.

— Что онъ, вонъ его, избить его, раздались мужскіе голоса вокругъ Посвистова.

— Не трогать! крикнулъ Шевелкинъ, показываясь изъ дверей.

Онъ сталъ подлѣ Посвистова.

Посвистовъ, не обращая вниманія ни на кого, не видя ничего окружающаго, нагнулся надъ Сонею.

Она лежала въ обморокѣ и почти не дышала, зубы ея были стиснуты, руки судорожно сжаты.

Изъ толпы окружающихъ выдѣлился молодой плотный блондинъ. Онъ схватилъ за плечо Посвистова.

— Не угодно-ли вамъ убираться отсюда, рѣзко крикнулъ онъ Посвистову, вамъ нѣтъ никакого дѣла до этой дамы.

Посвистовъ даже не обернулся: онъ не слыхалъ этихъ словъ.

Блондинъ размахнулся и хотѣлъ ударить Посвистова. Шевелкинъ предупредилъ его, оттолкнутый могучею рукою, блондинъ какъ мячикъ отлетѣлъ въ сторону.

Вслѣдъ затѣмъ Шевелкинъ, обхвативъ одною рукою Посвистова, рѣшительно пошелъ къ дверямъ. Кто то изъ присутствующихъ вздумалъ было преградить ему дорогу и схватить его, но Шевелкинъ однимъ ударомъ повалилъ его на полъ.

Усадивъ ничего не понимавшаго Посвистова въ коляску, захвативъ Дашу, Шевелкинъ приказалъ кучеру ѣхать обратно въ Москву.

Вскорѣ вслѣдъ за ними отправилась и кутившая компанія. Въ одной коляскѣ лежала на колѣняхъ у Адель полумертвая, истерически рыдавшая Соня.

ГЛАВА X.

Нѣчто въ видѣ эпилога.

Соня оправилась на другой день. Адель пробыла съ нею цѣлую ночь и собрала около нея чуть ли не цѣлый десятокъ докторовъ.

На третій день Соня уже принимала своихъ поклонниковъ.

Что касается до Посвистова, то онъ былъ боленъ болѣе мѣсяца и нѣсколько разъ былъ на волосъ отъ смерти, но молодость превозмогла: онъ выздоровѣлъ. Немного оправившись, онъ уѣхалъ въ деревню къ матери.

Сони онъ не хотѣлъ видѣть.

А что же Hortense, что Чортани, Шевелкинъ? быть можетъ спроситъ у меня читатель.

На эти вопросы я буду отвѣчать по пунктамъ.

Чортани, пожуировавши довольно долгое время въ Москвѣ, уѣхалъ въ Нижній, гдѣ вѣроятно достаетъ со дна Волги свои потонувшіе пароходы.

Шевелкинъ кончилъ курсъ и уѣхалъ медикомъ въ какой-то отдаленный уѣздный городъ.

Говорятъ, что его очень любятъ въ околодкѣ и что онъ довольно недурной докторъ.

Что же касается до Hortense и Agathe, то судьба ихъ извѣстна. Пробившись годика два, три, а можетъ быть больше на свободѣ, онѣ будетъ падать все ниже и ниже, до тѣхъ поръ пока не попадутъ въ одинъ изъ домовъ терпимости, гдѣ окончательно потеряютъ человѣческій обликъ, а пожалуй и сопьются съ кругу. Проживши тамъ до тѣхъ поръ, пока сохранятъ хотя нѣкоторую долю молодости и красоты, до тѣхъ поръ пока будутъ находить на себя покупателей, онѣ безъ жалости и милосердія будутъ

выгнаны хозяйкою на улицу и мало по малу дойдутъ до состоянія той несчастной, покрытой отвратительными рубищами женщины, которая, если помнитъ читатель, предлагала себя Посвистову, когда онъ, возвращаясь отъ Hortense, шелъ по Тверскому бульвару.

Та же участь ждетъ и Адель и Соню. Разница въ томъ, что она для нихъ наступитъ нѣсколько попозже.

Если которой нибудь изъ нихъ посчастливится, удастся встрѣтить мужчину, котораго можно обмануть наружными признаками любви и обобрать его, тогда она сдѣлается въ свою очередь хозяйкою одного изъ домовъ терпимости, въ свою очередь будетъ торговать живымъ тѣломъ, въ свою очередь будетъ пить кровь живущихъ у ней несчастныхъ существъ, притѣснять ихъ, обманывать и обсчитывать и въ свою очередь будетъ выгонять ихъ на улицу, когда ихъ одряхлѣвшія прелести не будутъ прельщать развратниковъ, не будутъ находить покупателей.

Которая участь лучше—это еще вопросъ.

Пожалѣй объ нихъ, читатель!

ВЕЧЕРИНКА СЪ ИТАЛЬЯНЦАМИ

СЦЕНЫ.

Посвящается Е. А. С—ой.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Варвара Васильевна Увлеченцова, молодая вдова лѣтъ 22-хъ.
Машенька, сестра ея, 16-ти лѣтъ.
Наталья Самсоновна Козакова, ихъ кузина, молодая дама изъ провинціи, 21 года.
Саніо, итальянецъ-оперный пѣвецъ.
Гавани, итальянецъ, лѣтъ 45. Желаетъ казаться моложе.
Аржаной, недоросль изъ дворянъ, лѣтъ 27.
Курицынъ, молодой человѣкъ.
Лыско, молодой человѣкъ изъ малороссіянъ.
Дядюшкинъ, также молодой человѣкъ.
Адвокатъ, не подающій никакихъ надеждъ, лѣтъ 25.
Князь Чичизе, грузинецъ, лѣтъ 35.
Шебылкинъ, молодой офицеръ.
Марсовъ } гусары
Андреевъ . }
Ланиновъ — адвокатъ.

Театръ представляетъ двѣ большихъ комнаты, довольно недурно убранныхъ. Въ залѣ, около стѣнъ разставлены стулья и ломберные столы, въ одномъ углу рояль. Въ гостинной мягкая мебель. Въ двухъ противуположныхъ углахъ круглые столы, на которыхъ горятъ лампы. По стѣнамъ картины. 8 часовъ вечера.

ЯВЛЕНІЕ I.

Увлеченцова, Машенька и Козакова *сидятъ однѣ, въ ожиданіи гостей.*

Машенька.

Ахъ, какъ долго никто не ѣдетъ!

Увлеченцова.

Да, ужасно скучно безъ гостей.

Козакова.

Да пріѣдетъ-ли онъ-то?

Увлеченцова.

Кто? Саніо?

Козакова.

Ну, разумѣется.

Увлеченцова.

Обѣщалъ, а впрочемъ не знаю. *(молчаніе)* Ахъ душка Саніо!

Козакова.

Божественный.

Увлеченцова.

Нѣтъ, ты замѣтила какіе у него глаза?

Козакова.

Да, прелесть. А бакенбарды-то.

Увлеченцова,

Просто разцѣловала-бы его!

Козакова.

До сихъ поръ не могу вспомнить, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на меня въ Фаустѣ! Какже! Стройный, красивый и въ такомъ костюмѣ! Эти обтянутыя ноги—просто прелесть. Въ эту минуту я забыла все, рѣшительно все, видѣла только его одного. Въ эту минуту *(шепчетъ что-то на ухо Увлеченцовой. Та смѣется)*.

Машенька *(Козаковой)*.

А объ Чичизе ты въ это время позабыла?

Козакова.

Вотъ еще!—Стану я помнить.

Машенька.

А вѣдь онъ, бѣдный, любитъ тебя.

Козакова.

Знаемъ мы эту любовь!

Машенька.

Конечно любитъ. Это фактъ неоспоримый, что этотъ субъектъ тебя любитъ.

Козакова.

И отъ кого ты только такимъ умнымъ словамъ научилась?

Машенька.

Конечно не отъ тебя.

Козакова.

Это ты все отъ Аржанаго. У, противный!

Машенька.

Вовсе не отъ Аржанаго!

Козакова.

Ну, такъ отъ Лыско.

Машенька.

И не отъ Лыско!

Козакова.

Ну, отстань. Хорошо. *(послѣ нѣкотораго молчанія)* Какъ это вамъ не надоѣстъ принимать все однихъ и тѣхъ же знакомыхъ? Право, скука съ ними. И какіе противные. Особенно этотъ вашъ адвокатъ ужасно дерзокъ.

Машенька.

А что?

Увлеченцова.

Что такое?

Козакова.

Да какже. Сижу я въ прошлый разъ съ Чичизе, а потомъ черезъ нѣсколько времени начала говорить съ Лыско. Онъ подходитъ ко мнѣ да и говоритъ: вы, говоритъ, Наталья Самсоновна, никого своими милостями не забываете. А! каково!

Машенька.

Да. Онъ все съ насмѣшечками. Даже надоѣлъ.

Увлеченцова.

Дѣйствительно, онъ иногда себѣ много позволяетъ (*звонокъ*) Кто-бы это такое?

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Аржаной. *Онъ одѣтъ въ русскій костюмъ. Молча пожимаетъ руки дамамъ и садится въ сторонѣ отъ нихъ.*

Увлеченцова.

Какъ поживаете, Дмитрій Никандрычъ?

Аржаной (*мрачно*).

Такъ себѣ.

Машенька.

Что вы такой скучный?

Аржаной.

Душа моя мрачна.

Машенька.

Онъ чего же она мрачна.

Аржаной.

Отъ разныхъ причинъ. Во первыхъ.....

Козакова *(прерывая его).*

Кажется кто-то подъѣхалъ.

Аржаной *(быстро).*

Вамъ кажется?

Козакова *(съ недоумѣніемъ).*

Да, кажется.

Аржаной.

Такъ перекреститесь. Моя бабушка говорила, когда перекрестишься, такъ перестанетъ казаться. *(Звонокъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и Адвокатъ. *Одѣтъ въ черномъ бархатномъ оксфордѣ. Входитъ съ большою самоувѣренностью.*

Адвокатъ.

Здравствуйте, Варвара Васильевна *(къ Машенькѣ)*. Марья

Васильевна. *(къ Козаковой)* Наталья Самсоновна, честь имѣю кланяться. *(къ Аржаному)* Здравствуйте *(пожимаетъ всѣмъ руки)*.

Увлеченцова,

Здравствуйте, Николай Дементьичъ.

Адвокатъ *(къ Козаковой)*.

Какъ изволите поживать. Наталья Самсоновна *(оглядываетъ ее)* Фу, да какъ вы сегодня интересны!

Козакова *(улыбаясь)*.

Вамъ кажется?

Адвокатъ.

Еще бы не казаться! Помилуйте *(вздыхаетъ)*. Бѣдная Грузія.

Козакова *(смѣется)*.

А что?

Адвокатъ.

Такъ. Жалѣю объ этой прекрасной странѣ.

Козакова *(продолжая смѣяться)*.

Да что такое?

Адвокатъ.

Какъ что? Погибнетъ! Ляжетъ костьми.

Козакова (*притворяется, что сердится*).

Перестаньте шутить.

Адвокатъ.

Какіе тутъ шутки. Вамъ хорошо говорить, а ей то каково?

Машенька.

Хотите, Николай Дементьичъ, я вамъ новость скажу.

Адвокатъ.

Говорите.

Машенька.

Знаете, кто у насъ сегодня будетъ?

Адвокатъ.

Нѣтъ, не знаю.

Машенька.

Угадайте.

Адвокатъ

Кто-жъ бы это такое? Губернаторъ?

Машенька.

Нѣтъ—лучше.

Адвокатъ.

Китайскій Императоръ?

Машенька.

Вы все шутите. *(Торжественно)* У насъ будетъ сегодня Саніо.

Адвокатъ.

Серьёзно?

Машенька.

Да.

Адвокатъ.

Честь имѣю поздравить.

Увлеченцова.

Вы не повѣрите, Николай Дементьичъ, я просто сама не своя. Все жду и никакъ не могу дождаться. *(къ Аржаному)* Какъ у меня пульсъ бьется сильно. Возьмите руку.

Аржаной.

Зачѣмъ мнѣ ваша рука?

Увлеченцова.

Попробуйте пульсъ.

Адвокатъ *(Увлеченцовой).*

Мы и безъ того вѣримъ, что бьется. *(Козаковой)* А у васъ, Наталья Самсоновна, пульсъ въ какомъ положеніи?

Козакова.

Нѣтъ, у меня ничего. *(Звонокъ)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Лыско. *Одѣтъ въ синей суконной визиткѣ, черномъ бархатномъ жилетѣ, сѣрыхъ панталонахъ и въ коричневомъ галстукѣ.*

Лыско.

Здравствуйте, Варвара Васильевна. *(жметъ ей руку, та вскрикиваетъ)* Что съ вами?

Увлеченцова.

Помилуйте, вы мнѣ руку сломали.

Лыско.

Виноватъ.

Машенька *(Лыско).*

Постоянно вы жмете руку такъ, что кричать надобно.

Лыско *(Адвокату).*

Здравствуйте.

Адвокатъ.

Здравствуйте. Эка, батюшка, силища-то у васъ. Вся въ руки ушла, даже въ головѣ ничего не осталось.

Лыско.

Какъ-же это?

Адвокатъ.

Это бываетъ.

Аржаной.

Бываетъ, что и медвѣдь летаетъ.

Адвокатъ *(Аржаному).*

Правильно. *(къ Лыско)* Слышите, что умные-то люди говорятъ.

Увлеченцова.

Умныя рѣчи пріятно и слушать.

Аржаной.

Умныя рѣчи! Я не такую еще умную рѣчь могу повести.

Машенька *(съ любопытствомъ).*

А какую-же.

Аржаной (*смотритъ на нее нѣсколько времени и соображаетъ*).

Я могу повести рѣчь, отъ чего изъ носу идетъ течь.

Увлеченцова.

Перестаньте, Дмитрій Никандрычъ.

Машенька.

Ахъ, какіе вы неприличныя вещи говорите.

Адвокатъ (*Аржаному*).

А ну-ка, поведите.

Аржаной (*молчитъ*).

Лыско.

Поведите-ка въ самомъ дѣлѣ, Дмитрій Никандрычъ.

Аржаной.

Отстаньте пожалуйста. (*Звонокъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Дядюшкинъ и Шебылкинъ (*входятъ*).

(*Гости размѣщаются: Дядюшкинъ и Лыско пристраиваются къ Машенькѣ, которая садится за рояль и дѣлаетъ видъ, что она играетъ. Аржаной уходитъ въ дальнія комнаты. Шебылкинъ ходитъ по комнатѣ съ Увлеченцовой. Адвокатъ на диванѣ въ гостиной бесѣдуетъ съ Козаковой*).

Машенька *(Дядюшкину).*

Очень вамъ благодарна, М-г Дядюшкинъ, что вы не забыли нашего приглашенія.

Дядюшкинъ.

Помилуйте, ни за что на свѣтѣ. Впрочемъ это и невозможно.

Лыско.

Почему-же?

Дядюшкинъ.

У меня есть книга, такъ я записалъ ваше приглашеніе.

Машенька.

Какая же это у васъ книга?

Дядюшкинъ.

Записная-съ. Въ синемъ переплетѣ, съ красными застежками. Я туда рѣшительно все записываю.

Машенька.

Неужели все?

Дядюшкинъ.

Совершенно все. Вотъ мы теперь сидимъ и разговариваемъ съ вами, а какъ пріѣду домой, все возьму и опишу.

Лыско *(иронически)*.

И большая у васъ эта книга?

Дядюшкинъ.

Довольно большая. Такъ, знаете, листовъ въ двѣсти. Впрочемъ, я хочу себѣ еще другую купить.

Лыско *(презрительно улыбается)*.

Машенька *(Лыско)*.

Что это вы молчите, Василій Алексѣичъ?

Лыско *(внушительно)*.

Боленъ я, Марья Васильевна.

Машенька.

Чѣмъ же вы больны?

Лыско.

Всѣмъ. А больше всего грудь болитъ отъ занятій.

Машенька.

Чѣмъ же вы занимаетесь?

Лыско.

Да вотъ—Государственымъ правомъ.

Дядюшкинъ.

Это очень трудная наука.

Лыско.

Да, трудная. Очень трудная.

Машенька

Объ чемъ же въ ней говорится?

Лыско

Объ разномъ. Больше всего о государствѣ.

Дядюшкинъ

И о правѣ также говорится.

Лыско.

Да, и о правѣ.

Машенька.

И большая это наука?

Лыско.

Громадная. Листовъ пятьдесятъ литографированныхъ. Учишь, учишь — просто бѣда.

Дядющкинъ.

Да, это дѣйствительно, очень непріятно.

Увлеченцова *(ходя по комнатѣ съ Шебылкинымъ).*

Такъ вы говорите, что я могу еще испытать любовь?

Шебылкинъ.

О, разумѣется. Любовь чувство прилипчивое. У насъ даже одинъ офицеръ въ полку, ужасный острякъ, сказалъ, что любовь не картофель — ее не проглотишь.

Увлеченцова.

Вы говорите, не проглотишь. Я согласна съ вами, что любовь проглотить нельзя. Но вѣдь мы говорили про то, могу ли я еще испытать любовь.

Шебылкинъ.

Безъ сомнѣнія. Позвольте, я вамъ докажу. Вы, надѣюсь, человѣкъ.

Увлеченцова *(съ удивленнымъ видомъ).*

Конечно человѣкъ.

Шебылкинъ.

Каждый человѣкъ любитъ, а если не любитъ, то полюбитъ. Вы человѣкъ — слѣдовательно вы полюбите. Надѣюсь логично?

Увлеченцова.

Но вѣдь за любовью большею частію всегда слѣдуетъ разочарованіе.

Шебылкинъ.

Да. Разочарованіе — это послѣднее дѣло. У насъ въ

полку, знаете, есть одинъ прапорщикъ, недавно произведенъ изъ юнкеровъ, а какъ разочарованъ — ужасно.

Увлеченцова (*съ любопытствомъ*).

Что же онъ дѣлаетъ?

Шебылкинъ.

Пьянствуетъ ужасно. Одинъ въ сутки штофъ выпиваетъ. Къ тому-же и скандалистъ ужасный. Чуть что не такъ, сейчасъ въ физіономію. (*Шебылкинъ и Увлеченцова уходятъ въ гостиную*).

Адвокатъ (*развалясь на диванѣ, Козаковой*)

Какъ кажется, вы очень любите дѣлать завоеванія, Наталья Самсоновна.

Козакова.

А что?

Адвокатъ.

Повидимому, вы не хотите довольствоваться одной Грузіей.

Козакова.

Я васъ не понимаю.

Адвокатъ.

А кажется ясно: хотите покорить Италію.

Козакова.

Перестаньте пожалуйста съ вашими шутками. *(Зѣваетъ)*.

Адвокатъ.

Однако вы зѣваете недурно. Пожалуйста меня не проглотите.

Козакова *(смѣясь)*.

Я магометанка.

Адвокатъ.

То есть не глотаете свинины. Гм! Недурно! А отъ кого вы эту фразу слышали?

Козакова.

Отъ князя Чичизе. А вамъ на что?

Адвокатъ.

Мои догадки, значитъ, справедливы. Я такъ и думалъ, что эта пилюля не изъ вашей кухни.

Козакова *(обидясь)*.

Это почему?

Адвокатъ.

Да хоть потому, что сами-то вы ее придумали бы, развѣ только въ концѣ вашей жизни. *(Уходитъ въ внутреннія комнаты)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Марсовъ и Андреевъ. *(Входятъ скоро и гремятъ шпорами. Около дверей на минуту останавливаются).*

Увлеченцова *(подходя къ нимъ).*

Mr. Марсовъ, Андреевъ, очень рада.

Марсовъ.

Ваше здоровье?

Андреевъ.

Объ немъ нечего, кажется, и спрашивать. Вы цвѣтете.

Увлеченцова.

Благодарю васъ. Что же вы стоите, господа, милости просимъ въ гостиную.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Курицынъ. *(Молодой человѣкъ, одѣтъ съ претензіей на франтовство. Въ глазу стеклышко, физіономія въ угряхъ).*

Курицынъ *(подходя къ рояли).*

Здравствуйте, Марья Васильевна, *(къ Лыско и Дядюшкину)* здравствуйте.

Машенька.

Здравствуйте, Левъ Дмитріевичъ. Что это васъ такъ давно не было видно?

Курицынъ.

Я былъ занятъ: покупалъ себѣ имѣніе.

Машенька.

Что же, купили?

Курицынъ.

Нѣтъ, не купилъ, но думаю купить.

Аржаной *(выходя изъ дверей гостиной)*.

А, Курицынъ, здравствуй.

Курицынъ.

Здравствуйте, Митенька.

Аржаной.

Гдѣ это тебя чортъ носитъ?

Курицынъ.

А что?

Аржаной.

Какъ что! Былъ у тебя сегодня разъ пять—и все дома нѣтъ.

Курицынъ.

Я все хлопочу, по имѣнію.

Аржаной.

Да гдѣ это у тебя имѣніе-то? На небесахъ что-ли?

Курицынъ *(дѣлаетъ видъ, что не слышитъ)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже, князь Чичизе и немного спустя Ланиновъ. *(Чичизе входитъ солидно. Въ рукахъ шляпа. Говоритъ по русски съ сильнымъ акцентомъ. Молча раскланивается съ присутствующими и направляется прямо къ дивану, на которомъ сидитъ Казакова. Ланиновъ молодой человѣкъ, очень высокаго роста, бѣлокурый. Видомъ похожъ на птицу изъ породы голенастыхъ)*

Ланиновъ *(Аржаному)*.

Какъ поживаете, Дмитрій Никандрычъ.

Аржаной.

Живу.

Ланиновъ.

Какъ же живу? Что это значитъ?

Аржаной.

Это значитъ, что медвѣдь черезъ пенекъ скачетъ. *(Ланиновъ отъ него уходитъ)*.

Марсовъ *(ходя по комнатѣ съ Машенькой)*.

Вы спрашиваете, весело-ли мы на нашей стоянкѣ проводимъ время?

Машенька.

Да.

Марсовъ.

Удивительно весело. Знаете, тамъ глушь ужасная, но мы на это не обращаемъ никакого вниманія и пьемъ, какъ слѣдуетъ гусарамъ.

Машенька.

Зачѣмъ-же вы это дѣлаете?

Марсовъ.

Помилуйте! Да развѣ можно гусару не пить. Развѣ это съ чѣмъ нибудь сообразно? — Это невозможно. Я, знаете, пью больше всѣхъ въ полку; перепить меня никто не можетъ. Я даже ничего не ѣмъ.

Машенька *(съ удивленіемъ)*.

Неужели вы ничего не ѣдите?

Марсовъ.

То есть не то, чтобы совсѣмъ, а почти ничего. Я съ утра начинаю пить шампанское. Знаете—вмѣсто чаю. Не правда-ли, оригинально? Потомъ, знаете, съѣмъ чего нибудь и опять шампанское. Я разъ въ день цѣлый ящикъ выпилъ.

Лыско *(подходя къ нему)*.

Я не мѣшаю?

Машенька.

О нѣтъ, нисколько.

Лыско.

О чемъ это вы вели такой оживленный разговоръ?

Марсовъ.

Такъ, вообще. Я разсказывалъ Марьѣ Васильевнѣ, какъ мы, гусары, проводимъ время.

Машенька.

Представьте себѣ, Василій Алексѣичъ, Mr. Марсовъ въ день выпилъ ящикъ шампанскаго.

Лыско.

Гм! Многовато. Впрочемъ Долоховъ, въ Войнѣ и Мирѣ, выпилъ же бутылку рому сидя на окнѣ.

Марсовъ.

Это ничего не значитъ; и я выпью.

Лыско (*увлекаясь, Машенькѣ*).

Нѣтъ, вы представьте, смѣлость какая. Отворяетъ окно изъ третьяго этажа, свѣшиваетъ ноги за окно, и въ такомъ положеніи выпиваетъ цѣлую бутылку рому.

Марсовъ.

Молодецъ!

Машенька.

А хорошъ собой былъ этотъ Долоховъ?

Лыско.

Молодчина. *(Молчаніе).*

Марсовъ.

А преинтересный должно быть этотъ романъ — Война и Миръ.

Лыско.

Великолѣпный. И какъ, знаете, вѣрно схвачено. Тамъ у него въ одномъ мѣстѣ есть: если бы, говоритъ, у Наполеона не было во время Бородинскаго сраженія насморка, такъ еще неизвѣстно, чѣмъ бы оно кончилось. Не правда-ли, вѣрная мысль?

Марсовъ.

Да, перо очень бойкое. *(Проходятъ).*

Кн. Чичизе. *(Казаковой).*

Женщины—это синонимъ непостоянства.

Козакова.

Вы вѣроятно хотѣли сказать это про мужчинъ.

Чичизе.

Нѣтъ—именно женщины. Женщины коварны, сказалъ какой-то философъ.

Козакова.

Повѣрьте, что мужчины имъ не уступятъ.

Чичизе.

У насъ на Кавказѣ женщины не измѣняютъ. За измѣну у насъ наказываютъ смертью: кинжалъ въ бокъ, или въ мѣшокъ, да въ воду. Вотъ какъ у насъ поступаютъ съ измѣнницами.

Козакова.

Ахъ, какіе вы варвары.

Чичизе.

Не варвары, а это такъ слѣдуетъ. *(молчаніе)* Уменя на Кавказѣ есть одинъ слуга. Онъ дѣлаетъ все, что я не прикажу: прикажу ему зарѣзать—зарѣжетъ, прикажу.....

Козакова. *(прерывая его.)*

Ахъ, что это Саніо не ѣдетъ.

Чичизе.

Какъ васъ интересуетъ этотъ итальянецъ.

Адвокатъ *(выходя изъ гостиной и подходя къ нимъ).*

Что это, вы все толкуете о Саніо?

Козакова.

Да.

*

Адвокатъ.

Знаете что, я предлагаю ему устроить торжественную встрѣчу.

Козакова.

Какую-же?

Адвокатъ.

Мужчинамъ стать на колѣна при его появленіи, а дамамъ подходить къ нему по очереди и просить поцѣловать ручку.

Чичизе *(смѣется)*.

Ха, ха, ха! это недурно.

Увлеченцова *(подходя къ нимъ)*.

Что такое? чему вы смѣетесь?

Кн. Чичизе.

Вотъ они сейчасъ предлагали встрѣтить Саніо на колѣнахъ, а дамамъ просить поцѣловать у него руку.

Увлеченцова.

Ну ужъ нѣтъ, я не согласна.

Адвокатъ.

А то согласитесь, Варвара Васильевна,

Козакова.

Ни за что на свѣтѣ.

Адвокатъ.

Вы только вообразите: поцѣловать его бѣлоснѣжную, или можетъ быть мужественную, смуглую руку, потому что право я не знаю, какія у него руки. Ну-ка, признайтесь-ка по совѣсти, развѣ это не доставитъ удовольствія? *(Звонокъ)*. Ну, это онъ, это Саніо. *(Общее смятеніе. Дядюшкинъ поправляетъ волосы, Марсовъ и Андреевъ охорашиваются)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже, Гавани и Саніо: *) *Гавани входитъ, держа за руку Саніо. При входѣ Гавани чирикаетъ сверчомъ. Всѣ съ недоумѣніемъ оглядываются.*

Гавани *(Увлеченцовой и Козаковой)*.

Представляю вамъ г-на Саніо.

Увлеченцова.

Очень пріятно, *(Саніо кланяется)*.

Гавани *(Увлеченцовой)*.

Видите, я исполнилъ свое обѣщаніе.

Увлеченцова.

Благодарю васъ, благодарю.

---

*) Разговоръ Гавани и Саніо, а также и другихъ дѣйствующихъ лицъ съ ними идетъ на плохомъ французскомъ языкѣ. Авторъ передаетъ разговоръ по русски.

Гавани.

Не за что.

Саніо *(входитъ въ гостиную. Въ дверяхъ ему попадается мрачная фигура Аржанаго; онъ смотритъ на послѣдняго съ изумленіемъ).*

Что это такое?

Аржаной *(мрачно на него поглядываетъ и проходитъ мимо).*

(Размѣщаются: Саніо садится въ гостиной. Подлѣ него съ обѣихъ сторонъ, помѣщаются Увлеченцова и Казакова).

Увлеченцова.

Благодарю васъ, что вы сдержали ваше слово и пріѣхали къ намъ.

Саніо.

О, я всегда держу свое слово *(рисуется; рисовка заключается въ томъ, что онъ поворачиваетъ голову немного въ бокъ и даетъ присутствующимъ любоваться на свой профиль).*

Козакова.

Это очень любезно съ вашей стороны.

Саніо *(молча кланяется).*

Козакова *(послѣ нѣкотораго молчанія).*

Вы пѣли сегодня?

Саніо.

Да, и усталъ ужасно.

Увлеченцова.

Также прекрасно пѣли, какъ и всегда?

Саніо.

Благодарю васъ *(Молчаніе)*. Мнѣ хотѣлось бы выкурить сигару.

(Увлеченцова и Казакова бросаются объ къ столу и наперерывъ стараются достать ему сигару изъ ящика, стоящаго на столѣ, при чемъ чуть не валится лампа, находящаяся на столѣ. Увлеченцова схватываетъ сигару первая.)

Увлеченцова *(Саніо)*.

Извольте.

Саніо.

Благодарю васъ.

(Козакова и Увлеченцова садятся опять рядомъ съ Саніо. Всѣ трое молчатъ).

Гавани *(въ залѣ поетъ самымъ неистовымъ голосомъ изъ Троватора)*.

Addio Leonora.

Лыско.

Вотъ оретъ-то.

Адвокатъ.

Что это за голосъ изъ оврага?

Дядюшкинъ *(Курицыну)*.

Какой прекрасный голосъ!

Курицынъ.

Это у Гавани-то?

Дядюшкинъ.

Да.

Курицынъ.

Манера есть. Ну а относительно голоса-то—это остатки прежняго великолѣпія.

(Увлеченцова оставляетъ Саніо и уходитъ въ залу. Она беретъ подъ руку Гавани и садится съ нимъ въ сторонѣ отъ прочихъ).

Козакова *(Саніо).*

Вы слишкомъ избалованы, Mr. Саніо.

Саніо.

Женщинами—да. Онѣ всегда были къ мнѣ очень милостивы.

Козакова.

Въ самомъ дѣлѣ?

Саніо.

Да. Я не знаю счета моимъ побѣдамъ. Впрочемъ ваши барыни ужъ черезъ чуръ любятъ иноземцевъ.

Козакова *(обидясь).*

Не всѣ.

Саніо.

Конечно бываютъ исключенія, но они рѣдки.

Гавани *(Увлеченцовой).*

Когда я былъ на сценѣ, я не могъ счесть всѣхъ побѣдъ, которыя я одержалъ надъ женщинами.

Увлеченцова.

Въ самомъ дѣлѣ?

Гавани.

Да. Женщины были всегда ко мнѣ очень милостивы. Впрочемъ, не хотите-ли, я вамъ дамъ доказательство.

Увлеченцова.

Какое?

Гавани *(вынимаетъ портмоне, а изъ него письмо на розовой бумагѣ).*

Смотрите.

Увлеченцова *(просматриваетъ письмо).*

Какъ она васъ любитъ—бѣдная.

Гавани.

Да. Но это для меня не новость. Тѣмъ болѣе, ваши соотечественницы такъ любятъ насъ, итальянцевъ. Однако, мнѣ нужно сказать два слова Саніо *(уходитъ).*

(Козакова и Увлеченцова сходятся вмѣстѣ).

Козакова *(Увлеченцовой).*

Ахъ, какъ милъ Саніо.

Увлеченцова,

Да, очарователенъ. А объ чемъ онъ съ тобою говорилъ?

Козакова.

Объ любви и объ женщинахъ вообще. Онъ кажется ужаснымъ фатомъ. Онъ ужасно хвалился успѣхомъ у женщинъ.

Увлеченцова.

Представь себѣ, что мы съ Гавани также говорили о любви и онъ также хвастался мнѣ своимъ побѣдами.

Козакова.

Это у нихъ уже общая замашка. Но все таки, какіе милые эти итальянцы.

Увлеченцова.

Да, гораздо лучше нашихъ.

Козакова.

Какое же сравненіе. Гораздо умнѣе.

Увлеченцова.

Находчивѣе и остроумнѣе. Они....

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и слуга.

Слуга *(Увлеченцовой, прерывая ее).*

Кушать подано.

Увлеченцова.

Хорошо. Господа, милости просимъ закусить. *(Всѣ гурьбой уходятъ ужинать. Впереди всѣхъ Аржаной. Занавѣсъ опускается.)*

УТРО АДВОКАТА.

ОЧЕРКЪ.

Барону Галкину.

Небольшая комната съ передней. Изъ передней дверь въ другую комнату. Первая комната обклеена сѣроватыми обоями. Мебель въ комнатѣ обыкновенная: зеленый клеенчатый диванъ, нѣсколько креселъ и стульевъ. Прямо большой письменный столъ. У стола сидитъ адвокатъ и что-то пишетъ.

Адвокатъ еще молодой человѣкъ, смуглый, съ темноватыми волосами. Одѣтъ довольно небрежно, по домашнему.

Дверь отворяется и къ адвокату входитъ пожилая женщина. Одѣта довольно бѣдно и повязана желтымъ платкомъ. Она ищетъ глазами образа, чтобы на него перекреститься, и не находя его, крестится на уголъ и кланяется адвокату.

— Что вамъ угодно? спрашиваетъ адвокатъ.

— Къ вашей милости?

— Что такое?

— Да вотъ, прошеніе. Пожилая женщина суетъ адвокату какую-то бумагу.

— Да въ чемъ у васъ дѣло-то?

— Тамъ все прописано, отвѣчаетъ женщина.

Адвокатъ беретъ бумагу и начинаетъ читать вслухъ: «Его Высокоблагородію, Господину судебному мировому судьѣ (гласитъ бумага). Всепокорнѣйше позвольте просить особу вашу, принять мѣры къ натуральному закону, на разбирательство, которое относится къ несовершеннолѣтней дѣвочкѣ, отъ пятнадцатаго года ей житіе»..

«Не могу сообразиться какое ей еще дѣлать наказаніе. Первое, какъ я думала, что для нея будетъ конфузно, если я выгоню ее изъ комнаты, то она взяла въ себя такую власть, что не воротишь дѣломъ. . . . .»

Адвокатъ пропустилъ нѣсколько строкъ и читалъ далѣе.

«не желая упустить и изъ рукъ моихъ, покорнѣйше прошу васъ, господинъ мировой судья, прикажите мнѣ отпороть ее въ стѣнахъ; непремѣннно я желаю отпороть ее въ казенномъ мѣстѣ. . . .»

Адвокатъ пропустилъ еще нѣсколько строкъ и читалъ уже въ концѣ.

«а таковыя чада должны родителей слушаться и своими интересами не ввергать человѣка въ погибель».

— У васъ объ чемъ въ прошеніи говорится? спрашиваетъ адвокатъ.

— Все объ дочери, отвѣчаетъ женщина.

— Что же объ ней говорится?

Пожилая женщина съ сомнѣніемъ смотритъ на адвоката

— Да вы прочли, что въ бумагѣ-то говорится?

— Какже, прочелъ.

— Ну, такъ тамъ все прописано.

— Вы уже лучше, матушка, на словахъ разскажите, говоритъ ей адвокатъ, изъ вашей бумаги ничего понять нельзя.

Пожилая женщина пожимаетъ плечами.

— Понять нельзя, повторяетъ она, ну ужъ не знаю, какъ это понять нельзя. Мнѣ ее Лука Лукичъ писалъ.

— Какой Лука Лукичъ?

— Извѣстно какой, небось знаете; облокатъ тоже.

— Нѣтъ, не знаю. Такъ вы на словахъ-то разскажите, настаиваетъ адвокатъ.

— Дочка у меня есть, быстро начала сыпать пожилая женщина, совсѣмъ отъ рукъ отбилась, такъ вотъ прошу мироваго судью, чтобы онъ ее высѣкъ.

— Этого нельзя, говоритъ адвокатъ.

— Нельзя?

— Нельзя.

— Какже мнѣ Лука Лукичъ-то говорилъ, что подай прошеніе. Безпремѣнно, говоритъ, ее выдерутъ.

— Нѣтъ, не выдерутъ.

Адвокатъ нагнулся къ столу и что-то снова началъ писать.

Пожилая женщина все сидѣла на прежнемъ мѣстѣ. Дверь съ шумомъ отворяется, входитъ новый проситель.

Входитъ молодой человѣкъ, небольшаго роста, довольно недурно одѣтый съ нѣсколько опухшей физіономіей.

Не снимая пальто, онъ входитъ въ комнату и садится прямо напротивъ адвоката.

— Здравствуйте, говоритъ онъ адвокату.

Адвокатъ поднимаетъ отъ писанья голову.

— Что вамъ угодно? спрашиваетъ онъ безцеремоннаго посѣтителя.

— Вы адвокатъ?

— Адвокатъ.

— Защитить можете?

— Смотря по тому какъ. Какое дѣло.

— Скандалъ! отрывисто и громко произноситъ небольшаго роста человѣкъ и смотритъ прямо въ лицо адвокату.

— Какой скандалъ?

— Съ мордобитіемъ! также отчетливо произноситъ небольшаго роста человѣкъ и подаетъ адвокату какую-то бумагу.

Бумага оказывается заочнымъ рѣшеньемъ мироваго Судьи, по которому отставной ротмистръ Шелухановъ, за оскорбленіе дѣйствіемъ купца Васильева, присуждался на полтора мѣсяца тюремнаго заключенія.

— Хорошо? спрашиваетъ отставной ротмистръ.

— Недурно, отвѣчаетъ адвокатъ.

— Нѣтъ, вѣдь это что-же, вѣдь это разбой, горячился ротмистръ, вѣдь послѣ этаго ни одного каналью купчишку проучить нельзя, нельзя пальцемъ ни до кого дотронуться; наконецъ я пьянъ былъ, чортъ возьми, заключаетъ ротмистръ.

— Были пьяны? переспрашиваетъ адвокатъ.

— Находился въ стадіи зеленаго змія.

— Какъ?!

— Въ стадіи зеленаго змія. Э, да вы новичокъ, какъ я вижу. Вы не знаете сколько стадій въ пьянствѣ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Первая стадія, начинаетъ ротмистръ, пригиная указательный палецъ—это стадія чортиковъ. Называется такъ потому, что повсюду человѣку чортики представляются. Ей Богу! Сколько разъ ловить принимался. Только увертливы, бестіи, не попадаются.

— Затѣмъ въ постепенности слѣдуетъ стадія бѣлаго слона. Ну это, доложу вамъ, много почище. Тутъ такъ сказать не дѣвственные лѣса Индіи представляются, не пагоды тамъ какіе нибудь или ручейки, а просто слонъ, громаднѣйшій бѣлый слонъ, да и смѣлый такой, бестія — такъ на человѣка и лѣзетъ. Это будетъ вторая стадія-съ. Отсюда переходъ въ стадію зеленаго змія. Это ужь финалъ, выше этаго искусство и наука идти не могутъ, здѣсь....

— Однако позвольте, перебиваетъ адвокатъ, оставимте эти стадіи въ сторонѣ. Съ вашего позволенія, перейдемте къ дѣлу.

— Позволяю. Вполнѣ позволяю. Давайте о дѣлѣ.

— Вамъ угодно, чтобы я защищалъ васъ по этому дѣлу?

— Да, угодно.

— Подалъ отзывъ о пересмотрѣ дѣла и затѣмъ, въ случаѣ надобности, перенесъ его на мировой съѣздъ?

— Ну, да ужъ тамъ куда хотите переносите.

— Это вамъ будетъ стоить сто рублей.

— Ско-олько?!

— Сто рублей, продолжаетъ адвокатъ,—изъ нихъ пятьдесятъ вы заплатите теперь, остальные пятьдесятъ по окончанiи дѣла.

Ротмистръ, вытаращa глаза, смотритъ на адвоката.

— Вы это серьезно говорите? спрашиваетъ онъ.

— Совершенно серьезно.

— Ну нѣтъ-съ, произноситъ онъ, вставая съ мѣста, такихъ денегъ я дать не могу.

— Это какъ вамъ будетъ угодно.

— Извините, что обезпокоилъ.

— Ничего-съ.

Ротмистръ уходитъ.

Адвокатъ снова начинаетъ писать. Пожилая женщина по прежнему сидитъ невдалекѣ отъ него. По временамъ она тяжело вздыхаетъ и посматриваетъ на адвоката.

— Похлопочите-ка, ваше благородiе, говоритъ она адвокату.

Тотъ морщится: пожилая женщина мѣшаетъ ему писать.

— Только, чтобы ее отодрали въ казенномъ мѣстѣ, продолжаетъ пожилая женщина. Я ужъ васъ поблагдарю тогда, ваше благородiе.

— Да поймите вы, матушка, начинаетъ убѣждающимъ тономъ адвокатъ, поймите, что я не могу здѣсь ничего сдѣлать.

— Такъ таки и не можете?

— Такъ таки и не могу.

Пожилая женщина склоняетъ голову и начинаетъ перебирать кончики платка.

Входитъ новый проситель.

Это мужичекъ лѣтъ тридцати пяти, въ засаленномъ зипунишкѣ, подвязанъ краснымъ кушакомъ, полинявшимъ отъ времени.

Въ дверяхъ передней онъ останавливается.

— Что вамъ? повертываетъ къ нему голову адвокатъ.

— Защитите, ваше благородіе, говоритъ просящимъ голосомъ мужикъ.

— Взойдите. Въ чемъ дѣло?

— Сначала разсказывать?

— Разсказывайте.

— Полотеромъ былъ я, ваше благородіе, начинаетъ мужикъ. Ну, извѣстно, полы терли у разныхъ господъ и за это значитъ деньги брали, что слѣдуетъ, по закону. Теперича теръ я полы у одного купца. Ладно. Теръ мѣсяцъ, другой, третій. Прихожу за расчетомъ, онъ теперича и говоритъ: — какія говоритъ тебѣ деньги, я всѣ деньги тебѣ отдалъ.

— Что же вы. Желаете взыскать съ него деньги?

— Извѣстно, деньги.

— Такъ подавайте мировому судьѣ.

— Подавалъ ужь, говоритъ со вздохомъ мужикъ.

— Ну что же?

— Да вотъ, все денегъ не взыскиваютъ. Мужикъ суетъ адвокату какую-то бумагу.

— Это что такое?

— Прошеніе.

Адвокатъ беретъ и читаетъ бумагу.

«Его свѣтлости, господину высокому, князю Урусову, читаетъ адвокатъ, прикажите господину судьѣ взыскать съ Андрея Тихоныча шестнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ. Сколько разъ ходилъ я къ нему, а денегъ все не получаю....

Адвокатъ кладетъ бумагу.

— Вы зачѣмъ здѣсь къ князю Урусову обращаетесь? спрашиваетъ онъ.

— А къ кому же? въ свою очередь спрашиваетъ мужикъ.

Адвокатъ начинаетъ толковать мужику, что такъ какъ исполнительный листъ у судебнаго пристава, то жаловаться на пристава онъ долженъ предсѣдателю съѣзда.

Мужикъ кланяется и уходитъ.

Въ дверяхъ встрѣчается съ нимъ молодая дѣвушка, покрытая платочкомъ и довольно смазливенькая собою. Она раскланивается съ адвокатомъ и краснѣетъ.

— Вы по дѣлу? спрашиваетъ адвокатъ.

— Да-съ, по дѣлу-съ, отвѣчаетъ она, при чемъ краснѣетъ еще болѣе и переминается.

— А, понимаю, говоритъ адвокатъ.

— Выйдите-ка, матушка, отсюда, обращается онъ къ пожилой женщинѣ.

— А какъ-же насчетъ дочки? спрашиваетъ та.

— Да вѣдь я же вамъ русскимъ языкомъ говорю, что

я ничего не могу здѣсь сдѣлать, съ досадой говоритъ адвокатъ.

— Такъ-съ.

Пожилая женщина уходитъ.

— Ну-съ, въ чемъ-же ваше дѣло? спрашиваетъ адвокатъ, подвигая стулъ дѣвушкѣ.

Та садится.

— Служила я въ горничныхъ у купца Сливкина, тихо, чуть не шопотомъ, говоритъ она адвокату; — а тамъ познакомилась съ однимъ бариномъ. Черезъ него я себя несчастной чувствую.

— Дальше-съ.

— Потомъ-съ онъ меня бросилъ и совсѣмъ я его невижу.

— Хорошо-съ, что же дальше?

— Научили меня, продолжаетъ дѣвушка, подать бумагу въ судъ и просить съ него денегъ.

— Сколько-же вы съ него денегъ просите?

— Шестьсотъ рублей, отвѣчаетъ дѣвушка.

— Такъ. Есть у васъ свидѣтели?

— Ахъ, что это вы! восклицаетъ дѣвушка. Какіе же при эфтомъ дѣлѣ могутъ быть свидѣтели?

— Свидѣтели, которые знали о вашихъ отношеніяхъ, настаиваетъ адвокатъ.

Дѣвушка задумывается.

— Кухарка развѣ, въ раздумьѣ говоритъ она.

— Что же вамъ отъ меня-то угодно? спрашиваетъ адвокатъ.

*

— Да вотъ, чтобы вы взялись за дѣло.

— Нѣтъ-съ, я не возьмусь, отвѣчаетъ адвокатъ.

— Почемуже-съ? робко спрашиваетъ молодая дѣвушка.

— Во первыхъ потому, начинаетъ перечислять адвокатъ, что вы начали дѣло гражданскимъ порядкомъ, тогда какъ его нужно было начать уголовнымъ. Во вторыхъ, у васъ нѣтъ свидѣтелей и въ третьихъ наконецъ, потому, что я вообще избѣгаю подобнаго рода дѣлъ.

— Такъ я, значитъ, не туда подала? опять спрашиваетъ дѣвушка.

— Не туда.

Адвокатъ объяснетъ дѣвушкѣ, куда она должна обратиться. Дѣвушка уходитъ.

Адвокатъ остается одинъ и начинаетъ писать усиленно, перо такъ и бѣгаетъ по бумагѣ. Одиночество его продолжается не долго.

Входитъ немолодая уже барыня, но впрочемъ довольно представительная и съ большимъ вкусомъ одѣтая.

Она входитъ плавно и свысока оглядываетъ комнату. Адвокатъ встаетъ и кланяется.

— Здравствуйте, любезно улыбаясь, говоритъ барыня, и протягиваетъ руку адвокату.

Тотъ пожимаетъ.

— Я къ вамъ по дѣлу, начинаетъ величественная дама, мнѣ васъ рекомендовали.

— Очень пріятно. Что прикажете?

— Вообразите себѣ, съ меня взыскиваютъ деньги.

Адвокатъ молча ожидаетъ продолженія.

— Взыскиваютъ деньги, продолжаетъ дама. Ну, скажите пожалуйста, съ чѣмъ это сообразно?

— Это бываетъ, соболѣзнующимъ тономъ говоритъ адвокатъ.—А большую сумму?

— Тысячу двѣсти рублей. Нѣтъ, что хотите, я право никогда и не ожидала отъ Иванова такой подлости. Правда, я выдала ему росписку, но приставать такъ упорно, предъявлять потомъ въ судѣ, этого, признаюсь, я никогда не ожидала.

— Позвольте васъ спросить... начинаетъ было адвокатъ, но величественная дама, не даетъ ему продолжать.

— И представьте себѣ, какой хитрый, была я должна ему, забирала, знаете, разные товары, все, знаете, такъ, безъ росписокъ. Приходитъ онъ на той недѣлѣ ко мнѣ и говоритъ: вы бы, говоритъ, Марья Сергѣевна, мнѣ для памяти расписочку по востребованію выдали. А, какова подлость! Я было сначала говорю, что къ чему это, мы столько лѣтъ съ вами знакомы. — Такъ-то такъ, говоритъ, да такъ, знаете, для памяти.—Ну, я и дала; думала, что онъ благородный человѣкъ. А теперь онъ, изволите видѣть, какую штуку выкинулъ. Я надѣюсь, что вы проучите этого мерзавца, что вы покажете ему, что съ благородными людьми такъ не дѣлаютъ...

— Позвольте, перебиваетъ ее адвокатъ. У васъ должна быть копія съ росписки и исковаго прошенія. Потрудитесь пожалуйста показать мнѣ.

Дама роется въ карманахъ.

— Бумаги-то я и позабыла, говоритъ она.

— Не можете-ли вы припомнить содержаніе росписки?

— О, конечно могу, отвѣчаетъ дама. Очень просто: должна я такому-то 1200 рублей, которые обязуюсь отдать по первому востребованію...

— Вамъ придется заплатить, говоритъ адвокатъ.

Величественная дама не можетъ скрыть своего удивленія.

— Заплатить! повторяетъ она. И это совѣтуете мнѣ вы, адвокатъ?

— Точно такъ.

— Вы, адвокатъ! повторяетъ дама.—Признаюсь, вы меня очень удивили.

— Чѣмъ-же? позвольте спросить, вѣжливо спрашиваетъ адвокатъ.

— Ахъ, Боже мой, говоритъ дама. — Вамъ, какъ адвокату, слѣдовало-бы взяться за дѣло и выиграть его.

— Это нельзя-съ, кротко настаиваетъ адвокатъ.

— Да, непремѣнно выиграть, раздраженнымъ тономъ повторяетъ дама, какъ адвокату, вамъ слѣдуетъ выиграть дѣло.

— Его не выиграетъ ни одинъ адвокатъ.

— Вы очень смѣло ручаетесь за другихъ, молодой человѣкъ, колко замѣчаетъ дама. Она презрительно киваетъ адвокату головой и уходитъ.

Въ комнату вваливается личность въ донельзя затрепанномъ и засаленномъ сюртукѣ, въ грязной рубашкѣ и съ какой-то веревкой вмѣсто галстуха. Личность говоритъ сиповатымъ и охрипшимъ голосомъ, отъ нея страшно несетъ водкою.

Личность раскланивается съ адвокатомъ и протягиваетъ ему необыкновенно грязную руку.

Адвокатъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ протянутой ему руки и продолжаетъ писать.

Личность послѣ нѣкотораго колебанія убираетъ руку въ карманъ панталонъ.

— Здравствуйте, говоритъ личность, при чемъ голосъ, на первыхъ слогахъ необыкновенно грубый и сиповатый, въ концѣ слова неожиданно пищитъ.

— Что вамъ? сухо спрашиваетъ адвокатъ.

— Дѣла на свой коштъ берете? спрашиваетъ личность.

— Иногда беру.

— Вотъ у меня дѣло. Личность подаетъ адвокату громаднѣйшій свертокъ бумагъ. Въ двадцать тысячъ дѣльцо-то, говоритъ личность и при этомъ подмигиваетъ адвокату. Тотъ молча начинаетъ разсматривать бумаги.

— Вѣдь ваше дѣло уже рѣшено, говоритъ адвокатъ, оно уже было въ Кассаціонномъ Департаментѣ Сената.

— Такъ точно, отвѣчаетъ личность.

— Ну, такъ что же вамъ угодно?

— Желаю на Сенатъ жаловаться.

— Это кому же? спрашиваетъ адвокатъ.

— Генералъ-губернатору.

Адвокатъ молча складываетъ бумаги и возвращаетъ ихъ опять личности.

— Такъ не возьмете дѣла? спрашиваетъ личность.

— Нѣтъ, не возьму.

— Такъ.

Личность акуратно завертываетъ бумаги и прячетъ ихъ

въ задній карманъ сюртука, и продолжаетъ сидѣть на прежнемъ мѣстѣ.

Адвокатъ снова принимается писать.

— Нельзя ли вамъ мнѣ рубль размѣнять? неожиданно спрашиваетъ личность.

Адвокатъ пораженъ до того, что не знаетъ, что отвѣтить.

— Какъ? переспрашиваетъ онъ.

— Рубль размѣнять, повторяетъ личность. При этомъ вытаскиваетъ изъ кармана рублевую бумажку.

Оказывается, что на бумажкѣ не достаетъ одного номера.

— Нигдѣ не берутъ, поясняетъ личность, не размѣняете-ли?

Терпѣніе адвоката лопается.

— Да что у меня, мѣняльная лавка что-ли? въ упоръ спрашиваетъ онъ личность.

Личность нѣсколько смущается: она не отвѣчаетъ адвокату, поднимается и уходитъ.

Адвокатъ начинаетъ одѣваться. Беретъ шляпу и уходитъ.

Въ коридорѣ его останавливаетъ пожилая женщина.

— Такъ на счетъ дочки и не похлопочете? спрашиваетъ она адвоката.

Тотъ плюетъ и почти бѣгомъ слетаетъ съ лѣстницы.

— Мнѣ только, чтобы ее отодрали въ казенномъ мѣстѣ, слышится ему въ догонку.

Адвокатъ уже не слышитъ: онъ уже на улицѣ и уходитъ быстрыми шагами.

Утро его кончилось.

ВСТРѢЧА.

РАЗСКАЗЪ.

ГЛАВА I.

На паромѣ.

Былъ жаркій іюльскій полдень. Погода стояла невыносимо жаркая. Солнце такъ и обливало землю своими палящими лучами; на яркоголубомъ небѣ кое гдѣ бродили маленькія, прозрачныя облака. По пыльной большой дорогѣ, усаженной столѣтними развѣсистыми березами, ѣхалъ тарантасъ, запряженный тройкой усталыхъ взмыленныхъ лошадей. Ямщикъ, какъ-то лѣниво сидя на козлахъ, напрасно помахивалъ кнутомъ, понукая изнуренныхъ, съ понурыми головами, шедшихъ неровнымъ шагомъ лошадей. На козлахъ, рядомъ съ ямщикомъ, сидѣлъ лакей съ угрюмой физіономіей. Солнце его сильно припекало и онъ ѣхалъ опустивъ голову и кажется дремалъ.

Въ тарантасѣ, откинутомъ назадъ, сидѣла молодая дѣвушка въ лѣтней дорожной шляпкѣ и бѣлой мантильѣ. Хороша была собою эта дѣвушка!

Вообразите себѣ свѣжее, ясное, девятнадцатилѣтнее личико съ волнами совершенно бѣлокурыхъ, почти пепельнаго цвѣта волосъ, съ тонкимъ прямымъ носомъ и чудными небольшими голубыми глазками, еще немного заспанными и неразгулявшимися отъ недавняго сна и немного еще сонно смотрѣвшими изъ подъ густыхъ рѣсницъ; вообразите себѣ все это—и вы будете имѣть понятіе объ описываемой мною молодой дѣвушкѣ.

Молодая дѣвушка только что проснулась и лѣнивымъ взглядомъ окинула мѣстность, по которой они ѣхали.

Мѣстность была не изъ презентабельныхъ: широкою, прямою лентою тянулась безъ конца большая дорога съ ея березами, по сторонамъ росли кусты, опаленные солнцемъ, виднѣлись поля, засѣянныя тощею рожью и, чуть поднявшимся изъ земли, овсомъ; далѣе виднѣлись громадныя, ничѣмъ не засѣянныя, полосы сыпучаго песку, который, будучи освѣщенъ солнцемъ, блестѣлъ, какъ только что выпавшій снѣгъ; за тѣмъ лежали опять поля, окаймлявшіяся на горизонтѣ синѣвшимъ лѣсомъ. Кругомъ ни души, тишина мертвая, ничѣмъ не прерываемая. Не заинтересованная открывавшимися видами, молодая дѣвушка опять опустила голову на подушку и снова закрыла глаза. По ея ровному дыханію можно было бы заключить, что она опять заснула.

Дорога между тѣмъ начала склоняться подъ гору. Подулъ легкій вѣтерокъ, въ воздухѣ похолодѣло; все предвѣщало близость рѣки.

Дѣйствительно, Ока была недалеко.

Пошли поемные луга, густо заросшіе травою, съ мелькающими тамъ и сямъ жолтыми, бѣлыми и фіолетовыми цвѣтами, съ кое гдѣ виднѣвшимися прошлогодними стогами, обнесенными чуть живымъ плетнемъ. Стали попадаться на встрѣчу крестьянскія телѣги, запряженныя понурыми, тихо бредущими лошаденками, мужики и бабы, идущіе въ луга на покосъ.

Дорога все склонялась, ямщикъ пріободрился, тройка пошла бойкою рысью по гладкой дорогѣ; суровый служитель, сидѣвшій на козлахъ, приподнялъ голову, поправилъ и безъ того крѣпко сидѣвшій картузъ и тоже словно повеселѣлъ; проснулась и молодая дѣвушка.

Показалась Ока.

Широкая и многоводная, вся блестя и переливаясь на солнцѣ, съ своими отмелями и островами, съ лѣсомъ мачтъ, далеко раздающимся стономъ и гомономъ бурлаковъ и коноводовъ, ведущихъ барки, показалась она нашимъ путешественникамъ.

— Вотъ и до парома не далече, говоритъ ямщикъ, подгоняя измученную тройку.

До парома дѣйствительно оказывается недалеко. Черезъ нѣсколько минутъ, тройка, гремя копытами о деревянный помостъ, взъѣхала на паромъ.

— Отваливай! крикнулъ ямщикъ перевозчику.

Паромъ уже готовился отвалить, какъ съ проселочной дороги послышались звуки колокольчика.

— Подождать надо, за одно перевозить, рѣшилъ перевозчикъ. Молодая дѣвушка вышла изъ экипажа, подошла къ

краю парома и заглядѣлась на открывшійся передъ нею видъ.

Видомъ, дѣйствительно, стоило залюбоваться.

Прямо передъ нею, на противоположномъ берегу рѣки, возвышалась, чуть не отвѣсно, крутая высокая гора. На самой вершинѣ ея стоялъ господскій домъ, изъ неокрашеннаго кирпича, выстроенный въ какомъ то средневѣковомъ вкусѣ. Къ низу сбѣгалъ обширный садъ съ громадными деревьями, новенькій досчатый заборъ, окружавшій садъ, такъ и блестѣлъ на солнцѣ. Немного правѣе тянулась деревня, вся потонувшая въ зелени; еще далѣе тянулись высокіе земляные валы, поросшіе зеленью. Это былъ остатокъ временъ нашествія татаръ, остатокъ сѣдой старины, такъ какъ деревня находилась на мѣстѣ прежде богатаго города, бывшаго даже главнымъ городомъ княжества.

Въ это время подъѣхала и другая тройка, и изъ маленькой тѣлежки на паромъ быстро выпрыгнулъ высокій молодой человѣкъ.

Физіономія молодаго человѣка была довольно замѣчательна: это былъ брюнетъ съ чорными, какъ вороново крыло, волосами и съ большою чорною бородой. Лицо его, красивое и открытое, сразу располагало въ его пользу, нравилось съ перваго взгляда; нравились въ немъ и небольшіе но быстрые каріе глаза, и сильный загаръ, покрывавшій щеки, и здоровый румянецъ, сильно пробивавшій сквозь этотъ загаръ, и лѣнивая, добродушная, хотя и немного насмѣшливая улыбка, игравшая на губахъ.

Молодая дѣвушка обернулась и взглядъ ее упалъ на

молодаго человѣка. Глаза ихъ встрѣтились. Молодой человѣкъ сдѣлалъ жестъ сильнаго удивленія, съ секунду колебался, затѣмъ онъ подошелъ къ молодой дѣвушкѣ.

— Неужели это вы, Анна Петровна? радостно произнесъ онъ.

Молодая дѣвушка закраснѣлась и протянула ему руку.

— Здравствуйте, Василій Павловичъ, тихо отвѣтила она.

— Но какъ вы сюда, зачѣмъ вы здѣсь, куда ѣдете? осыпалъ ее вопросами молодой человѣкъ.

Молодая дѣвушка улыбнулась.

— На который вопросъ вамъ прежде отвѣчать? въ свою очередь спросила она.

— Ну, куда ѣдете?

— Въ С—кій уѣздъ.

— Зачѣмъ же?

— Въ гувернантки.

— Въ гувернантки, протянулъ молодой человѣкъ. Развѣ ваша матушка умерла?

— Да, уже съ полгода.

Молодой человѣкъ опустилъ голову.

— Послѣ ея смерти, съ слезами на глазахъ, продолжала молодая дѣвушка, я жила все время одна. Недавно мнѣ рекомендовали это мѣсто и вотъ теперь, какъ видите, ѣду просвѣщать молодое поколѣніе. При этихъ словахъ молодая дѣвушка сдѣлала попытку улыбнуться.

Собесѣдникъ молодой дѣвушки по прежнему не говорилъ ни слова.

— Хочется мнѣ попытать свои силы на этомъ поприщѣ, продолжала говорить молодая дѣвушка. Что же вы, Василій Павловичъ, не пожелаете мнѣ успѣха?

Тотъ поднялъ наконецъ голову.

— Подавай вамъ Богъ, подавай Богъ, машинально пробормоталъ онъ.

— А къ кому вы ѣдете? вдругъ спросилъ молодой человѣкъ.

— Къ Васильевымъ.

По лицу молодаго человѣка скользнула гримаса неудовольствія. Молодая дѣвушка ее замѣтила.

— Не хорошо у нихъ? быстро спросила она.

Молодой человѣкъ развелъ руками.

— Какъ вамъ сказать? Да вотъ сами увидите.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

Паромъ уже былъ на серединѣ рѣки и все подвигался впередъ.

Двое перевозчиковъ тянули канатъ, имъ усердно помогали кучера, угрюмый лакей стоялъ въ сторонѣ, покуривая коротенькую трубку, при чемъ часто сплевывалъ на рѣку. На нихъ никто не обращалъ вниманія.

— За трудное и неблагодарное дѣло взялись вы, Анна Петровна, вдругъ сказалъ молодой человѣкъ. Тяжело вамъ будетъ.

Молодая дѣвушка не отвѣчала ни слова. Глаза ея безцѣльно были устремлены на рѣку.

— Впрочемъ, не горюйте особенно, продолжалъ онъ,

знаете, перемелется, все мука будетъ. Вѣдь не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ: быть можетъ и уживетесь.

— Попробую, односложно отвѣчала молодая дѣвушка, дѣлая попытку отнять руку, которую продолжалъ держать молодой человѣкъ.

Попытка не удалась.

— Во всякомъ случаѣ, говорилъ молодой человѣкъ, еще крѣпче сжимая ея руку, вы знайте, что у васъ другъ въ этомъ захолустьѣ, что я васъ не выдамъ и вы можете на меня разсчитывать.

Лицо молодой дѣвушки прояснилось.

— Хорошо, отвѣчала она, улыбаясь, а покуда не ломайте пожалуйста моихъ рукъ.

Они оба засмѣялись. Молодой человѣкъ выпустилъ ея руку.

— Да, скажите пожалуйста, какъ вы очутились въ этихъ краяхъ, съ любопытствомъ спросила молодая дѣвушка. Что вы здѣсь дѣлаете?

Вмѣсто отвѣта молодой человѣкъ показалъ ей рукою на фуражку, на которой была насажена кокарда.

— Какъ видите, служу.

— Чѣмъ-же?

— Судебнымъ слѣдователемъ.

— Давно?

— Да тоже съ полгода. Меня перевели сюда изъ К. продолжалъ молодой человѣкъ, по моей просьбѣ. Да ска-

зать вамъ по правдѣ, такъ я промѣнялъ кукушку на ястреба:

— А что?

— Да такая же глушь, такая же умственная тупость, такое же пьянство и обжорство: словомъ новаго ничего нѣтъ. Все одно и тоже, молодой человѣкъ при этомъ махнулъ рукою. Да вотъ поживете, сами увидите.

Паромъ присталъ къ берегу и разговоръ перервался. Молодой человѣкъ взялъ руку своей спутницы и поднесъ ее къ губамъ. Онъ помогъ ей сѣсть въ тарантасъ.

— Прощайте, сказалъ онъ, только прощайте не надолго. Я скоро буду къ вамъ. Мнѣ надо много поговорить съ вами.

Онъ приподнялъ фуражку.

Лошади тронулись — и спустя минуту тройки разъѣхались въ разныя стороны.

ГЛАВА II.

Герой и героиня.

Анна Петровна Сѣчина или Анюта Сѣчина, какъ называли ее подруги, съ годъ какъ кончила курсъ въ одной изъ женскихъ московскихъ гимназій. Отецъ ея, небольшой чиновникъ, умеръ, когда она была ребенкомъ, оставивъ ее на попеченіе матери. Средства, которыя онъ имъ оставилъ были очень не велики. На вопросъ, какъ велики они

были, можно было бы при этомъ случаѣ съ удобствомъ воспользоваться отвѣтомъ не то студента, не то семинариста, который на вопросъ, какъ велико его движимое имущество, отвѣчалъ: «только одна изба, которая отъ старости, при малѣйшемъ вѣтрѣ ходуномъ ходитъ. На вопросъ же о величинѣ его недвижимаго имущества, онъ отвѣчалъ: «что недвижимаго у него только одна корова, которая отъ старости почти не двигаетъ ногами».

Отвѣтъ этотъ Марья Васильевна Сѣчина (такъ звали мать Анюты) могла бы считать для себя очень удобнымъ и повторить его, не много исказивъ истину.

Тѣмъ не менѣе Марья Васильевна послѣ смерти мужа не упала духомъ. Ей надобно было заботиться не только о себѣ, но и о ребенкѣ. Она напрягла всю энергію, всѣ свои силы, работала и хлопотала по цѣлымъ днямъ и вышла таки съ торжествомъ изъ затруднительнаго положенія. Она выхлопотала себѣ пенсію черезъ какого-то генерала, приходившагося сродни седьмой водой на киселѣ ея мужу, брала на домъ шитье, давала уроки французскаго языка и наконецъ довольно выгодно продала свой дряхлый домишка, не дававшій никакихъ доходовъ и требовавшій постоянныхъ поправокъ.

Марья Васильевна сняла небольшую квартирку о четырехъ комнатахъ, изъ которыхъ двѣ заняла сама съ дочерью, остальныя же двѣ отдала двумъ постояльцамъ изъ студентовъ и при этомъ сама же готовила имъ столъ; житье такимъ образомъ не стоило ей почти ничего.

Другою заботою ея было воспитаніе дочери. Сама Марья

Васильевна получила такое образованіе, какое получали вообще наши дѣвушки лѣтъ пятнадцать, двадцать тому назадъ, и которое онѣ, за нѣкоторыми счастливыми исключеніями, получаютъ еще и теперь. Она съ грѣхомъ пополамъ болтала по французски, знала, что Москва есть столица Россіи и въ нѣкоторомъ смыслѣ ея сердце, что отецъ по нѣмецки — фатеръ а мать — муттеръ и затѣмъ еслибы мы прибавили сюда таблицу умноженія, то мы исчерпали бы всѣ ея знанія до тла.

Но за всѣмъ тѣмъ Марья Васильевна отъ природы была женщина умная. Она поняла, что знанія, которыми она обладала, недостаточны въ высшей степени, что въ наше время требуется отъ женщины не одна французская болтовня, да умѣнье къ лицу одѣться, а нѣчто болѣе важное и болѣе серьёзное, а потому всѣ ея усилія направились къ тому, чтобы дать своей Анютѣ хорошее образованіе.

И въ этомъ случаѣ ея усилія увѣнчались успѣхомъ. Съ помощію своей удивительной расчетливости и прилежанія, ей удалось скопить немного деньжонокъ: она отдала Анюту въ гимназію—пансіонеркою.

Тяжело было маленькой Анютѣ и Марьѣ Васильевнѣ разставаться другъ съ другомъ, но тѣмъ не менѣе послѣдняя, что называется, бровью не повела, прощаясь съ дочерью. Она наказывала ей только лучше вести себя, а главное хорошенько учиться.

Анюта дѣйствительно стала учиться хорошо. Дѣвочка она была бойкая, способная, къ тому же горе и нужда рано ее развили. Къ этому нужно прибавить и то, что

мать съ малолѣтства ее пріучила думать, что знанія, пріобрѣтаемыя ею, будутъ ея единственнымъ капиталомъ, что другого ничего въ наслѣдство ей не останется, а потому Анюта и старалась, чтобы капиталъ этотъ по возможности увеличивался.

Анютѣ оставалось два года до выхода изъ гимназіи, когда она познакомилась съ Василіемъ Павловичемъ Высоцкимъ.

Высоцкій былъ студентомъ юридическаго факультета и находился на третьемъ курсѣ. Ища себѣ квартиру, онъ случайно попалъ къ старухѣ Сѣчиной, у которой въ то время ея комнатки пустовали. Хозяйка ему понравилась и въ условіяхъ они сошлись скоро. Высоцкій долженъ былъ получать отъ хозяйки и столъ и чай. Впрочемъ въ теченіи двухъ-трехъ дней хозяйка и постоялецъ такъ сошлись между собою, что Высоцкій и обѣдалъ и пилъ чай и проводилъ почти все свободное время на квартирѣ хозяйки. Сѣчиной понравился ея веселый сообщительный жилецъ; Высоцкому, привыкшему видѣть въ содержательницахъ меблированныхъ квартирокъ для студентовъ—существъ грубыхъ и необразованныхъ, пришлась въ свою очередь по душѣ добрая, опрятная и умная старушка, съ которой можно было превесело провести время.

Состояніе Высоцкій имѣлъ самое маленькое. Отецъ его, служившій становымъ приставомъ въ какомъ-то отдаленномъ захолустьѣ, еле—еле сколачивался, чтобы присылать сыну двадцать пять рублей серебромъ въ мѣсяцъ; впрочемъ Высоцкій, добывавшій себѣ еще кое-что уроками, жилъ

довольно безбѣдно, а въ сравненіи съ житьемъ-бытьемъ другихъ студентовъ, пожалуй и хорошо.

По воскресеньямъ Анюта приходила домой и здѣсь-то и увидѣлъ ее въ первый разъ Высоцкій.

Анютѣ было тогда только шестнадцать лѣтъ, на она уже вполнѣ сформировалась, такъ что съ перваго взгляда ей можно было бы дать годомъ или двумя болѣе. Хорошенькая, умненькая, бойкая она сразу произвела сильное впечатлѣніе на молодаго студента. Высоцкій Анютѣ также понравился.

Между молодыми людьми незамѣтно установилась короткость. (Я уже сказалъ, что Высоцкій почти постоянно пребывалъ у Сѣчиной). Молодые люди, такимъ образомъ, встрѣчались каждый день, (въ послѣдніе года своего пребыванія въ гимназіи Анюта сдѣлалась приходящею) каждый день имъ приходилось говорить другъ съ другомъ, они привыкли дѣлить между собой и радость и горе, что мудренаго, что они полюбили другъ друга.

Анюта, или лучше сказать любовь къ ней сильно преобразила Высоцкаго. Высоцкій былъ, что называется, широкая натура. Онъ любилъ выпить, повеселиться въ товарищеской компаніи, устроить легкій скандальчикъ, поволочиться за хорошенькой женщиной, разумѣется изъ низшаго круга, такъ какъ высшій былъ ему недоступенъ и ставилъ послѣднюю копѣйку ребромъ.

Любовь его совершенно преобразила. Кутежей какъ не бывало, скандаловъ также; что касается до женщинъ, то онѣ, кромѣ одной Анюты, для него не существовали. Онъ

сталъ усердно посѣщать лекціи, хотя больше занимался чтеніемъ, сталъ усердно изучать «Судебную Медицину», накупилъ себѣ пропасть книгъ, посвящая имъ все, свободное отъ занятій и разговоровъ съ Анютой, время. Онъ какъ ножомъ отрѣзалъ: между его прежнею и настоящею жизнію лежала цѣлая пропасть.

Въ свою очередь знакомство съ Высоцкимъ оказало не-меньшее вліяніе и на Анюту: Высоцкій первый заговорилъ съ нею о такихъ вещахъ, о которыхъ она не имѣла никакого или очень смутное понятіе, онъ натолкнулъ ее на такіе вопросы, о которыхъ прежде она никогда не думала, никогда не задавалась мыслію; вмѣстѣ съ нимъ они прочитали лучшія произведенія нашей, французской и нѣмецкой литературы, вмѣстѣ обсуждали прочитанное.

Въ разговорахъ и спорахъ съ Высоцкимъ Анюта узнала гораздо болѣе, нежели она могла бы узнать изъ книгъ и изъ уроковъ учителей, умъ ея развился и окрѣпъ.

Съ другой стороны постоянное присутствіе молодаго, страстнаго человѣка, видѣть передъ собою его красивое, энергическое лицо, видѣть эту любовь, правда прямо не высказываемую, но которая виднѣлась въ каждомъ словѣ, въ каждомъ мимолетномъ взглядѣ, которая сказывается и яркимъ блескомъ глазъ и внезапно вспыхивающимъ румянцемъ, видѣть передъ собою эту чистую, юношескую любовь и не завлечься ею было немыслимо. Анюта полюбила со всѣмъ жаромъ и увлеченіемъ молодости, полюбила такъ, какъ любятъ въ жизни только одинъ разъ, потому что другія вспыхивающія послѣ чувства не будутъ

имѣть такой силы, такой дѣвственной прелести и очарованія.

Старуха Сѣчина не мѣшала молодымъ людямъ. Она замѣтила ихъ любовь тогда, когда она уже была въ полномъ разгарѣ и принимать мѣры противъ нея было уже поздно. Умная старуха поняла, что разлучать молодыхъ людей въ настоящее время все равно, что подливать масла на огонь. Къ тому же она была слишкомъ увѣрена и въ Анютѣ и въ благородствѣ Высоцкаго, поэтому она предоставила всему идти своимъ порядкомъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ взаимной склонности молодыхъ людей.

Такъ время шло. Высоцкій и Анюта въ одно время кончали курсъ: онъ университета, она гимназіи. По окончаніи курса, Высоцкому необходимо было ѣхать къ отцу, во первыхъ для того, чтобы просить позволенія жениться на Анютѣ, во вторыхъ, чтобы похлопотать о мѣстѣ, о которомъ писалъ ему отецъ.

Между Высоцкимъ и Анютой рѣшительнаго объясненія не происходило. Истинная любовь робка. Нахалу и фату ничего не стоитъ, разъ увидавши женщину, на другой день объясняться ей въ любви. Напротивъ того искренняя любовь робка; человѣку, искренно любящему женщину, трудно сказать ей слово «люблю». Оно выходитъ у него съ болью изъ самой глубины взволнованнаго сердца, тогда когда скрывать свою страсть онъ уже не въ состояніи, когда она его давитъ и душитъ, просится наружу и требуетъ изліянія.

Грустно было Высоцкому и Анютѣ разставаться другъ съ другомъ. Слишкомъ сильно они свыклись и слюбились другъ съ другомъ. Сама старушка Сѣчина, уже начинавшая прихварывать, хотя и не показывала вида, но сильно грустила объ его отъѣздѣ; старушка видѣла любовь своей Анюты къ этому «безалаберному студенту», какъ она называла Высоцкаго, да и къ тому же она и сама сильно полюбила своего постояннаго двухлѣтняго квартиранта.

Въ день отъѣзда, они сидѣли всѣ за чаемъ и всѣ были невеселы. Высоцкій насвистывалъ сквозь зубы какую то итальянскую арію, Анюта прилежно склонилась надъ шитьемъ, чтобы скрыть набѣгавшія на глаза слезы. Старушка сидѣла за самоваромъ и разливала чай и дѣлала видъ, что слушала разсказы старичка-гостя, давнишняго знакомца ея мужа.

Старичокъ-гость говорилъ неутомимо, переходилъ отъ одной исторіи къ другой, отъ одного разсказа къ другому: онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ болтуновъ-разсказчиковъ, для которыхъ одобреніе и сочувствіе слушателей не имѣетъ никакой цѣны и значенія; для нихъ достаточно, чтобы кто нибудь сидѣлъ подлѣ, да слушалъ или даже дѣлалъ видъ, что слушаетъ ихъ старыя, сотни разъ повторяемыя росказни.

Тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ случаѣ, всѣ присутствующіе были очень довольны неистощимою изобрѣтательностію старичка. Своею болтовнею онъ спасалъ ихъ отъ тяжелой необходимости говорить другъ съ другомъ о постороннихъ предметахъ, о разныхъ пустякахъ, когда

не хотѣлось говорить и когда у каждаго изъ нихъ бродили въ головѣ невеселыя мысли.

Старичокъ между тѣмъ расходился все больше и больше.

Онъ началъ выдумывать такія вещи, изобрѣтать такіе разсказы, которые положительно не могли случаться въ дѣйствительности.

— Такъ-то-съ, правду-ли я говорю, Анна Петровна? спросилъ вдругъ старичокъ, только что покончивши одинъ изъ самыхъ невѣроятныхъ разсказовъ.

Анюта подняла голову и немного покраснѣла: она не слыхала, о чемъ повѣствовалъ старичокъ.

— Конечно правду, Иванъ Гавриловичъ, на обумъ отвѣчала она.

— Хе, хе, хе, засмѣялся старичокъ, конечно правду, а небось сами-то и не слышали о чемъ и говорилъ-то я, все небось своими думами занимаетесь.

Анюта вся вспыхнула и окончательно переконфузилась: старичокъ невзначай попалъ очень мѣтко.

Мать Анюты поспѣшила къ ней на выручку.

— Жалко вѣдь его-то, обратилась она къ старику, указывая на Высоцкаго, шутка-ли, вѣдь два года у насъ выжилъ. Вѣдь мы къ нему, словно какъ къ родному, привыкли.

— Привыкли, повторилъ старичокъ, это точно, привычка дѣло великое. Ужъ на что у меня Ирина Васильевна была: пятнадцать лѣтъ къ ряду, какъ въ аду, мучился, а все всплакнулъ, какъ на тотъ свѣтъ отправилась.

Всѣ засмѣялись. Улыбнулся и Высоцкій.

Старичокъ, вспомнившій про свою Ирину Васильевну, пустился снова разсказывать различные эпизоды изъ своей семейной жизни.

Высоцкій посмотрѣлъ на часы.

— Пора ѣхать, пропустишь поѣздъ, тихо проговорилъ онъ.

Всѣ стихли и замолчали.

— Пора, сказала старушка.

Анюта еще ниже наклонила голову, шитье выпало изъ ея рукъ.

— Присядемте, сказала старуха.

Всѣ присѣли, по старинному русскому обычаю. Старуха поднялась первая, за ней всѣ остальные.

Высоцкій стоялъ молча. Онъ все смотрѣлъ на Анюту, которая, вся заплакананная, вмѣстѣ съ матерью молилась передъ образомъ.

— Ну, прощай голубчикъ, сказала старушка, обратясь къ Высоцкому.

Тотъ молча и крѣпко поцѣловалъ ея руку.

— Давай-ка поцѣлуемся, рѣшила старушка, небось не молодые, не осудятъ.

Они поцѣловались. Затѣмъ Высоцкій подошелъ къ Анютѣ.

— Прощайте, Анна Петровна.

Высоцкій наклонился къ рукѣ Анюты и слезы его закапали ей на руку.

Подавленное рыданіе вырвалось изъ груди ея.

— Да попрощайтесь хоть почеловѣчески-то, раздался надъ ними голосъ Сѣчиной. Вѣдь два года вмѣстѣ жили.

Анюта положила обѣ руки на плечи Высоцкому. Губы ихъ встрѣтились въ жаркомъ и нѣжномъ поцѣлуѣ. Обезумѣвъ отъ горя и волненія, Анюта склонилась головою на грудь Высоцкаго. Онъ нагнулся къ ней и они поцѣловались еще разъ тѣмъ долгимъ томительно-страстнымъ поцѣлуемъ первой любви, который заставляетъ трепетать всю душу человѣка, передъ такимъ неизвѣданнымъ еще доселѣ счастьемъ, который есть только удѣлъ молодости и никогда не повторяется въ жизни. Анюта выскользнула изъ объятій Высоцкаго.

Дрожащій и растерянный выбѣжалъ Высоцкій въ переднюю, гдѣ долго искалъ и не находилъ бывшую у него же въ рукахъ фуражку, затѣмъ, вырвавшись изъ объятій также расчувствовавшагося и расплакавшагося старичка, онъ вышелъ на улицу и сѣлъ на извозчика.

Пролетка тронулась. Высоцкій все обертывался и махалъ рукою высунувшимся въ окно Анютѣ и Сѣчиной. Еще нѣсколько шаговъ — затѣмъ пролетка повернула за уголъ и небольшой сѣренькій домикъ, и Сѣчина, и Анюта и старичокъ, безъ шапки стоявшій на улицѣ — все скрылось изъ вида.

По пріѣздѣ домой, Высоцкій почти тотчасъ же поступилъ на службу: отецъ зачислилъ его чиновникомъ особыхъ порученій у мѣстнаго губернатора. Хлопотъ у Высоцкаго было, что называется полонъ ротъ; его безпре-

станно гоняли по ревизіямъ и слѣдствіямъ, онъ не имѣлъ свободной минуты. Объ Сѣчиныхъ не было ни слуху, ни духу.

Разъ Высоцкій вздумалъ было написать къ старухѣ Сѣчиной. Письмо осталось безъ отвѣта: дошло ли оно или нѣтъ — неизвѣстно. Черезъ полгода Высоцкаго назначили судебнымъ слѣдователемъ въ С-кій уѣздъ. Онъ ѣхалъ на слѣдствіе, когда встрѣтилъ Анюту на паромѣ при переправѣ черезъ Оку.

Для Анюты жизнь складывалась гораздо хуже, чѣмъ для Высоцкаго.

Мать ея разхварывалась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе: прежнія неудачи и огорченія, тяжелый трудъ и безсонныя ночи наконецъ отозвались. Весь организмъ ея былъ совершенно разстроенъ: ей надо было лечиться и лечиться серьёзно. Доктора почти не выходили отъ Сѣчиныхъ—на плату имъ за визиты и на лекарство ушли всѣ небольшія деньжонки, которыя успѣла сколотить старуха, думая оставить ихъ въ приданое своей ненаглядной Анютѣ.

Анюта билась какъ рыба объ ледъ, доставая денегъ: она брала на домъ переписывать бумаги, шила въ магазинахъ, давала кое-какіе уроки и не спала цѣлыя ночи, ухаживая за больною матерью. Ее поддерживали только любовь къ матери, да молодой, сильный, еще не измятый жизнью организмъ. Такъ прошло полгода. Наконецъ старуха Сѣчина умерла. Анюта осталась совершенно одна, но она и тутъ не упала духомъ. Когда утихли первые

порывы горя и отчаянія, Анюта, распродавъ все оставшееся послѣ матери скудное имущество, рѣшилась идти въ гувернантки.

Началось хожденіе по конторамъ, съ постоянными обѣщаніями и постоянными неудачами. Наконецъ кое-какъ, съ помощію знакомаго читателю старичка, дѣло уладилось: Анюта поступила въ компаньонки къ одной барышнѣ, круглой сиротѣ, но обладательницѣ очень большаго состоянія.

Сравнительно жизнь Анюты потекла здѣсь лучше и спокойнѣе. Ей не нужно было уже взваливать себѣ на плечи непосильный трудъ, она могла не заботиться о томъ, будетъ ли у ней на завтрашній день кусокъ хлѣба, для утоленія голода, за то съ другой стороны—выносить всѣ капризы и прихоти избалованной наслѣдницы было положительно невыносимо.

Молодая наслѣдница была дѣвушка пожалуй и не злая. Въ припадкахъ дешоваго великодушія, она цѣловала и обнимала Анюту, упрашивала ее принять въ подарокъ свои старыя платья, не понимая, что этимъ она только оскорбляла молодую дѣвушку. За то иногда по цѣлымъ днямъ она фыркала и злилась, жаловалась Анютѣ на судьбу свою, просила ей прочитать для развлеченія какой нибудь пустѣйшій французскій романъ. Анюта должна была читать, слушать вздохи наслѣдницы и выговоры ея за невнятное чтеніе или дурной французской выговоръ. При гостяхъ наслѣдница была еще нестерпимѣе. Она помыкала Анютой какъ горничной, просила ее принести забытую шаль, или

носовой платокъ, лежавшій у ней же подъ рукою, просила ее играть на фортепіано по цѣлымъ часамъ и пр. Такая жизнь сдѣлалась для Анюты нестерпимою. Къ счастію, въ это время ей предложили ѣхать въ гувернантки къ Васильевымъ въ С-кій уѣздъ. Анюта съ радостію схватилась за это предложеніе: она поѣхала бы куда угодно, только чтобы разстаться съ своею патронессою. Къ принятію предложенія много способствовало и то обстятельство, что Анюта слышала отъ одного изъ знакомыхъ наслѣдницы изъ С-каго уѣзда о назначеніи туда Высоцкаго. Въ ней загорѣлось непремѣнное желаніе увидѣть его, поговорить съ нимъ: она любила Высоцкаго по прежнему—тяжелыя обстоятельства жизни не придавили и не заглушили любовь ея. Въ С-кѣ она надѣялась увидать его непремѣнно. Кромѣ того, надежда увидать новыя мѣста и новыхъ людей, желаніе оставить Москву, которая ей опротивѣла—все это дѣйствовало на нее такъ, что она съ нетерпѣніемъ ждала отъ Васильевыхъ присылки за нею лошадей.

Наконецъ она дождалась и распростилась съ Москвою. Дорога подѣйствовала успокоительно на ея измученные и разстроенные нервы. Она оживилась и окрѣпла и съ нетерпѣніемъ ожидала пріѣзда на мѣсто своей будущей дѣятельности.

Отдохнувшая за время переправы, тройка полной рысью поѣхала по берегу Оки. Въ воздухѣ совсѣмъ посвѣжѣло; на горизонтѣ показалась чорная дождевая туча, гро-

зившая дождемъ, ласточки низко, низко носились надъ рѣкою, вдалекѣ послышались раскаты грома.

— Дождь будетъ, сказалъ ямщикъ, снимая шляпу и крестясь.

— До дождя домой доѣдемъ, рѣшилъ суровый, сидѣвшій на козлахъ лакей.

До дому точно было недалеко. Проѣхавъ немного берегомъ, тройка повернула направо, миновала небольшой лѣсокъ. Показалось чистое поле, вдали виднѣлась деревня и господскій домъ, окрашенный въ сѣрую краску съ зеленою крышѣю.

— Вотъ и Васильевское, барышня, объявилъ Анютѣ ямщикъ, указывая кнутомъ на виднѣвшіяся строенія.

ГЛАВА III.

Въ деревнѣ.

Длинный одноэтажный господскій домъ стоялъ на небольшомъ возвышеніи. Сзади его тянулись службы, сараи, конюшни и т. п., сбоку шелъ садъ, старый и запущенный; немного позади виднѣлись соломенныя почернѣвшія отъ времени крыши крестьянскихъ избъ.

По двору, заросшему густою, но мелкою травою, бродили домашнія птицы и животныя: были индѣйки и куры; индѣйскій пѣтухъ, надувшись и распустивъ перья, съ

важностью расхаживалъ около крыльца и бормоталъ что-то на своемъ непонятномъ нарѣчіи; стоявшій на дорогѣ желтоватый теленокъ, заслышавъ звонъ колокольчика, пересталъ щипать траву и безсмысленно уставилъ глаза на приближающуюся тройку и затѣмъ вдругъ со всѣхъ ногъ бросился въ сторону; наконецъ къ довершенію картины босая деревенская баба, вѣшавшая на протянутую веревку только что вымытое бѣлье, оставила свое занятіе и, приложивъ руку къ глазамъ, чтобы закрыть ихъ отъ солнечнаго блеска, широко разинувъ ротъ, смотрѣла на пріѣзжихъ. На звонъ колокольчика и шумъ подкатившей къ крыльцу тройки изъ дому выбѣжалъ лакей въ засаленномъ нанковомъ сюртукѣ, съ небритой и заспаной физіономіей. Увидѣвъ пріѣзжихъ, онъ прежде всего счелъ долгомъ перемигнуться съ сидѣвшимъ на козлахъ суровымъ служителемъ, затѣмъ уже подбѣжалъ къ экипажу и, съ ловкостью двороваго человѣка старой школы, помогъ молодой дѣвушкѣ выйдти изъ тарантаса, при чемъ слегка наступилъ ей на ногу.

На вопросъ молодой дѣвушки, «дома-ли господа», заспанный лакей осипшимъ басомъ произнесъ «пожалуйте» и широко открылъ передъ нею двери.

Передняя, въ которую вошла Анюта, была довольно большая комната, съ разрисованными стѣнами. Досужій маляръ, расписывавшій комнату, ухитрился представить на стѣнахъ самые небывалые, диковинные виды. Вы могли бы увидать здѣсь мальчика, идущаго ловить рыбу, причемъ крестьянскія избы, возлѣ которыхъ шелъ мальчикъ, были такъ малы, что онъ вѣроятно безъ всякаго затрудне-

нія перешагнулъ бы черезъ любую, еслибы та попалась ему на дорогѣ. Немного подальше виднѣлась цапля, несшая во рту рыбу, причемъ цапля видомъ своимъ болѣе напоминала верблюда, а рыба была похожа на вяземскій пряникъ. Былъ здѣсь изображенъ и какой-то генералъ, попирающій копытами лошади своихъ собственныхъ солдатъ; вообще много было разныхъ диковинокъ.

Изъ передней Анюта очутилась въ залѣ, довольно обширной комнатѣ, оклеенной обоями подъ мраморъ. На встрѣчу ей выбѣжалъ какой-то господинъ низенькаго роста въ халатѣ домашняго приготовленія. Увидя молодую дѣвушку, господинъ въ халатѣ громко вскрикнулъ «ахъ» и затѣмъ быстро юркнулъ въ первую попавшуюся дверь.

Анюта догадалась, что это вѣроятно былъ хозяинъ дома.

На порогѣ гостиной Анюту встрѣтила высокая дама, уже немолодыхъ лѣтъ, но еще съ претензіей нравиться. Это было замѣтно и изъ простенькаго, но слишкомъ щеголеватаго для деревни наряда, и изъ эффектной, новомодной прически.

—M-lle Сѣчина? полувопросительно съ легкимъ поклономъ произнесла дама.

— Точно такъ. Анюта поклонилась.

— Очень рада. Я ждала васъ съ нетерпѣніемъ.

Сѣли. Анюта взглянула пристальнѣе на говорившую съ ней даму.

Госпожа Васильева глядѣла женщиной лѣтъ тридцати съ большимъ хвостикомъ. Въ молодости она должно быть

была очень недурна собой, хотя въ лицѣ ея было какое-то непріятное выраженіе; большіе сѣрые глаза глядѣли холоднымъ и злымъ взглядомъ, длинный ястребиный носъ придавалъ ей видъ какой-то хищной птицы. Вообще, съ перваго взгляда, она производила не совсѣмъ хорошее впечатлѣніе.

Разговоръ завязался. Васильева заговорила съ Анютой объ Москвѣ, гдѣ у ней было много знакомыхъ, распрашивала ее объ ея прежней жизни и занятіяхъ и въ заключеніе послала за дѣтьми, чтобы рекомендовать ей ея будущихъ учениковъ.

Въ комнату вошли мальчикъ и дѣвочка. Мальчику на видъ казалось лѣтъ двѣнадцать, дѣвочка была нѣсколько помоложе. Дѣти вошли чинно, подошли къ рукѣ матери и поклонились гувернанткѣ. Держали они себя очень робко и застѣнчиво, повидимому они были очень напуганы.

— Позвольте вамъ рекомендовать, начала Васильева, мои дѣти, Гриша и Оля.

Анюта попробовала было разговориться съ дѣтьми, но это ей не удалось. Тѣ отвѣчали большею частію односложно и скоро были отправлены матерью въ ихъ комнату.

Явился наконецъ и мужъ Васильевой.

Это былъ тотъ самый господинъ въ халатѣ, который первый встрѣтилъ Анюту по пріѣздѣ. Теперь онъ былъ облеченъ въ чорный сюртукъ допотопнаго покроя и широкіе сѣрые шаровары.

На лицѣ Васильева, плоскомъ и широкомъ, яркими чертами были написаны тупость и самодовольство. Сѣрые на выкатѣ глаза смотрѣли сонно и лѣниво, небольшой вздернутый носъ и двухъэтажный подбородокъ довершали портретъ его.

Послѣдовала обычная рекомендація.

Васильевъ оказался господиномъ довольно говорливымъ: на Анюту посыпались вопросы о Москвѣ, дорогѣ и т. п. Онъ простеръ свою внимательность даже до того, что даже хотѣлъ спросить Анюту, не захромала ли у ней дорогой, по слабости ногъ, коренная, но вовремя былъ остановленъ взглядомъ жены и закусилъ себѣ губы.

Вообще замѣтно было, что Васильева госпожа въ домѣ, что она держитъ въ домѣ всѣхъ, не исключая и мужа, въ ежовыхъ рукавицахъ.

Анюта попросила позволенія удалиться въ свою комнату для разборки вещей и чтобы немного отдохнуть съ дороги.

Комнатка отведена была ей небольшая, но довольно свѣтленькая и чистая. Изъ окна виднѣлся небольшой прудъ, съ расположенными по берегу крестьянскими избами, далѣе виднѣлось поле и лѣсъ. Прямо передъ окномъ былъ разбитъ небольшой цвѣтникъ, росли жасмины, фіалки, гвоздика и пр., запахъ отъ нихъ несся въ отворенное окно. Анюта осталась довольна своимъ помѣщеніемъ. Съ дороги она было прилегла, но ей не спалось: неожиданная встрѣча съ Высоцкимъ, незнакомые люди и незнакомая обстановка, все это вмѣстѣ сильно на нее подѣйствовало.

Она сошла внизъ (комната ея была въ мезонинѣ) и черезъ балконъ прошла въ садъ.

Было часовъ около четырехъ. Дождь только что прошелъ и солнце снова показалось изъ за тучъ, сверкая на росистой, политой дождемъ травѣ; въ воздухѣ вѣяло свѣжестью и ароматомъ, все какъ будто посвѣжѣло и обновилось: зелень деревьевъ стала ярче и красивѣе, цвѣты подняли свои опустившіяся головки, птицы чирикали въ кустахъ.

Анюта пошла по большой аллеѣ, ведущей прямо къ пруду. Около самаго берега стояла скамейка. Анюта сѣла на нее и задумалась.

Анюта вспомнила о своемъ прежнемъ житьѣ—бытьѣ, у ней мелькнулъ передъ глазами образъ Высоцкаго. Она замечталась о томъ, когда она его увидитъ.

Раздавшіеся вблизи дѣтскіе голоса вывели ее изъ задумчивости. Прямо къ ней, перегоняя другъ друга, бѣжали Гриша и Оля; неожиданно увидѣвъ передъ собою новую гувернанту, они остановились.

— Не бойтесь, подите сюда, подозвала къ себѣ Анюта дѣтей, готовившихся убѣжать.

Тѣ подошли. Анюта обняла ихъ и стала ласково съ ними разговаривать. Въ отсутствіе матери, дѣти были гораздо живѣе и развязнѣе. Мальчикъ въ особенности заинтересовалъ Анюту своими бойкими и умными отвѣтами.

Пришли звать къ обѣду. (Васильевы обѣдали очень

поздно). Дѣти и новая гувернантка уже друзьями вошли въ столовую.

Къ обѣду пріѣхалъ старикъ-помѣщикъ, весь сѣдой, толстый, съ отдувшимся животомъ. Анютѣ сдѣлалось просто страшно глядѣть, какъ новопріѣзжій, обладавшій завиднымъ аппетитомъ, уничтожалъ по нѣскольку кусковъ каждаго блюда.

Вечеръ закончился прогулкою по деревнѣ и затѣмъ въ поле всего семейства, вмѣстѣ съ Анютою, при чемъ Васильевъ разсказывалъ послѣдней совершенно неинтересовавшія ея подробности: о количествѣ десятинъ принадлежащей ему земли, о посѣвѣ и пр. Рѣчь его шла не прерываясь, до тѣхъ поръ пока взглядъ супруги не охладилъ пламеннаго потока его краснорѣчія.

Послѣ ужина Анюта, усталая и измученная, отправилась въ свою комнату.

Дни шли за днями, все такіе же, всѣ похожіе другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Анюта совершенно освоилась съ своими учениками и тѣ полюбили ее. Съ самой Васильевой Анюта держала себя на сторожѣ, не обращая вниманія на ея покровительственный тонъ, съ мужемъ ея они были пріятели; тотъ даже въ отсутствіи супруги слегка ухаживалъ за Анютой и говорилъ ей самые отборные комплименты, чѣмъ заставлялъ хохотать молодую дѣвушку до слезъ.

Анюта все ждала Высоцкаго.

Высоцкій не ѣхалъ.

Наступилъ какой-то праздникъ и вмѣстѣ съ нимъ ярмарка въ селѣ, верстъ за двадцать отъ Васильевыхъ. Все семейство собралось ѣхать на нее. Анюта также собиралась, но въ день отъѣзда у ней сдѣлался мигрень и она рѣшилась остаться дома.

Васильевы уѣхали вмѣстѣ съ дѣтьми. Оставшись одна, Анюта, лежавшая цѣлый день, подъ вечеръ вздумала пройдти прогуляться.

Она пошла обыкновенною дорогою, по которой она чаще всего ходила гулять.

День былъ славный, августовскій; жаръ уже спалъ. Былъ самый разгаръ рабочей поры и повсюду виднѣлись жнущіе мужики и бабы, тамъ и сямъ мелькали копны.

Анюта шла все дальше и дальше.

Ей послышался звонъ колокольчика. Дѣйствительно, звуки приближались все болѣе и болѣе, показалась телѣжка, запряженная тройкою. Въ телѣжкѣ сидѣлъ молодой человѣкъ.

У Анюты замерло сердце. Ей показалось, что сидящій въ телѣжкѣ былъ Высоцкій.

Она не ошиблась. Черезъ минуту тройка поравнялась съ нею—и Высоцкій, выскочивъ изъ тѣлежки, стоялъ уже подлѣ нея.

Высоцкій крѣпко сжалъ хорошенькую маленькую ручку Анюты.

— Какъ поживаете, какъ менторствуете, Анна Петровна? спрашивалъ ее Высоцкій.

— Поживаю такъ себѣ, менторствую также, улыбаясь отвѣчала Анюта.

— Съ Васильевой уживаетесь?

Анюта засмѣялась.

— Уживаюсь.

— Васильевъ, разумѣется, влюбленъ въ васъ?

— Да что вы, колдунъ что-ли?

Ну—для этого и колдуномъ быть не надо, смѣясь отвѣчалъ Высоцкій. Однако-же вы позволите мнѣ отослать моихъ лошадей въ Васильевское, а самому пройтись съ вами?

— Конечно.

Высоцкій вмѣстѣ съ Анютой поворотили домой. Разговоръ дорогой не умолкалъ. Высоцкій разспрашивалъ Анюту о томъ, какъ она проводила время послѣ отъѣзда его изъ Москвы. Правдивый разсказъ Анюты произвелъ на него сильное впечатлѣніе.

— Молодецъ вы, воскликнулъ онъ, другая бы на вашемъ мѣстѣ давно спасовала. Впрочемъ, по правдѣ сказать, я отъ васъ этого и ожидалъ.

— Да что вы все обо мнѣ, прервала его Анюта; разскажите-ка лучше о себѣ, что вы подѣлывали, послѣ нашей встрѣчи на паромѣ.

Высоцкій понялъ намекъ Анюты.

— Вы хотите спросить, почему я такъ долго сюда не ѣхалъ? прямо спросилъ онъ.

Анюта покраснѣла.

— Ну да.

— А, для этого у меня были свои причины.

— Какія же?

— Во первыхъ причина та, что у меня въ послѣднее время накопилось много слѣдствій.

— А во вторыхъ?

— А во вторыхъ и главныхъ—это то, что мнѣ хотѣлось узнать, какъ вы уживетесь съ Васильевыми, какъ поладите съ ними.

— Что же, ваше любопытсво удовлетворено?

— Нѣтъ, не совсѣмъ.

Они замолчали.

Имъ подали на терассу чай, Анюта принялась хозяйничать.

— Помните, Анна Петровна, вдругъ сказалъ Высоцкій, такъ мы, бывало, пивали чай въ Сокольникахъ.

— Помню.

Они опять оба задумались. Передъ ними мелькала ихъ прежняя жизнь, правда, бѣдная, но за то богатая любовью и ея радостями. А на нихъ глядѣла теплая, темная августовская ночь и свѣжею прохладою вѣяло въ вечернемъ воздухѣ; близь стоящія деревья какими то чорными фантастическими массами выдѣлялись изъ темноты, гдѣ то не-

подалеку слышалось однообразное чириканье сверчка, съ поля чуть доносился говоръ людей, возвращавшихся съ работы, да отрывистый лай собаки. Вотъ и все смолкло: тишина мертвая, ничѣмъ не прерываемая тишина.

Мракъ сгустился; легкій туманъ поднялся надъ близь лежащимъ прудомъ. На небѣ зажглось нѣсколько звѣздъ, гдѣ-то вдали въ полѣ показался огонекъ, разведенный крестьянами, готовившими себѣ ужинъ.

— Хорошо здѣсь, тихо сказалъ Высоцкій.

— Да, хорошо.

Послышался звонъ колокольчика — возвращались Васильевы.

Увидя сидящихъ вмѣстѣ Анюту и Высоцкаго, Васильева сдѣлала какую-то гримасу.

— Вы здѣсь, Василій Павловичъ, протянула она. Вотъ сюрпризъ.

— Былъ въ вашихъ мѣстахъ и заѣхалъ къ вамъ, отвѣчалъ Высоцкій. Да вотъ имѣлъ удовольствіе встрѣтиться еще съ старой знакомой.

— А вы были знакомы? съ легкой насмѣшкой спросила Васильева.

— Мы два года вмѣстѣ жили, твердо отвѣчала Анюта.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ахъ какъ это странно и какъ вамъ должно быть пріятно встрѣтить другъ друга.

У Высоцкаго вертѣлось на языкѣ сказать Васильевай какую нибудь дерзость, но онъ сдерживался, понимая, что это потомъ обрушится на Анютѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ

скоро всталъ, распростился и уѣхалъ, обѣщая Васильевымъ и Анютѣ скоро опять заѣхать.

Высоцкій сталъ наѣзжать довольно часто. Но съ Анютой много разговаривать ему не приходилось: Васильева, какъ не смыкающій очей Аргусъ, постоянно была на сторожѣ. Въ отсутствіе ея за молодыми людьми наблюдалъ мужъ ея.

Еслибы спросить Васильеву, для чего это она дѣлала, то вѣроятно она сама бы затруднилась отвѣтомъ. Высоцкій ей вовсе не нравился, она вовсе не была влюблена въ него и вовсе не завидовала Анютѣ. Она просто олицетворяла собой собаку, лежащую на сѣнѣ; ей почему-то не нравилась взаимная любовь молодыхъ людей, любовь, которую она подмѣтила съ перваго взгляда.

Васильевъ продолжалъ вздыхать по Анютѣ. Онъ глядѣлъ не нее какими то страстно-глупыми, ошалѣвшими глазами. Не обращая въ присутствіи жены никакого вниманія на Анюту, онъ пользовался малѣйшимъ ея отсутствіемъ, чтобы надоѣдать молодой дѣвушкѣ пошлыми любезностями и комплиментами. Намеки его съ каждымъ днемъ становились яснѣе и прозрачнѣе.

Анюта сперва смѣялась надъ ухаживаньемъ Васильева и таки порядочно потѣшалась надъ нимъ. Потомъ эти постоянныя глупыя нѣжности стало ей надоѣдать. Васильевъ ей опротивѣлъ до невозможности. Она всячески старалась

избѣгать его и говорить съ нимъ только по необходимости.

Какъ водится, равнодушіе Анюты только подлило масла на огонь. Васильевъ не на шутку влюбился въ нее. Впрочемъ увлеченіе его было понятно. Стоило только сравнить Анюту, хорошенькую, веселую и остроумную съ его пожелтѣвшей отъ злости и разлившейся жолчи супругой, съ ея визгливымъ непріятнымъ голосомъ и ястребинымъ выраженіемъ лица, чтобы вполнѣ оправдать Васильева. Онъ даже нѣсколько похудѣлъ, пересталъ носить свой допотопный сюртукъ и брюки, сталъ надѣвать цвѣтные галстуки, все для того, чтобы понравиться Анютѣ.

Васильева, занятая Высоцкимъ и Анютою, не замѣчала маневровъ своего супруга. Къ тому же она считала его слишкомъ ничтожнымъ и даже неспособнымъ влюбиться въ кого нибудь въ ея присутствіи.

Такъ тянулись дни за днями, пока не случилась неожиданная, никѣмъ не предвидѣнная катастрофа.

Было часовъ десять вечера. Анюта, уложивши спать дѣтей, сидѣла на балконѣ. Уже совсѣмъ смерклось и только полный мѣсяцъ серебристымъ свѣтомъ освѣщалъ окрестности.

Анюта сидѣла одна и думала о Высоцкомъ. Только вчера онъ уѣхалъ отъ нихъ, только вчера видѣла она эти чорные глаза, смотрѣвшіе на нее такимъ ласковымъ и нѣж-

нымъ взглядомъ, эту добрую, симпатичную улыбку. Анюта закрыла глаза и мысленно старалась вспомнить черты Высоцкаго. Ей это не удавалось.

Странное дѣло, очень часто случается, что когда хочется вспомнить лицо, по чему либо дорогое и милое, мысленно нарисовать въ памяти черты его—это большею частію не удается. Наоборотъ, человѣкъ совершенно намъ не знакомый, котораго видѣли разъ или два, совершенно случайно, человѣкъ этотъ, какъ живой, рисуется воображенію. Не пропала ни одна складка лица, ни одна морщинка, съ непостижимою рельефностью вы видите его передъ собою.

Съ Анютою произошло тоже самое: вспомнить Высоцкаго ей не удавалось.

Легкій шорохъ вывелъ ее изъ полузабытья.

Она открыла глаза. Передъ ней стоялъ Васильевъ.

— Это вы, Анна Петровна? шопотомъ произнесъ Васильевъ.

— Да, я. Что вамъ угодно? Анюта говорила твердо и громко.

— Ради Бога, потише. Жена въ спальнѣ — услышитъ.

— Я нисколько не думаю отъ нея скрываться. Что же вамъ отъ меня угодно?

— Тише, пожалуйста тише. Васильевъ подошелъ совсѣмъ къ Анютѣ и взялъ ее за руку.

Анюта быстро ее вырвала.

— Стыдитесь, крикнула она. Вы женатый человѣкъ.

— Я люблю васъ, Анна Петровна, говорилъ Васильевъ, ловя ея руки, я люблю васъ. Я ненавижу мою жену, этого

олицетвореннаго дьявола. Для васъ я готовъ на все, готовъ идти на мученія, въ огонь и въ самый адъ.

Какъ ни была раздражена и разсержена Анюта, тѣмъ не менѣе она не могла не улыбнуться этому оригинальному объясненію. Однако она встала и сдѣлала шагъ, чтобы уйдти съ балкона.

Васильевъ загородилъ ей дорогу и бросился передъ ней на колѣна.

— Не уходите, Анна Петровна, не уходите; позвольте мнѣ только открыть передъ вами всю мою любовь, мою.....

Васильевъ не докончилъ.

Дверь балкона съ трескомъ отворилась; передъ Анютою и колѣнопреклоненнымъ Васильевымъ, съ лицомъ, искаженнымъ злостью и гнѣвомъ, стояла Васильева.

Эффектъ вышелъ невообразимый. Васильевъ былъ буквально уничтоженъ и стертъ съ лица земли. Онъ счелъ за лучшее ретироваться. Затѣмъ Васильева напустилась было на Анюту, но полные достоинства и спокойствія отвѣты послѣдней осадили ее на первыхъ же порахъ и отняли у ней охоту продолжать нотацію.

Отъ мѣста Анютѣ было отказано.

ГЛАВА IV.

Въ дрянной гостинницѣ уѣзднаго города.

Утромъ рано поднялась Анюта. Лошади были уже готовы. Не простившись съ Васильевыми и только поцѣловавъ еще спящихъ дѣтей, она уѣхала.

Утро стояло свѣжее (сентябрь былъ уже въ послѣднихъ числахъ). Солнце только однимъ краемъ показалось изъ за лѣса и лучи его еще не разогнали тумана, застилавшаго воздухъ. За ночь выпалъ морозъ, отъ котораго бѣлились и трава и листья деревьевъ. Было свѣжо и прохладно.

Дружно и весело бѣжала тройка, быстро мелькала дорога. До уѣзднаго города было недалеко.

Анюта была пасмурна и озабочена. Ее ни мало не безпокоило то, что она лишилась довольно выгоднаго мѣста. Еслибы не надежда видѣть иногда Высоцкаго, Анюта, со всею безрасчетливостью молодости, сама бы давно бы отъ него отказалась, отказалась бы, еслибы могла получать на немъ вдесятеро болѣе: ей не по душѣ пришлось семейство Васильевыхъ. Она готова была бѣжать отъ нихъ на край свѣта. Ее мучило только одно, что она уѣзжаетъ не увидавъ Высоцкаго, не простившись съ нимъ передъ отъѣздомъ и что онъ даже не знаетъ, что она отошла отъ Васильевыхъ: это одно ее мучило и наводило уныніе на ея веселое личико.

Вотъ и уѣздный городъ, какъ двѣ капельки воды, похожій на другіе уѣздные города, съ упраздненной и испорченной заставою и кузницами при въѣздѣ, съ покошенными на бокъ и разваливающимися домишками, съ вымощенною площадью, на которой выстроенъ соборъ, по улицамъ тѣ же лаконическія надписи—«распивочно и на выносъ». Вотъ наконецъ и «нумира для пріежихъ», единственная гостинница въ городѣ.

— Въѣзжать прикажете? спрашиваетъ кучеръ Анюту.

— Въѣзжай.

Тройка поворотила и гремя въѣхала въ ворота.

На крыльцѣ стояла грязная баба, держа въ рукѣ какую-то лоханку. На вопросъ Анюты, есть ли свободная комната, баба поставила сперва лоханку на полъ, затѣмъ осмотрѣла Анюту съ ногъ до головы.

— Знать, вы пріѣзжая?

— Пріѣзжая. Нѣтъ-ли свободной комнаты?

— Комнаты-то? Какъ не быть, есть. Пожалуйте.

По узкой и крутой деревянной лѣстницѣ Анюта взошла во второй этажъ дома. Грязная баба порылась въ карманѣ, вынула ключъ и отперла небольшой висячій замокъ, висѣвшій на двери.

Анюта взошла въ небольшую комнату, обклеенную голубыми, но совершенно уже полинявшими отъ сырости обоями. Изъ за обоевъ, кое гдѣ совершенно отвалившихся, выглядывала штукатурка. Возлѣ стѣны стоялъ диванъ, обтянутый чорной кожей и крѣпкій какъ дерево, по угламъ торчали два, три стула. На Анюту пахнуло сырымъ зат-

хлымъ запахомъ нежилаго покоя; комната пришлась ей не по вкусу.

На вопросъ Анюты, нельзя-ли достать другую комнату, баба отвѣчала, что лучше этой комнаты не имѣется и что ее всегда отводятъ проѣзжимъ. Оставалось покориться. Анюта спросила бумаги и перо: она захотѣла написать къ Высоцкому.

Много желала она написать ему. Ей хотѣлось раскрыть передъ нимъ свое сердце, повѣдать ему свою любовь и свои мученія, разсказать всю повѣсть больной и измученной души.

— А вдругъ, никакой любви съ его стороны нѣтъ. Быть можетъ это я только такъ воображаю! мелькнуло у ней въ головѣ.

Она бросила перо и бумагу.

— Нѣтъ, быть не можетъ, онъ любитъ меня, любитъ.

И въ воображеніи ея мелькнули всѣ длинные вечера, проведенные съ нимъ, эта прощальная сцена передъ отъѣздомъ, этотъ жаркій и страстный поцѣлуй.

Она схватила перо и начала писать.

Перо такъ и летало по бумагѣ, страница исписывалась за страницею.

Вдругъ она бросила перо.

Ею овладѣло чувство дѣвственной стыдливости, чувство молодой дѣвической застѣнчивости, не позволяющей женщинѣ первой сказать слово «люблю» любимому ею человѣку.

Вмѣсто длиннаго посланія, она написала Высоцкому только слѣдующія строки:

«Я отошла отъ Васильевыхъ вслѣдствіе одной очень «глупой исторіи, которую я вамъ разскажу. Черезъ три «часа я уѣзжаю въ Москву. Если вы дома, то приходите проститься съ уважающею васъ А. Сѣчиной.

Отославъ записку, Анюта сѣла у окна. Она была неспокойна. Она вспомнила о томъ, какъ рѣдко Высоцкій бываетъ дома и что какъ мало вѣроятія, что записка застанетъ его дома.

А на улицахъ происходили все обыденныя сцены. Въ городѣ былъ базарный день. Длиннымъ, безконечнымъ рядомъ тянулись мужицкія телѣги съ пьяными, лежащими въ нихъ мужиками и правящими лошадьми бабами; кулакъ-купчикъ громко кричалъ передъ окномъ, бранясь съ какимъ-то плюгавенькимъ мужикомъ, виднѣлась повязанная жолтымъ платкомъ баба, продававшая яблоки и пряники, украшенные сусальнымъ золотомъ; изъ сосѣдней ресторацій неслись дикіе и нестройные звуки какой-то пѣсни, пѣтой охрипшими и пьяными голосами. Анюта встала и прошлась по комнатѣ. Взглядъ ея упалъ на стѣну, чернѣвшую сдѣланными карандашомъ надписями. Отъ скуки она начала читать ихъ.

Надписи были извѣстнаго содержанія: поручикъ Миловидовъ объявлялъ здѣсь о себѣ, что онъ останавливался въ этой комнатѣ и перемѣнялъ здѣсь лошадей. Далѣе виднѣлась лаконическая надпись «и я здѣсь былъ»; еще далѣе шли различныя стихотворенія юмористическаго содержанія и непечатныя остроты и наконецъ все это заканчи-

валось остроумною надписью, гласившей, что «кто пишетъ на стѣнахъ—тотъ дуракъ».

Анюта сѣла на диванъ и въ утомленіи закрыла глаза. Она заплакала.

Раздался стукъ въ дверь; сердце Анюты захолонуло. Она открыла глаза и чуть не вскрикнула. На порогѣ комнаты стоялъ Высоцкій.

Высоцкій подошелъ прямо къ ней и взялъ ее за руку.

— Анна Петровна! что вы? что съ вами? спрашивалъ Высоцкій, пораженный ея слезами.

Анюта заплакала еще сильнѣе, Слова участія и состраданія жгли ее какъ раскаленное желѣзо.

— Что съ вами? что съ вами, голубушка моя? говорилъ Высоцкій, стоитъ-ли такъ огорчаться изъ за Васильевыхъ?

Глаза его упали на лежавшее на столѣ письмо, которое начала писать къ нему Анюта; ему кинулось въ глаза его имя и онъ взялъ письмо, чтобы прочесть его.

— Оставьте! оставьте! крикнула Анюта, увидавъ письмо въ рукахъ Высоцкаго.

— Письмо ко мнѣ—слѣдовательно я могу прочесть его, отвѣчалъ Высоцкій, не давая письма.

— Боже мой, онъ прочтетъ, онъ узнаетъ все, мелькнуло въ умѣ у Анюты, и она закрыла лицо руками.

Высоцкій бросилъ письмо, не дочитавъ его до половины. Анюта увидѣла его передъ собою. Онъ стоялъ на колѣнахъ передъ нею.

Одною рукой онъ обнялъ ея гибкую и стройную талію,

другою старался отвести руки, въ которыя она прятала лицо.

— Жизнь моя, радость моя, ты меня любишь!

Высоцкій покрывалъ поцѣлуями руки Анюты.

— Посмотри-же на меня, моя пригожая, моя хорошая! Онъ обнялъ ее еще крѣпче, еще жарче.

Анюта склонилась къ Высоцкому, быстрый поцѣлуй обжегъ его губы и голова Анюты легла на груди его.

— Милый мой, красавецъ мой, говорила Анюта, лаская Высоцкаго. Слезъ ея какъ не бывало: яркимъ румянцемъ горѣли щеки, огнемъ страсти зажглись эти голубые, глубокіе глаза. Она вся сіяла надеждой и счастьемъ.

И какъ будто солнечный лучъ проникъ въ убогую и бѣдную комнату: все въ ней просвѣтлѣло и будто окрасилось розовымъ цвѣтомъ.

Свадьба Высоцкаго и Анюты происходила черезъ недѣлю. С—кіе дамы очень жалѣли красиваго Высоцкаго и всѣ негодовали на интригантку гувернантку, заставившую, по ихъ словамъ, его на себѣ жениться; впрочемъ это не помѣшало имъ быть съ визитымъ у Анюты.

Высоцкіе пробыли въ С—кѣ недолго. Онъ получилъ назначеніе въ Петербургъ, куда и переѣхалъ вмѣстѣ съ женою.

НЕПРІЯТНОЕ ПРОБУЖДЕНІЕ

ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТОЧКА.

Театръ представляетъ небольшую комнату, обклеенную обоями, когда-то имѣвшими сѣрый цвѣтъ, но въ настоящее время сдѣлавшимися почти жолтыми. На лѣво отъ входа диванъ съ посланной постелью. На диванѣ подушка съ наволочкою, вполнѣ могущею замѣнить пластырь, на подушкѣ голова спящаго человѣка. На лѣво отъ входа дубовый столъ, еще далѣе другой столъ ломберный, съ засаленнымъ сукномъ. На столѣ вполовину опорожненный полштофъ очищенной, остатки колбасы и пеклеваннаго хлѣба. На одномъ изъ стульевъ подносъ, на которомъ валяются патроны и табакъ.

Запавѣсъ открытъ, представленіе начинается.

Господа, пожалуйте!

Спящая голова нисколько не смущена тѣмъ, что ее показываютъ такимъ публичнымъ образомъ. Она продолжаетъ

*

преисправно спать. Во снѣ она издаетъ носомъ и ртомъ нѣкоторые звуки, весьма похожіе на тѣ, которые издавали блаженной памяти мастодонты, когда они паслись на тучныхъ допотопныхъ лугахъ и питались ихъ сочною травою.

Спитъ мастодонтъ—и видитъ:

Передъ нимъ таже комната съ тѣми же аттрибутами. Разница только въ томъ, что засаленный зеленый столъ покрытъ чистою скатертью. На столѣ стоитъ водка, нѣсколько бутылокъ вина и самая разнообразная закуска. Возлѣ стола сидитъ молоденькая брюнетка, съ розовыми щеками, длиннымъ носикомъ и большими чорными глазами. Женщина эта умильно смотритъ на мастодонта — мастодонтъ обнимаетъ ее за талію.

— Выпей, Викторія, говоритъ мастодонтъ.

— Не хочу я пить, отвѣчаетъ Викторія, при чемъ немилосерднымъ образомъ коверкаетъ русскій языкъ.

— Пожалуйста выпей, упрашиваетъ мастодонтъ.

— Не хочу.

— Что же, ты меня обидѣть хочешь? спрашиваетъ мастодонтъ.

Викторія наливаетъ въ стаканъ вина и выпиваетъ его залпомъ.

— О, ты моя королева, а я твой первый министръ, восклицаетъ въ восторгѣ мастодонтъ.

Онъ наливаетъ себѣ два стакана вина и осушаетъ ихъ одинъ за другимъ.

Пораженная подвигами мастодонта, Викторія обнимаетъ его и цѣлуетъ.

Они сидятъ, любуются другъ на друга и ведутъ нѣжныя рѣчи на нѣмецкомъ діалектѣ.

Дверь быстро отворяется и входитъ другая женщина.

Эта блондинка, не первой уже молодости, сильно расплывшаяся, набѣленая и нарумяненная. Она входитъ въ комнату съ важностью нахохлившагося индѣйскаго пѣтуха.

— А, Анжелика! восклицаетъ мастодонтъ.

Анжелика дѣлаетъ еще шагъ впередъ. Она сильно удивлена и оскорблена, увидя Викторію и мастодонта. Она строитъ презрительную гримасу, что впрочемъ не совсѣмъ ей удается и фыркаетъ, какъ ощетинившаяся кошка.

— Фрр.

Въ свою очередь Викторія поражена и удивлена не менѣе, если не болѣе Анжелики. Она поднимается съ мѣста, осматриваетъ Анжелику съ головы до ногъ негодующимъ и презрительнымъ взглядомъ, и въ свою очередь произноситъ.

— Фрр.

Анжелика быстро повертывается назадъ, подбираетъ свой длинный распущенный шлейфъ и уходитъ, сильно хлопнувъ дверью.

Мастодонтъ подходитъ къ Викторіи и хочетъ обнять ее. Та съ негодованіемъ отталкиваетъ. Мастодонтъ растерянъ и изумленъ.

— Выпей пожалуйста, Викторія, говоритъ сконфуженнымъ голосомъ мастодонтъ.

Викторія не отвѣчаетъ ни слова: она подходитъ къ зеркалу и начинаетъ надѣвать передъ нимъ шляпку.

— Выпей, сдѣлай милость, говоритъ совершенно растерявшійся мастодонтъ.

Викторія обертывается, поражаетъ мастодонта самымъ убійственнымъ взглядомъ, затѣмъ также подбираетъ свой шлейфъ, какъ и Анжелика, и уходитъ, также крѣпко хлопнувъ дверью.

Мастодонтъ остается одинъ въ совершенномъ одеревененіи.

Картина быстро мѣняется.

Передъ мастодонтомъ другія декораціи, другая обстановка. Видится ему длинная, длинная зала, такая длинная, что и конца ей нѣтъ. Она набита народомъ. Кого только тутъ нѣтъ.—Здѣсь и греки, и армяне, и евреи, и купцы, и офицеры, и чиновники, и торговки и пр. и пр., словомъ представители всѣхъ націй и всѣхъ сословій. Всѣ они чего-то ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, всѣ глаза устремлены на одну точку.

Въ этой залѣ производится тиражъ выигрышей. Билета у мастодонта нѣтъ, но онъ почему-то твердо убѣжденъ, что выигрыетъ, и выиграетъ не болѣе не менѣе, какъ двѣсти тысячъ. Подобно другимъ, онъ также съ нетерпѣніемъ ожидаетъ начала тиража, подобно другимъ, глаза его пристально устремлены на какого то бѣлокураго, молодаго человѣка съ небольшими усиками и въ pince-nez, который стоитъ у роковаго колеса.

Наступаетъ рѣшительная минута.

— У кого нѣтъ билета? громкимъ голосомъ кричитъ блондинъ.

— У меня! еще громче отвѣчаетъ мастодонтъ.

— Вы выиграли двѣсти тысячъ!

Счастливецъ! счастливецъ! прогудѣло въ громадной толпѣ—и всѣ стремятся посмотрѣть на мастодонта, пожать ему руку и пр.; одинъ еврей простеръ свою внимательность даже до того, что началъ рукавомъ сюртука обчищать немного замаравшійся оксфордъ мастодонта.

Мастодонтъ въ упоеніи: въ воображеніи его мелькаютъ экипажи, рысаки, камеліи, вино, вино и вино.

Сны мастодонта прерываются и наступаетъ горькая дѣйствительность.

Въ комнату входитъ пожилая женщина въ бурнусѣ и шляпкѣ съ жолтыми лентами и трогаетъ за плечо мастодонта.

Мастодонтъ открываетъ глаза, поднимается и надѣваетъ тутъ же лежащій халатъ.

— Здравствуйте, Павелъ Михайловичъ, говоритъ пожилая женщина мастодонту.

— Здравствуйте Аксинья Прохоровна, отвѣчаетъ мастодонтъ, протирая себѣ глаза.

— Что же это такое, Павелъ Михайловичъ, начинаетъ причитывать пожилая женщина, при чемъ голосъ ея съ каждымъ словомъ становится все крикливѣе и крикливѣе, когда же это мнѣ деньги-то отдадутъ? Вѣдь меня обидѣть не трудно: я бѣдная дѣвушка....

— Развѣ вы дѣвушка? спрашиваетъ мастодонтъ.

— А что же? Извѣстно дѣвушка.

— Ну, какая вы дѣвушка.

— Да что же я такое, по вашему, обиженнымъ тономъ начинаетъ пожилая женщина. Она собирается продолжать въ этомъ же родѣ, но мастодонтъ прерываетъ ее.

— Да ну, отстаньте—дѣвушка. Дѣвушка, только отстаньте. Чаю хотите?

— Не до чаю мнѣ вашего, начинаетъ опять пожилая женщина, вы скажите-ка лучше, когда мнѣ деньги....

Рѣчь пожилой женщины опять обрывается. Въ комнату быстро входитъ блондинъ въ сѣромъ пальто, сѣрой новомодной шляпѣ и закрученными усами.

Онъ подходитъ прямо къ мастодонту и пристально на него смотритъ.

— Ты опять пилъ вчера? говоритъ блондинъ, вмѣсто всякаго привѣтствія мастодонту.

— Нѣтъ, не пилъ, отвѣчаетъ тотъ.

— Нѣтъ, пилъ.

— Нѣтъ, не пилъ.

Глаза блондина упадаютъ на полуопорожненный полштофъ, стоящій на столѣ.

— А это что? съ торжествомъ спрашиваетъ блондинъ.

Мастодонтъ конфузится и молчитъ.

— Это что? продолжаетъ допрашивать блондинъ.

— Это такъ, это ничего.... пытается бормотать мастодонтъ.

— Можетъ быть это кто нибудь другой пилъ, вступается пожилая женщина.

— А вы молчите, не ваше дѣло, напускается на нее блондинъ.

Раздается опять стукъ въ двери.

— Явленіе третье и послѣднее, говоритъ мастодонтъ, — войдите.

Явленіе точно оказывается послѣднимъ. Въ комнату входитъ солдатъ, въ рукахъ у него бумага.

— Что такое? спрашиваетъ мастодонтъ.

— Повѣстка, угрюмо говоритъ солдатъ, — росписаться извольте.

Мастодонтъ разсматриваетъ бумагу.

— Повѣстка отъ мироваго судьи, обращается онъ къ блондину, — взыскиваетъ деньги какая-то Питоде. Это скверно.

— Не хорошо, соглашается блондинъ.

Пожилая женщина отъ удивленія не можетъ произнести ни слова.

Занавѣсъ тихо опускается.

ОБЪЯСНЕНІЕ ВЪ ЛЮБВИ Г. ЛИВАНОВУ.

Сверстанные листы принесены изъ типографіи, авторъ считаетъ—и, о ужасъ, недостаетъ еще слишкомъ пол-листа. Чтобы книга могла выйти безъ цензуры, необходимо десять листовъ, а у меня здѣсь только съ чѣмъ-то девять. Нужно еще писать. Но, спрашивается, что? Объ чемъ?

— Развѣ написать что нибудь объ выставкѣ?

Положимъ я на ней не былъ и имѣю объ ней изъ газетъ самое темное и смутное понятіе, но это меня бы не остановило. Мало-ли російсскихъ литераторовъ и литературщиковъ писали и пишутъ о томъ, чего они не знали и не знаютъ, объ чемъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, съ чѣмъ они познакомились только по слухамъ и разнымъ сплетнямъ?

Великая тѣнь Ѳаддея Булгарина, къ тебѣ взываю; настави, подкрѣпи и научи!

Я жду прихода тѣни, но она не является. Ее нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Напишу-ка я что нибудь объ раскольникахъ.

Я снимаю со стѣны портретъ г. Ливанова, приложенный имъ ко 2-му тому «Раскольниковъ» висящій у меня рядомъ съ портретами Булгарина, Тредьяковскаго, Діогена и Герострата, ставлю его передъ собою, смотрю на него и набираюсь вдохновенія.

Смотрю я на портретѣ этаго *знаменитаго адвоката и литератора*, выигрывшаго столько извѣстныхъ процессовъ и написавшаго прогремѣвшихъ на всю Россію «Раскольниковъ и Острожниковъ», смотрю на эти кроткія, кроткія какъ у молодаго барана черты, смотрю на эту элегантную, полную невыразимой граціи и нѣжности, наружность, смотрю на этотъ возвышенный, античный, словно изъ мѣди выкованный лобъ, смотрю и смотрю.

Смотрю—и невольное сомнѣніе вкрадывается въ душу.

Неужели, думается мнѣ, это тотъ самый г. Ливановъ, написавшій это ядовитое, полное своеобразнаго юмору, огня и силы, это знаменитое предисловіе къ второму тому его «Раскольниковъ»? Неужели этотъ человѣкъ, на лицѣ котораго столь крупными чертами изображены кротость и благодушіе, умѣренность и акуратность, довольство собой и благонадежность, неужели этотъ человѣкъ можетъ вдругъ воспылать негодованіемъ? Неужели онъ можетъ писать такіе краснорѣчивые, но злобные памфлеты, такія огненныя филиппики? Неужели можетъ до такой степени преобразиться человѣкъ? Неужели могутъ:

Вспыхнуть гнѣвомъ столь кроткія очи,
Исказиться гримасой черты,
Почернѣть все лицо хуже ночи?
Другъ Ливановъ! нѣтъ, нѣтъ—то не ты. *)

Впрочемъ, разбирая хладнокровно, понятно почему г. Ливановъ воскипѣлъ такимъ негодованіемъ, воспылалъ такимъ гнѣвомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, видѣть себя одного посреди злобныхъ, покушающихся нѣкоторымъ образомъ даже на жизнь враговъ, слышать ожесточенныя нападки непріятелей, не умѣющихъ цѣнить всей прелести и изящества его произведеній, его чисто тургеневскихъ картинъ природы, которые, вмѣсто того чтобы, какъ требовала ихъ прямая обязанность, признать его «Раскольниковъ и Острожниковъ», великимъ и безсмертнымъ произведеніемъ, кричатъ, что это гнусный и скверный пасквиль—какъ хотите, это хоть кого выведетъ изъ терпѣнія. Удивительно-ли послѣ этаго, что и г. Ливановъ потерялъ его?

На этотъ вопросъ я отвѣчаю прямо.

— Нѣтъ, не удивительно, нисколько не удивительно. Этого даже слѣдовало ожидать.

Ну, и отплатилъ же г. Ливановъ врагамъ своимъ. Отплатилъ блистательно.

Обладая удивительнымъ даромъ краснорѣчія и искусст-

---

*) Авторъ проситъ извиненія у г-на Ливанова, что осмѣлился обратиться къ нему съ словомъ ты и назвать его другомъ. Это вовсе не желаніе быть съ нимъ „на ты", а поэтическая вольность.

вомъ ругаться, вынесеннымъ имъ вѣроятно изъ глубокаго изученія народной жизни на площадяхъ и рынкахъ, онъ уничтожилъ и окончательно втопталъ въ грязь своихъ противниковъ.

Одного онъ назвалъ недоучившимся мальчишкой, выгнаннымъ изъ университета за студенческіе безпорядки и вслѣдствіе этаго доказалъ ему, какъ дважды два—четыре, что онъ не можетъ написать ничего порядочнаго, другаго водворилъ на мѣстожительствѣ—въ сумасшедшемъ домѣ, третьяго за его статью исключилъ изъ какого-то училища, четвертаго помѣстилъ въ канцелярскіе служители и затѣмъ всѣхъ вообще опять такъ засадилъ въ сумасшедшій домъ.

Лихо распорядился!

Но этого еще мало. Одаренный отъ природы необыкновенною проницательностью и сообразительностью, онъ, съ искусствомъ сыщика, приподнялъ всѣ маски, обнаружилъ всѣхъ лицъ, доселѣ писавшихъ подъ разными псевдонимами, и прямо назвалъ ихъ по именамъ. Кромѣ того, съ чутьемъ индѣйца, идущаго по слѣду своего врага, скажу болѣе, съ чутьемъ лягаваго щенка, отъискивающаго дичь, онъ прямо называлъ авторовъ тѣхъ статей, которыя появлялись напечатанными въ газетахъ и журналахъ, даже безъ всякой подписи и обличилъ ихъ въ своей книгѣ.

Удивительно! поразительно!

Я продолжаю смотрѣть на портретъ г. Ливанова и невольное восхищеніе овладѣваетъ мною.

Боже! думаю я, неужели такъ много прекрасныхъ и благородныхъ качествъ и такихъ завидныхъ талантовъ могутъ помѣщаться въ одномъ человѣкѣ. Въ самомъ дѣлѣ: краснорѣчіе и великолѣпное чутье, кротость и умѣнье карать своихъ враговъ, громадный геній и въ тоже время увлекательный даръ слова, адвокатъ и литераторъ, администраторъ и ярый преслѣдователь и обличитель раскола.

Какъ щедро одаренъ отъ природы этотъ человѣкъ! Чего ему не достаетъ? у него есть все, рѣшительно все.

Я задумался надъ рѣшеніемъ вопроса, чего въ самомъ дѣлѣ не достаетъ г-ну Ливанову.

Вдругъ блистательная, могу сказать геніальная, или, что все равно, ливановская мысль мелькнула у меня въ головѣ.

Я понялъ, да, я понялъ, чего недостаетъ г-ну Ливанову.

Г. Ливанову недостаетъ дружбы. Ему не достаетъ любящаго и преданнаго друга, готоваго для него на всѣ пожертвованія, который бы защищалъ его своимъ тѣломъ отъ безчисленнаго количества окружающихъ его враговъ, друга, съ которымъ бы дѣлилъ онъ свои печали и радости, свои побѣды и неудачи, которому бы онъ читалъ еще въ рукописяхъ свои великія произведенія.

Какова мысль? Не правда-ли я имѣлъ основаніе назвать ее ливановскою?

Да, мысль въ самомъ дѣлѣ не дурна. Положимъ, что г. Ливановъ великій человѣкъ, что онъ высоко стоитъ на

общественной лѣстницѣ, что онъ адвокатъ и литераторъ, членъ артистическаго клуба *) и пр., но развѣ великому человѣку дружба не нужна? развѣ ему не необходима, также какъ и простому смертному, дружеская рука, на которую онъ бы могъ опереться? положимъ, что онъ левъ, а я въ сравненіи съ нимъ мышь—но развѣ мышь не перегрызла запутавшія льва сѣти и тѣмъ не спасла его отъ неминуемой опасности а можетъ быть и смерти? Вспомните-ка это.....

Вспомни, вспомни, другъ Ливановъ,
Какъ явилась въ полѣ мышь
И спасла льва отъ болвановъ,
Показавъ имъ шишъ **).

Развѣ этого не было? Развѣ не повѣствуетъ объ этомъ самъ Крыловъ?

Вы, я думаю, догадались въ чемъ дѣло, читатель? Вы вѣроятно уже узнали, что я хочу предложить свою дружбу г. Ливанову?

Да, дѣйствительно такъ, я хочу предложить ему свою дружбу. Какъ ни безпримѣрно смѣла эта мысль, какой я ни пигмей въ сравненіи съ г. Ливановымъ, какъ ни далеко отстаю отъ него, а все таки я дерзаю протянуть ему свою руку. Берите ее, г. Ливановъ, берите смѣло. Это рука

---

*) Когда уже была набрана эта статья, авторъ получилъ извѣстіе, что г. Ливановъ болѣе не членъ клуба. Оказывается, значитъ, что достоинствомъ у г. Ливанова меньше. Разумѣется это для него ничего не значитъ.

**) Мышь, показавшая шишъ—также поэтическая вольность.

друга. Не гнушайтесь, я, хотя и мышь, могу вамъ, льву, принести пользу. Вспомните, напримѣръ, какъ въ «Развлеченіи» доказывали, что вы ваши описанія картинъ природы заимствовали и даже просто списали у Тургенева, изъ его «Записокъ охотника», какъ тамъ приводили цитаты изъ Тургенева и изъ вашихъ «Раскольниковъ и Острожниковъ» цитаты, которыя дѣйствительно были похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Вы тогда кажется ничего не отвѣчали на эту клевету, на это недостойное обвиненіе. А жалко. Я жалѣю объ одномъ, зачѣмъ меня тогда не было возлѣ васъ. Я бы доказалъ, какъ дважды два четыре, что это все неправда, а если и правда, такъ какое нибудь недоразумѣніе, что это просто сходство талантовъ вашего и Тургеневскаго. Наконецъ, можно было бы пойдти еще далѣе и утверждать, что не вы заимствовали описанія у Тургенева, а наоборотъ, Тургеневъ заимствовалъ свои описанія у васъ. Да мало-ли чего можно было наговорить.

Не правда-ли, я былъ бы драгоцѣнный союзникъ?

Но этого мало. Подъ руководствомъ такого опытнаго наставника, мои способности, отъ природы слабыя, могли бы развиться и усовершенствоваться. Быть можетъ, подобно ему, я сталъ бы совершать сказочные, исполинскіе подвиги: подобно ему я сталъ бы обличать ужасныхъ раскольниковъ; подобно ему я вторгнулся бы въ семейную и частную жизнь ихъ, и описалъ бы все и всѣхъ, описалъ бы то, чего даже никогда не происходило. Вдвоемъ съ нимъ мы бы смѣло и дружно парировали нападенія, разрушали бы всѣ козни враговъ. Мы бы выгнали ихъ не только

изъ коммерческаго, но даже и изъ приходскихъ училищъ, помѣстили бы ихъ не только въ канцелярскіе служители, а просто въ водовозы или дворники; или наконецъ, еслибы они намъ уже черезъ чуръ надоѣли, то переселили бы ихъ прямо, по выраженію Перцова, въ тундры сѣвера.

Неправда-ли завлекательная картина?

Для устрашенія болвановъ
Мы предлагаемъ дружбу вамъ.
Неужто, душечка Ливановъ,
Вы откажете въ ней намъ?

Разумѣется нѣтъ, разумѣется не откажетъ.

Но я еще не кончилъ. Я описалъ только до какихъ грандіозныхъ подвиговъ дойдемъ мы съ г. Ливановымъ, если заключимъ съ нимъ тѣсный союзъ. Разберемъ предметъ съ другой стороны. Не величественное-ли, не трогательное-ли зрѣлище представимъ мы собою изумленному міру? — Левъ и мышь, гигантъ и пигмей, оба въ тѣсной дружбѣ, въ мирѣ и согласіи! Воображая себѣ мысленно эту картину, я плачу отъ умиленія, слезы такъ и капаютъ у меня изъ глазъ, падаютъ на бумагу и мѣшаютъ мнѣ писать. Утирая глаза носовымъ платкомъ, я жалѣю только о томъ, что этотъ исписанный и закапанный слезами листъ никогда не попадется на глаза г. Ливанову: онъ повѣрилъ бы тогда моей искренности, а также мягкости моего сердца и характера: быть можетъ, я тогда выигралъ бы въ его глазахъ.

Увы! увы!

Не помню гдѣ, кажется въ христоматіи Галахова, читалъ я въ юности стихотвореніе Дмитріева, подъ заглавіемъ *Дружба.* Содержаніе этихъ стиховъ заключалось въ томъ, что авторъ, желая изобразить нагляднымъ образомъ дружбу, не нашелъ лучшаго примѣра, какъ представить дубъ, поверженный грозою, который крѣпко обвивалъ со всѣхъ сторонъ плющъ.

Картина дѣйствительно недурна и очень наглядна. Дубъ смятъ и поваленъ грозою, онъ отжилъ свой вѣкъ, но вѣрный другъ — плющъ, его не покидаетъ и въ бѣдѣ: по прежнему онъ крѣпко обвиваетъ его, по прежнему съ нимъ не разлучается. Такую картину представимъ изъ себя и мы съ Ливановымъ.—Величественно и гордо, какъ дубъ стоялъ бы Ливановъ, вокругъ него обвивался бы я.

Какъ дубъ, увѣсистый и крѣпкій,
Стоять ты будешь въ красотѣ,
Раскола обличитель мѣткій
Въ его убогой наготѣ.

*
* *

А у подножья плющъ несчастный
Твой стволъ, сгибаясь, обовьетъ;
Такъ иногда любовникъ страстный
Въ объятьяхъ милую сожметъ.

*
* *

Да, превосходная картина
Глазамъ бы всѣхъ явилась вдругъ:

Стоитъ громаднѣйшій дубина *)
И съ нимъ его несчастный другъ.

Итакъ, г. Ливановъ, предлагаю вамъ союзъ на жизнь и смерть, на страхъ врагамъ и горе супостатамъ.

Такъ какъ г. Ливановъ, въ своемъ предисловіи ко 2-му тому «Раскольниковъ», обѣщался выводить наружу всѣ казни и навѣты своихъ враговъ, то я увѣренъ, что, и съ другой стороны, онъ не оставитъ безъ вниманія обращенное къ нему слово сочувствія и привѣта, и быть можетъ не оставитъ безъ вниманія скромнаго автора «Ни то, ни се». Признаюсь, при одной мысли быть замѣченнымъ г. Ливановымъ, я прихожу въ неистовый восторгъ, просто готовъ плясать отъ радости и удовольствія.

Быть можетъ, это не тщетная надежда.

Итакъ прощайте, искоренитель раскола, прощайте, доблестный соотечественникъ, прощайте, фундаментъ благочестія, прощайте, паинька, прощайте, милочка.

Обожающій васъ

Графъ Кисету (Qui sait tout.)

P. S. Не можете ли вы, г. Ливановъ, прислать мнѣ карточку для ношенія въ медальонѣ? Вы меня бы этимъ безконечно обязали.

КОНЕЦЪ.

---

*) Дабы кто не заподозрилъ въ словѣ „*дубина*“ обидной двусмысленности, спѣшу оговориться, что слово „*дубина*“ употреблено здѣсь, какъ увеличительное отъ слова „*дубъ*“. *Примѣч. Авт.*

ЩЕПКИНЪ М. С. Записки и письма съ портретомъ и факсимиле. 1 т. М. Ц. 1 р.

БИБИКОВЪ. Продажныя женщины. 3 т. М. 3 р.

ОДЮБОНЪ. Сцены природы въ Сѣверной Америкѣ. 1 т. М. 1 р.

НЕКРАСОВЪ. Стихотворенія. 4 т. Спб. 5 р.

КРАМОЛЬНИКИ историческій романъ. 4 т. М. 1 р.

ЗАПИСКИ для молодыхъ людей, желающихъ въ свѣтѣ сдѣлаться ловкими и образованными. М. 50 к.

ѲЕДОРОВЪ. Всѣ мы жаждемъ любви. Спб. 60 к.

ПУШКАРЕВЪ. Стихотворенія. Спб. 1 р.

ВЕЙНБЕРГЪ. Сцены изъ еврейскаго быта. Спб. 1 р.

ГУДЕНЪ. Высшіе уроки карточныхъ операцій, искусство выигрывать во всѣ игры. 2 т. М. 1 р.

ГУЛЕВИЧЪ. Сцены изъ еврейскаго быта. 1 т. М. 1 р.

ВОСКРЕСЕНСКІЙ. Увлеченіе или семейство Каллıопиныхъ. Романъ. 3 т. М. 1 р.

СТАРЧЕВСКІЙ. Николай Михайловичъ Карамзинъ. М. 2 р.

ЧАРЛЬЗЪ ДИККЕНСЪ. Торговый домъ Домби и сынъ. 2 т. М. 3 р.

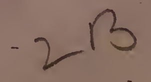
МОРО-КРИСТОФЪ. Физіологія преступленій. 1 т. М. 1 р.

СОЛЛОГУБЪ. Литературный сборникъ «Вчера и Сегодня». 2 т. Спб. 1 р. 50 к.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ САМОУБІЙЦЪ. Спб. 1 р.

БАЙРОНЪ. Донъ-Жуанъ. Спб. 1 р. 50 к.

Кромѣ вышеозначенныхъ книгъ, въ магазинѣ Богданова имѣются всѣ вновь вышедшія, а также и публикованныя другими книгопродавцами книги. Порученія гг. иногородныхъ покупателей исполняются съ первою почтою. Требованія адресуютъ въ Москву, на Никольскую ул. *Я. Ѳ. Богданову.*

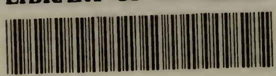

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
00024131890